

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

АРМЕНИЯ
В ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. БРЮСОВА

К 100 - ЛЕТИЮ
ИЗДАНИЯ СБОРНИКА
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ»

ՎԱԼԵՐԻ ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ
«ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՆ» ԺՈՂՈՎԱԾՈՒԻ
ՏՊԱԳՐՈՒԹՅԱՆ 100-ԱՄՅԱԿԻ ԱՌԹԻՎ

ON THE 100TH ANNIVERSARY
OF PUBLICATION OF VALERY
BRYUSOV'S "POETRY OF ARMENIA"

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. ԱԲԵԴՅԱՆԻ ԱՆՎ. ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԱՆՈՒՇԱԿԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ
Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԳՐԱԿԱՆ - ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ
ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

ԵՐԵՎԱՆ
ՀՀ ԳԱԱ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
2016

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
M. ABEGHYAN INSTITUTE OF LITERATURE

ANUSHAVAN ZAKARYAN

ARMENIA IN
V. BRYUSOV'S LITERARY - SOCIAL
ACTIVITIES

YEREVAN
“GITUTYUN” PUBLISHING HOUSE OF NAS RA
2016

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

АРМЕНИЯ
В ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. БРЮСОВА

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИТУТЮН» НАН РА
2016

УДК 821.161.1:821.19
ББК 83.3(2Рос)+83.3(5Арм)
3—183

Печатается по решению
Научно-издательского совета НАН РА
и ученого совета Института литературы
им. М. Абеяна НАН РА при содействии
Всеармянского фонда арменоведческих
исследований НАН РА

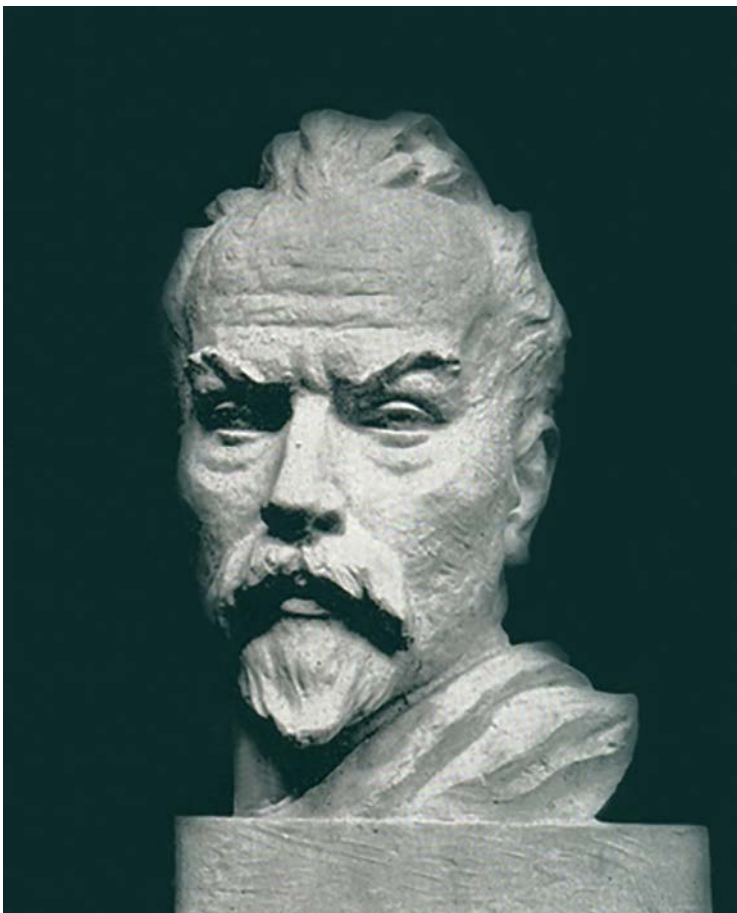
Закарян Анушаван
3—183 Армения в литературно-общественной деятельности
В. Брюсова — Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2016.—
168 с.

Заслуги видного русского поэта, переводчика, литературоведа, литературного критика и историка Валерия Брюсова (1873—1924) по исследованию и пропаганде армянской литературы, в частности, поэзии в основном была оценена в связи с подготовкой и изданием антологии «Поэзия Армении». Его поездки в Закавказье в январе 1916 и 1917 гг., прочитанные лекции, общение с армянской литературно-общественной жизнью, по хронологии реальных, обстоятельств и значению не стали предметом специального исследования. В монографии восполняется эта страница деятельности В. Брюсова. Критически анализируется также сборник «Поэзия Армении». Подчеркивается, что антология явилась своеобразным памятником Геноциду армян, имела большое литературно-культурное, общественно-политическое значение.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-8080-1246-2

© Закарян А., 2016

Валерий Яковлевич Брюсов

Работа А. Саркисяна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общеизвестно, что среди русских ученых и писателей конца XIX — начала XX века редко находились такие, кто серьезно интересовался историей, культурой и литературой малых народов, с которыми жили в одной стране. Между тем, они зачастую лучше знали европейское искусство и литературу, чем порой сами европейцы. Конечно, были и исключения. Так, если речь идет об армянском народе, то это касается в первую очередь Юрия Веселовского, Максима Горького и Валерия Брюсова.

Поэт, переводчик, литературовед и критик *Юрий Веселовский* (1872 — 1919) родился в семье выдающегося филолога академика Алексея Веселовского и первоначальное образование получил дома. Начиная с пятого класса учился на гимназическом отделении московского Лазаревского института восточных языков, главные цели которого сводились к следующему: «быть национальным светильником образования для армян; быть рассадником восточного языкознания в России; сделаться школою общеобразовательною для всех»¹. С медалью окончив гимназию, Ю. Веселовский поступил на историко - филологический факультет Московского университета. В годы учебы он систематически с увлечением изучал армянский язык, литературу, историю, искусство и с 1891 г. стал первым, кто своими переводами и исследованиями начал постоянно и периодически пропагандировать и популяризировать их в России. Таким образом, он сумел привить русскому читателю любовь и интерес к армянской культуре.

¹ 1815—1890. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. Исторический очерк и приложения Г. И. Кананова. М., 1891, с. 3.

В истории армяно-русских литературных связей одна из самых памятных дат — 1893 г., когда вышел в свет первый сборник произведений армянских писателей в русских переводах — «Армянские беллетристы» под редакцией Юрия Веселовского и известного армянского литературно-общественного деятеля Минаса Берберяна. Вторым том был издан в 1894 г. В этих изданиях Веселовским был переведен ряд произведений, написаны критические, критико-биографические очерки. За этим последовали десятки статей об армянском театре, драматургии, восточноармянских и западноармянских писателях, армяно-русских и армяно-европейских литературных связях, страницы из истории армянской литературы, армянского народа. Ю. Веселовский — автор первой монографии об армянском поэте Смбате Шахазизе (1902 г.) на русском языке. Значимым результатом неутомимой деятельности русского исследователя и переводчика является книга «Очерки армянской литературы и жизни» (1906 г.) и антология «Армянская муза» (1906 г.), изданная под его и проф. Г. А. Халатянца редакцией.

Ю. Веселовский в 1889 г. во время пребывания с родителями в Италии посещает в Венеции знаменитую обитель конгрегации мхитаристов. По приглашению Бакинского армянского культурного союза в апреле 1908 г. он прочитал несколько лекций о новейшей армянской литературе в Баку.

Ю. Веселовский тесными узами был связан со многими деятелями армянской литературы, написал целый ряд стихотворений, посвященных Армении и армянскому народу.

В исследованиях «Положение армян в Турции до вмешательства держав» (1895 г.) и «Трагедия Турецкой Армении» (1915 г.) Ю. Веселовский обстоятельно представил возникновение и историю Армянского вопроса, дипломатическую борьбу вокруг него, коснулся проектов реформ в Западной Армении и «гарантий» со стороны турецкого прави-

тельства. С болью Веселовский перечисляет трагические страницы истории армянского народа: «В 1890 году произошла известная Эрзерумская резня, причем слабые попытки армянского населения воспротивиться своевольному обращению турецких солдат и чиновников были потоплены в волнах крови. К 1894 году относится грандиозная резня в Сасуне, — нечто совершенно чудовищное,... при трогательном единодушии курдских шаек и регулярных турецких войск; эта резня, с которой был связан ряд отдельных эпизодов, один возмутительнее другого, — вместе с погромами и избиениями 1895 года»², устраивались планомерно и периодически. Цель этих кровавых погромов — истребление или, «насколько возможно», сокращение армянского элемента в Западной Армении, заключает Ю. Веселовский.

В книжке «Дети обездоленного края» (1916 г.), в статье «Страдающие дети (из мира ужасов турецко-армянской действительности)» (1917 г.) Веселовский показал трагедию армянских детей — жертв политики Геноцида, разоблачил турецкие власти, ссылавшиеся на государственную необходимость обезвредить армян. В статье «Страдающие дети... » он пишет: «Лживость этой обычной “канцелярской отписки”, к какой прибегала столько раз Турция, чтобы замести следы или выйти сухой из воды, когда ее уличали в жестокости и беззаконии, конечно, была слишком очевидна, и ввести в заблуждение турецким дипломатам никого не удалось. Что среди “революционеров”, с которыми боролось турецкое правительство, были дети моложе 10 лет, иногда грудные младенцы, это подтверждено было показаниями всех тех, кто не утратил чувства справедливости и беспристрастия»³.

В библиографической заметке «Участь армян в изображении американского писателя», в публицистических ста-

² *Веселовский Ю.* Трагедия Турецкой Армении. М., [1915], с. 18–19.

³ *Армянский вестник* (Москва), 1917, № 39–40, с. 4.

тях «На заре лучших дней», «Участь армян и подрастающее русское поколение», «Судьба Турецкой Армении»⁴ и многих других Веселовский с подлинным гуманизмом и симпатией к многострадальному народу обличал политику турецкого правительства, затрагивал вопросы общественно-политического значения Армении, ее настоящего и будущего. Известно, что он готовил книгу «Армянский вопрос и русское общество»⁵.

Глубоко и всесторонне был знаком с культурой, историей армянского народа выдающийся писатель и драматург *Максим Горький* (1868–1936). Он неоднократно обращался к судьбам армянского народа, выступал в защиту его интересов, поддерживал дружеские отношения со многими армянскими общественно-политическими деятелями, с интеллигентскими кругами. Горький был знаком с бытом, образом жизни и культурой армянского народа еще с молодости. Одной из первых его жизненных школ был многонациональный Тифлис, где в газете «Кавказ» в 1892 г. была напечатана повесть «Макар Чудра». Общеизвестный факт, что с XII века до 1917 г., т. е. около 800 лет Тифлис главным образом был армянонаселенным городом, из 47 мэров – 45 были армянами⁶.

В 1905 г. М. Горький написал статью «О кавказских событиях», раскрыл сущность политики царского самодержавия в разжигании межнациональной розни между армянами и кавказскими татарами (азербайджанцами), результатом чего были погромы и резня армян в городах Закавказья. Об

⁴ Там же, № 5, 14, 31; Народный вестник (Москва), 1917, № 6.

⁵ Армянский вестник, 1917, № 50–52, с. 2. О связях Ю. Веселовского с армянской литературой, историей и культурой подробно см.: *Давтян А.* Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван, 1970; *Веселовский Ю. А.* Очерки армянской литературы, истории и культуры. Ереван, 1972.

⁶ *Каранетян С.* Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван, 2003 (на арм. яз.).

этих же событиях в памфлете «Русский царь» (из цикла «В Америке», 1906 г.) он писал: «Армяне на Кавказе перебиты руками верноподданных татар. Но этому событию был придан вид вражды национальной, и нужно было верить, что так оно и есть, что это — правда. Но как могло случиться, что армяне и татары, века прожившие вместе... вдруг сделались непримиримыми врагами? Что ж тут мудреного? Ведь и землетрясения бывают тоже вдруг... Когда султан турецкий заставил курдов и своих солдат уничтожить армян — их уничтожили десятки тысяч... »⁷.

Пророческие предчувствия, которые начиная с 1905 года повторялись неоднократно...

М. Горький был обеспокоен положением в Западной Армении в конце 1912 — начале 1913 года и в связи с этим обратился к лидеру большевиков В. Ленину⁸.

Своеобразным протестом против истребления армянского народа младотурками было издание под редакцией Горького «Сборника армянской литературы» (1916 г.)⁹. «Не в первый раз армянские произведения переводятся на рус-

⁷ Горький и Армения. Статьи, письма, воспоминания и «хроника». Ереван, 1986, с. 27.

⁸ Обращение М. Горького к В. Ленину нам, к сожалению, неизвестно. Однако вот что писал 25 января 1913 г. Ленин Горькому: «Насчет дашнаков я ничего не слыхал. Но считаю слух вздорным (речь идет о возможном восстании армян под руководством партии Дашнакцутюн в Западной Армении: об этом сообщалось в статье «Турецкие армяне и Россия» в газете «Русское слово» от 9 января 1913 года. — А. З.). Это правительством пущено, которое хочет скушать Турецкую Армению» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. М., 1964, с. 155).

⁹ Как замечено, «Обращение Горького в первую очередь к армянской литературе не было случайным. Оно объясняется тем, что «к началу практической работы Горького над изданием сборников национальных литератур наиболее подготовленной к этому оказалась литература армянская», прежде всего трудами Ю. Веселовского» (*Веселовский Ю. А.* Указ. раб., с. 57).

ский и издаются, однако впервые, когда великий русский автор, а именно Максим Горький, не только *невольно* интересуется армянской изящной словесностью, но и пытается заинтересовать ею и русскую общественность, — пишет выдающийся армянский писатель Ал. Ширванзаде по поводу издания сборника в статье «Новая книга». — Я специально подчеркнул «*невольно*», поскольку имею совершенно иной взгляд на сборник армянской поэзии В. Брюсова, который также вскоре выйдет в свет (имеется в виду то, что идея издания и финансирования сборника принадлежали Московскому армянскому комитету. — А. З.). ... В то время как предприятие М. Горького, будучи его личным почином, одновременно было связано с материальным риском.

Именно с этих двух точек зрения дело русского романиста-драматурга в моих глазах приобретает двойную ценность.

... В составлении сборника принимал большое участие наш обаятельный поэт Ваан Терьян, чьи переводы, могу сказать, не только близки, но и красивы и даже прекрасны. Не меньше труда вложили в сборник и г. Погос Макинцян, и Левон Калантар, чье содействие также достойно моральной оценки»¹⁰.

Интересен и следующий факт: В. Терьян в письме литературоведу и переводчику Ц. Ханзадяну (1915, 13 сентября, Петроград) пишет: «Горький желает посвятить еще один сборник западноармянской литературе, в котором должны быть также две статьи — одна «Об Армянском вопросе» (о турецко-армянской проблеме), другая — историко-литературный обзор (турецко-армянской литературы)»¹¹.

¹⁰ Ширванзаде. Ал. Собр. соч. В 10-и т. Т. 10. Ереван, 1962, с. 542–544 (на арм. яз.). Ср.: Армянский вестник, 1916, № 23, с. 22–23.

¹¹ Терян В. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Ереван, 1963, с. 402 (на арм. яз.).

Но, к сожалению, этот замысел остался неосуществленным...

Свое отношение к трагедии армянского народа Горький выразил годы спустя, в 1929 г., в цикле очерков «По Союзу Советов», написанных под впечатлением пребывания в Ереване. Он писал: «Помимо воли память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX–начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет, — трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом»¹².

Неоценимы заслуги перед Арменией поэта, переводчика, литературоведа, литературного критика и историка *Валерия Брюсова* (1873–1924). О проблеме В. Брюсов и Армения издано множество книг, статей, публикаций¹³. Однако его титаническая работа по исследованию и пропаганде армянской литературы, в частности, поэзии, истории и культуры, поездки в Закавказье в январе 1916 и 1917 гг., прочитанные лекции, общение с армянской литературно - общественной жизнью, по хронологии реальных, обстоятельств и значению не стали предметом *специального* исследования. В изучении и освещении данной проблематики еще не раскрыты, не оценены многие явления и вопросы, имеется ряд противоречий, упущений, ошибок. В монографии восполняется эта страница деятельности В. Брюсова. Критически анализируется также сборник «Поэзия Армении».

¹² *Горький М.* Собр. соч. В 30-и т. Т. 17. М., 1952, с. 134. О связях М. Горького с Арменией и с армянской культурой подробно см.: *Овнан Г.* Максим Горький и армянская культура. Ереван, 1968 (на арм. яз.).

¹³ См. раздел: «Список источников и использованной литературы».

ГЛАВА I

В. БРЮСОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

1. Бакинские дни

В октябре 1914 г., когда на Кавказском фронте Первой мировой войны между русской и турецкой армиями разворачиваются события на территории Западной Армении, был образован Московский армянский комитет. Цель — содействие успеху русской армии в войне, оказание помощи армянским беженцам, жертвам Геноцида армян в Османской империи, широкое ознакомление русской общественности с историческим прошлым и настоящим армянского народа. В конце апреля 1915 г. комитет наметил подготовить к изданию антологию армянской поэзии. Комиссия, занимающаяся этим вопросом, обращается к М. Горькому с просьбой согласиться на редактирование этого сборника. Однако Горький отказывается, ибо он уже работал над «Сборником армянской литературы», и советует обратиться к самому культурному писателю в России — Валерию Брюсову¹. Видный русский поэт с трудом принимает это предложение. В этой связи в предисловии к «Поэзии Армении» — «От редактора к читателям» — он пишет: «Только после долгих настояний отдельных представителей Комитета, — которым за это я обязан глубокой благодарностью, — согла-

¹ О предыстории создания антологии «Поэзия Армении» подробно см.: Брюсов и Армения, кн. 2. Ереван, 1989, с. 124–139.

сил ся сделать опыт, пробу»². В течение трех месяцев он берет уроки армянского языка и литературы у известного литературного и общественного деятеля Погоса Макинцяна, читает «целую библиотеку» литературы об армянской культуре, истории. «Надо отдать справедливость: свое обещание Валерий Яковлевич выполнил идеально, — вспоминает П. Макинцян. — Он усердно прочитал все, что появилось на французском и русском языках из армянской литературы, и проштудировал огромный материал по истории армянской литературы.

По изучении материала Валерий Яковлевич втянулся в эту работу. Он не только сумел привлечь к делу сотрудников, но и сам перевел массу материала.

Техника работы была такова: Брюсову представлялся подстрочный перевод и оригинал в русской транскрипции. Ознакомившись с содержанием, Валерий Яковлевич внимательно приглядывался к структуре армянского стиха, стараясь сохранить его в переводе»³.

В работу над сборником В. Брюсов вовлек ведущих деятелей русской литературы. Он сам переводит многие образцы армянской средневековой и классической поэзии XIX века. Вскоре в русской периодической печати один за другим появляется ряд его переводов из произведений Кучака, Саят-Новы, Дживани, Додохяна, Дурьяна, Туманяна, Исаакяна, Мецаренца, Демирчяна. Благодаря его переводам еще более возрастает интерес русской общественности к армянской поэзии. Так, в сентябрьском номере «Русской мысли» было напечатано несколько песен Наапета Кучака

² Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. В переводе русских поэтов..., под ред., со вступит. очерком и примеч. В. Брюсова (далее — Поэзия Армении...). М., 1916, с. 4

³ Армянские писатели о Валерии Брюсове / Сост. и ред. Г. Овнан. Ереван, 1975, с. 45.

и Саят-Новы под названием «Песни ашугов». В предисловии к своим переводам Брюсов пишет: «Современная война вновь поставила на очередь вопрос о судьбах народа, бывшего в течение почти двух тысячелетий «авангардом Европы в Азии». Никто не сомневается, конечно, что армяне заслуживают сочувствия в силу тех невыразимых страданий, которые они испытывают уже ряд веков под турецким игом. Но у армянского народа есть высшее право на внимание — право нации высококультурной в лучшем смысле слова. Армянская литература, насчитывающая свыше полутора тысяч лет существования, — лучшее тому доказательство. Армянская поэзия — истинный, по выражению Фета, «патент на благородство» армянского народа»⁴.

Одновременно, до создания антологии «Поэзия Армении», Брюсов предпринимает большую работу по популяризации армянской поэзии. После большой и серьезной работы, когда подготовка сборника близилась к концу, в Москве 15 октября 1915 г. «Общество свободной эстетики» русских писателей в одном из залов ресторана «Альпийская роща» организует вечер, посвященный армянской поэзии. Для членов общества, русской и армянской интеллигенции Брюсов читает пространный доклад о древней, средневековой и новой армянской поэзии⁵. «Теперь, — говорит поэт, — когда я в подлиннике ознакомился с Нарекаци, Ахтамарци, Кучаком Напетом, Саят-Нова, Туманяном, Исаакяном,

⁴ Русская мысль (Москва — Петроград), кн. IX, 1915, с. 1. По поводу этих переводов Ов. Туманян написал статью — замечаниями и объяснениями [см. «Оризон» (Горизонт, Тифлис), 26. XI. 1915 (на арм. яз.)].

⁵ См.: Оризон, 23. X. 1915; Мшак (Труженик, Тифлис), 25. X. 1915; 29. X. 1915 (на арм. яз.); Кавказское слово (Тифлис), 3. XI. 1915.

Цатуряном, Ованнисяном, Терьяном и др. армянскими поэтами, — только теперь я понял, какой драгоценный клад был скрыт от русского общества. Мне кажется, что перед нами была закрыта дверь, ведущая в дивный рай, о существовании которого мы были в полном неведении»⁶. На вечера свои переводы читают В. Брюсов, В. Иванов, Ю. Верховский, Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт. Особенно большое впечатление на присутствовавших произвели удачные переводы «Весна пришла» (Г. Ахтамарци), «Как дни зимы» (Дживани), «Рождение Ваагна» (Иоаннисиана), «Рыбак» (Цатуряна). На состоявшемся после вечера ужине были произнесены речи. В. Иванов заявил, что он не может скрыть своей искренней и горячей симпатии к Ов. Тумяну и А. Исаакяну, особенно к первому: «Я совершенно пленен его живыми красками, цветами, гибким языком. Я хотел бы и очень желал, чтоб эти мои слова дошли до армянского поэта. Передайте ему, что я его очень люблю и весь очарован им»⁷.

Лекция нашла широкий отклик, о ней были напечатаны сообщения, в армянских литературных кругах она вызвала бурные обсуждения и споры. В эти дни всеобщего восторга П. Макинцян писал В. Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич! Я Вам из Тифлиса выслал саз и кяманчу. Позвольте разъяснить Вам смысл моей посылки. Существует среди ашугов старинный обычай состязания. Обыкновенно оно происходит так: задает один ашуг в стихах вопрос — другой отвечает ему, или задает один загадку — другой отгадывает, и ответ поет опять-таки стихами. Победенный, в знак поражения, свой инструмент — саз или кяманчу — передает победителю...

До моего отъезда из Москвы, с первых дней нашего зна-

⁶ Кавказское слово, 3. XI. 1915.

⁷ Там же.

комства, я был ашугом, повествовавшим Вам об Армении. В день расставания я убедился, что Вы стали сами ашугом, умеющим рассказать об Армении больше и лучше, чем я. Вот потому-то я Вам присылаю из Тифлиса, родины лучшего нашего ашуга (Саят-Новы. – А. З.), ашугский приз – саз и кяманчу»⁸.

... 21 ноября 1915 г. бакинский совет «Общества любителей армянской словесности» на своем заседании решил пригласить русского поэта повторить лекцию в Баку, а может, и в Тифлисе⁹. 25 ноября председатель общества, литературный деятель, переводчик Тигран Иоаннисян и секретарь Цолак Ханзадян посылают В. Брюсову письмо-приглашение, где говорится: «На последнем заседании Советом единогласно постановлено обратиться к Вам с просьбой, не найдете ли Вы возможным пожаловать к нам в Баку и повторить Вашу глубоко интересную лекцию об армянской литературе, читанную Вами в Москве...

Совет надеется, что Вы не откажетесь доставить бакинскому армянскому обществу удовольствие услышать мнение авторитетного критика об армянской литературе»¹⁰.

Русский поэт с любовью принимает приглашение, желая сблизиться познакомиться с творческой интеллигенцией, с обычаями, бытом, духовной жизнью армянского народа. 26 декабря он телеграфирует Т. Иоаннисяну: «Благодарю. Лекция 8. Пятница. Программа «Поэзия Армении». Влияния, под которыми вырабатывалась самобытность армянской литературы. Поэзия древнейшая, народная, средневековая, новая. Различие поэзии турецких и русских армян. Значение армянской поэзии для европейских литератур. Лекция будет

⁸ Брюсов и Армения, кн. 2, с. 97.

⁹ См.: Оризон, 1. XII. 1915.

¹⁰ *Татосян Г. А.* Из архива Валерия Брюсова. – Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 83.

иллюстрирована образцами армянской поэзии в переводе автора. Подробнее письмом»¹¹.

В письме от 30 декабря Брюсов уже более подробно излагает программу лекции и одновременно сообщает, что выедет из Москвы 4 января и в Баку прибудет 7-го утром¹².

Необходимо отметить, что сведения об организаторе поездки Брюсова в Закавказье, о ее времени и о прочитанных им лекциях в литературе весьма противоречивы¹³. Однако достоверно, что в Закавказье, вначале в Баку, Брюсов приехал по приглашению «Общества любителей армянской словесности» вечером 7 января 1916 г.

¹¹ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее – МЛИ), Ереван, ф. Т. Иоаннисяна, № 264.

¹² См.: там же, № 80.

¹³ Так, писали, что Брюсов приехал в Закавказье по инициативе Туманяна – по приглашению «Армянского общества писателей в Тифлисе» [*Чобанян А.* Собрание писем. Ереван, 1980, с. 413 (на арм. яз.)]. Р. Оганнисян пишет, что поэт был в Тифлисе весной 1916 г. (Русская литература в оценке армянской общественной мысли. Ереван, 1949, с. 202). По мнению Г. Татосяна, Брюсов направился в Закавказье в декабре 1915 – январе 1916 г. (Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 83). К. Григорьян то пишет, что русский поэт читал лекции в Баку 18 января 1916 г. [Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1964, № 9, с. 53; Валерий Брюсов и армянская поэзия. Ереван, 1959, с. 211 (на арм. яз)]. Ошибка возникла из примечания к опубликованному в «Гракан терт» («Литературная газета») от 10 октября 1939 г. «Приветственному слову Иоаннеса Иоаннисиана В. Брюсову», где говорится, что армянский писатель выступил 18 января 1916 г. во время лекции Брюсова, то – «Весною 1916 г. Брюсов выступил с публичной лекцией об армянской поэзии в Баку» (В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962, с. 23). А. Е. Маргарян то пишет, что Брюсов был в Закавказье зимой–весной 1916 г. (Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 263), то – читал лекцию в Баку в 1915 г. (там же, с. 264). М. Д. Амирханян пишет: «В конце 1915 – начале 1916 гг. Брюсов был в Армении» (Армения в русской литературе XX века. Ереван, 1978, с. 26) и др.

Итак, в этот день во главе со старейшим поэтом Иоаннесом Иоаннисианом армянская общественность Баку встречает В. Брюсова. По этому поводу супруга Ц. Ханзадяна — В. Ханзадян вспоминает: «Поезд из Москвы прибыл вечером. Встречали поэта русские, армянские и азербайджанские писатели и журналисты, видные общественные деятели. Все были радостно возбуждены. У многих в руках были большие букеты цветов. Подошел поезд. У окна вагона показался Брюсов и рядом с ним его супруга — Иоанна Матвеевна. Гром аплодисментов, крепкие дружеские рукопожатия, краткие приветственные слова встречающих. Обоим преподносят цветы. Брюсов немного смущен таким теплым, искренним приемом, улыбается, благодарит всех»¹⁴.

8 января в переполненном зале театра братьев Маилянов Брюсов читает свой первый публичный доклад в Закавказье — «Армянская поэзия». До нас дошла программа лекции. Вот она:

1) Исторические судьбы армянского народа в их влиянии на его культуру. Различные воздействия, которые испытывала Армения за два с половиною тысячелетия своего существования: древней Персии и Эллады, Рима и Парфии, ранней Византии и новой Персии (иранизм и эллинизм); Сирии, арабской культуры, позднейшей Византии (ислам и христианство); Запада, в эпоху Киликийского царства; монгольского нашествия; владычества турок и персов; новой Европы (через армянские колонии).

2) Общая характеристика армянской литературы. Ее возникновение и развитие. «Золотой век». Основные течения в древности и в эпоху средних веков. Общее значение армянской литературы. Ее место в ряду других литератур, ее самобытность и своеобразие.

3) Армянская народная поэзия. Языческий период. Пес-

¹⁴ Ханзадян В. М. Валерий Брюсов в Баку.— В сб.: Брюсовские чтения 1962 года, с. 329.

ни духовные и обрядовые. Песни любовные. Древнейшие поэты Армении. Григорий Нарекский, Мкртич Нагаш, Нерсес Благодатный, Нагаш Иовнатан и др. Поэты «Шарака-на».

4) Лирика XIV–XVIII веков. «Трубадуры» и ашуги. Напет Кучак, Фрик, Оаннес, Григорий Ахтамарский и др. Саят-Нова, ашуг Дживани (XIX в.) и др.

5) Новая армянская литература. Ее возникновение и выработка нового литературного языка. Два течения: константинопольское (турецкое) и русское. Патканян и Шах-Азиз. Дуриан и Бешикташлян. Трехзвездие: Иоаннисиан, Туманян, Исаакян. А. Цатурян, его деятельность переводчика и самостоятельная. Демирчян и мн. др.

6) Молодая армянская поэзия. Русская школа (Терьян и др.); константинопольская (турецкая) школа (Чобаньян и др.); поэты идейные (Ш. Кургиян и др.).

7) Общие выводы. Возможности, открытия перед армянской поэзией. Значение армянской поэзии для европейских литератур, в частности — для русской. Будущее Армении»¹⁵.

Доклад должен был иллюстрироваться наиболее характерными образцами армянской поэзии, в стихотворном переводе автора.

По воспоминаниям Тиграна Ахумяна, в сопровождении Иоаннеса Иоаннисиана Валерий Брюсов вышел на сцену: «Он стоял спокойный и словно бы безразличный к буре аплодисментов, которыми его встретил зал; стоял, чуть опустив голову, и терпеливо ждал конца оваций»¹⁶.

От имени «Общества любителей армянской словесности» В. Брюсова приветствует И. Иоаннисиан, выступление которого по существу вылилось в признание заслуг русской

¹⁵ МЛИ, ф. Т. Иоаннисяна, № 269; *Закарян А.* Программа лекций В. Брюсова в Закавказье. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1986, № 3, с. 80. Ср.: Баку, б. I. 1916; Брюсов и Армения, кн. 2, с. 151–152.

¹⁶ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 86 — 87.

литературы, явилось данью признательности всему русскому народу. Воспитанник московского Лазаревского института восточных языков, человек большой культуры Иоаннисиан в лице Брюсова приветствует русскую литературу, которая «питала и питает молодую армянскую поэзию и на которой воспитывается жаждущая знаний армянская молодежь России»¹⁷. В то же время воздается должное Брюсову – человеку, «который в час нашего бедствия проявил столько симпатии к народу-страдалцу. Велико значение вашей деятельности для нас и особенно ценна она сейчас, когда мы так жаждем вытекающего из чистого источника справедливого суждения. А какой источник может быть чище народного творчества, в котором отражается весь нравственный облик каждого народа, вся его духовная жизнь?...». Иоаннисиан на армянском языке читает посвященный русскому поэту сонет, преподносит ему том своих стихов с надписью – «Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову, другу армянской поэзии, на добрую память» и сонет с автографом:

*Где раньше — глыбы руин
Видали люди в ночи,
Да между голых вершин
Слыхали — плачут сычи, —*

*Обрел ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет —
В слезах отчизну мою.*

*И понял — можем мы петь,
Хотя пока мы рабы,
Хоть суждено нам терпеть,*

¹⁷ Там же, с. 28.

*Но жребий нашей судьбы –
От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути*¹⁸.

Затем В. Брюсов «Ровным, негромким голосом ... начал свой доклад. Не было в его речи ни резких переходов к эффективной патетике, ни каких-либо подчеркнутых ораторских приемов. ... А между тем весь переполненный зал буквально замер зачарованный. Брюсов открывал армянам глаза на их же поэтический гений, который он увидел глазами нового человека. ... И рождалось в каждом сердце в этом громадном зале светлейшее чувство гордости за свою поэзию – высокую пленительную, жизнеутверждающую. И чем спокойнее говорил Брюсов, тем большее душевное волнение охватывало всех его слушателей.

И вдруг резко изменились интонации Валерия Яковлевича. Речь его стала ритмичней, голос живей и звонче, в нем уже явственно слышался трепет обуревающих его сердце страстей. Лицо его стало бледнее, и было видно, как дрожит его рука, держащая листок с переводом стихотворения. ...»¹⁹.

По сообщениям печати, свой доклад В. Брюсов начинает с далекого прошлого армянской поэзии, затем обращается к разным периодам ее развития, особенностям и перспективам. В заключение читает в переводах отрывки из произведений известных армянских поэтов и свое стихотворение «К Армении»²⁰.

¹⁸ Там же, с. 13–14. В книге *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре. Стихи. Статьи. Письма (Подготовка текста и коммент. И. Сафразбекян. Ответ. ред. К. Айвазян. Послесл. Г. Н. Ованнана. Ереван, 1963), на с. 220 опечатка: в первом четверостишии вместо «Слыхали» – «Сылахи».

¹⁹ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 87 – 88.

²⁰ Арев (Солнце, Баку), 10. I. 1916 (на арм. яз.).

Дорогий Валерий Иванович
Брюсов,
другу армянской поэзии,
на добрую память
этот автограф.
Января 1912.
Баку.

ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹԻՒՆՆԵՐ
Վերջինս, զորս ցարս-ար
տխարն էին առանց
նա բռնի արգասար
Հանձնարեալ իմանք,
Դու, ո՛վ իմաց զարուհ,
Քիչ իրաւոր ինչ-որ
Դու-ն զգեստիկ իմաց
Քիչ իմացեալս իմանք:
Միայն ուրիշ, որ աշխարհ
Միայն իմանք իմանք,
Միայն, որ աշխարհ իմանք...
Ո՛վ, ո՛վ իմաց իմանք -
Քիչ իմացեալս իմանք
Հանձնար ան իմանք:
Գ. Գալստիսեան

Факсимиле стихотворения И. Иоаннисиана,
посвященное В. Брюсову

После лекции присутствующие стоя выражают благодарность поэту, по свидетельству В. Ханзадян, вся сцена была засыпана цветами, не было конца аплодисментам, возгласам «браво», общественность долгое время не расходилась, а В. Брюсов — «этот чудесный кудесник — стоял бледный, с опущенной головой и только молча кланялся»²¹.

В тот же день, поздно вечером, «Общество любителей армянской словесности» в гостинице «Метрополь» устраивает торжественный ужин. Открывая банкет, председатель общества Т. Иоаннисян приветствует Брюсова и говорит: «Если для великих народов литература является лучшим национальным достоянием, для мелких народностей она служит не только аттестатом культурной зрелости, но и чуть ли не единственным оправданием, единственную целью их самостоятельного существования. Отсюда — то глубоко благодарное, скажу, любовное отношение, которое эти народности проявляют к чужеземцам, изучающим их литературы.

Но значение Вашей заслуги перед армянским народом усугубляется тем, что Вы обратили внимание мыслящей России на красоты армянской поэзии в самый трагический момент его горемычной истории...

Чтобы понять чувство, которым полны наши сердца к Вам, глубокоуважаемый поэт, вспомните автора «Робинзона Крузо» Даниеля Дэфо в тот момент, когда к нему, привязанному незаслуженно, невинно к позорному столбу, подошел совершенно чужой ему человек и на его израненное и оплеванное толпою чело возложил венок из живых цветов.

Такова Ваша заслуга перед армянским народом, и он не забудет ее никогда»²².

После слов признания заслуг и благодарности Т. Иоаннисяна произносится много тостов. В своем ответном слове В. Брюсов подчеркивает, что армяне создали много ценностей и «ими могут гордиться также большие нации»²³, и

²¹ Ханзадян В. М. Указ. раб., с. 330.

²² Баку, 10. I. 1916.

²³ Арев, 10. I. 1916.

по этой причине, подчеркивает он, переводу армянской литературы посвятили себя М. Горький, А. Блок, К. Бальмонт, В. Иванов и др. Участники вечера по единодушному одобрению посылают им благодарственные телеграммы: «По поручению участников банкета в честь Валерия Брюсова шлем Вам нашу глубокую признательность за Ваш благородный труд в деле ознакомления мыслящей России с духовным творчеством армянского народа, неразрывно связавшего свою судьбу с судьбою великого русского народа»²⁴.

Достоин внимания и то, что на ужине зачитывается адресованная Брюсову телеграмма В. Терьяна и П. Макинцяна, присланная из Еревана: «Из страны Наири тепло и сердечно приветствуем нашего дорогого гостя Валерия Яковлевича и преклоняем головы перед нежной Иоанной Матвеевной»²⁵.

В дни пребывания в Баку Брюсов ознакомился с городом, осмотрел его достопримечательности, побывал на нефтяных промыслах, встретился с рабочими и служащими, и всюду его сопровождала группа армянской интеллигенции во главе с И. Иоаннисианом. Так, 9 января он посетил армянскую школу. Около 400 учеников и учениц тепло и радужно встретили русского поэта. Школьный хор исполнил в его честь народные песни, ученики продекламировали известные стихотворения Брюсова «Каменщик» и «К Армении». В своем слове поэт призывал «любить родную литературу и вместе с ней русскую литературу. Эти две литературы, — подчеркивал он, — сроднились... общечеловеческими чувствами»²⁶.

²⁴ МЛИ, ф. Т. Иоаннисяна, № 263. К. Григорьян ошибочно пишет (В. Я. Брюсов и армянская поэзия, с. 121), что «*1 февраля 1916 г. Ованес Ованисян и группа армян направили ... телеграмму...*» (подчеркнуто нами. — А. З.).

²⁵ Терян В. Собр. соч. В 4-х т. Т. 4. Ереван, 1979, с. 243 (на арм. яз.).

²⁶ Арев, 10. I. 1916. Ср.: Баку, 10. I. 1916.

В. Брюсов в кругу армянской интеллигенции (Баку, 1916 г.)

10 января Брюсов побывал на Балаханских и Сураханских промыслах (накануне был в Биби-Эйбате и Черном городе). С большим интересом ознакомился он с работой промысловиков, особенно заинтересовали его «храм огнепоклонников» и нефтяные фонтаны. Здесь же от имени товарищества рабочих Апшерона рабочий-армянин приветствовал поэта и поблагодарил за прочитанный доклад. Выступая с ответным словом, Брюсов сказал: «Нет большего счастья для поэта, чем сознание, что его произведения распространяются в широких слоях народа», и поблагодарил «за то большое удовольствие», которое доставила ему армянская поэзия²⁷.

11 января русский поэт вместе с Т. Иоаннисяном посетил библиотеку-читальню Бакинского армянского человеколюбивого общества имени Григория Просветителя.

Везде и всюду представители самых различных слоев многонационального города высоко ценили поэта: посещение им самого крупного промышленного центра Закавказья вылилось в празднество, в настоящий литературный праздник.

В эти дни Брюсов неоднократно приглашался в Тифлис председателем «Кавказского общества армянских писателей» Ов. Туманяном с целью повтора лекции, имевшей большой успех.

11 января «Общество любителей армянской словесности» созвало чрезвычайное заседание, на котором было решено проводить Брюсова в Тифлис всем составом общества. От имени общества ему была преподнесена золотая ручка. Т. Иоаннисян делегируют для сопровождения Брюсова в Тифлис²⁸. Поэта провожают также представители ра-

²⁷ См.: Арев, 12. I. 1916.

²⁸ См.: там же, 13. I. 1916. Из телеграммы В. Брюсова Т. Иоаннисяну становится известно, что последний не сопровождал русского поэта в Тифлис: «Часы разлуки заставили нас еще живее

бочих и интеллигенции²⁹.

2. В. Брюсов в Тифлисе

12 января, вечером, Брюсов прибывает в Тифлис, где его ожидает такой же теплый и сердечный прием. Вспоминая этот день, дочь Ов. Туманяна Нвард Туманян пишет: «В день приезда Брюсова группа общественных и литературных деятелей во главе с отцом отправилась на вокзал. Брюсов приехал с женой, Иоанной Матвеевной; встретили, познакомились. Сели в фаэтоны. Приехали в гостиницу «Гранд отель» ... Отец заранее забронировал лучший двухкомнатный номер в этой первоклассной гостинице. Побыв там недолго с Брюсовыми, отец пригласил их на ужин к нам домой. Денег при нем не было, он взял в долг у Погоса Макинцяна. Да и дома мы заранее ничего не приготовили, но отец совершенно спокойно пригласил на ужин гостей и встречавших. Мы отправились на базар, что на Пушкинской улице, сделали покупки, принесли домой. В 9 часов пришли гости»³⁰.

На квартире Туманяна собрались армянские общественные деятели, члены редакций периодических изданий, «мо-

почувствовать все радушие Вашего приема. Вновь и вновь благодарим за исключительное внимание. Вас как председателя общества, поэта Ионнисяна, Андреасянца, Малхазова, Ханзадяна, всех милых дам и всех ласково принимавших нас.

Приехали благополучно, встречены крайне приветливо, но не можем забыть бакинские дни» (*Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре, с. 205).

²⁹ См.: Арев, 13. I. 1916. 11 января Т. Иоаннисян телеграфирует Ов. Туманяну и просит встретить Брюсова (МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 785).

³⁰ *Туманян Н.* Воспоминания и беседы. Ереван, 1987, с. 136 (на арм. яз.).

лодые поэты г-жа Тигранян и г. Демирчян», завязалась живая беседа вокруг общественных и литературных вопросов, о впечатлениях Брюсова, полученных от Закавказья. Туманян показал ему рукопись Саят-Новы, Брюсов прочел отрывки из поэмы Туманяна «Ануш» в переводе В. Иванова³¹.

На следующий день — 13 января — в переполненном концертном зале театра Артистического общества, который вмещал более 2000 человек, русский поэт выступил с докладом. О лекции, кроме газет, сообщали также афиши. По информации газет и свидетельству современников, все билеты были распроданы в первый же день, и очень многие были лишены возможности попасть на выступление Брюсова. В день доклада Ов. Туманян выступает со статьей «Приветствуем», в которой обстоятельно оценивается большое, благородное дело русских поэтов и в особенности Брюсова. Русские поэты, пишет он, «выявляют духовные клады, хотя и маленьких, но имеющих древнюю культуру народов, показывают с удовольствием, пробуждают любовь и уважение не только в среде русской общественности, но и как посредники между этими малыми народами ознакамливают

³¹ См.: Оризон, 14. I. 1916; Кавказское слово, 14. I. 1916; Армянский вестник, 1916, № 1, с. 22. П. Макинцян в письме к А. Блоку (в начале 1916 года) пишет: «Брюсов прочел Туманяну перевод его поэмы «Ануш». Перевод был сделан Вяч. Ивановым. Туманян слушал, слушал и сказал: «Да, я узнаю свою Ануш, но только она превратилась в блондинку» (см.: *Мкртчян Л.* Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX вв. (вопросы перевода и литературных связей). Ереван, 1968, с. 165). Уместно вспомнить и замечание А. Сурхатяна по этому поводу: «Перевод сделан бережно и потребовал большого труда, это несомненно, но дух произведения в целом не сохранен. Справедливо заметил автор, что переведенная «Ануш» — это действительно его «Ануш», но волосы у нее порыжели... В переводе более заметен переводчик, чем сам автор» (Мшак, 10. I. 1917).

друг с другом, связывают нитями взаимной любви.

И несомненно ласкает национальное самолюбие нашего народа и утешает его омраченное сердце — это полное уважения и любви отношение со стороны большой литературы»³².

Таково же содержание вступительного слова Туманяна на вечере Брюсова. По его авторитетному признанию, в дни тяжелых национальных бедствий армянского народа, когда народ себя чувствовал «физически слабым и беспомощным», с севера приехал известный поэт Брюсов, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами, вызванными армянской поэзией, которую он считал «патентом на благородство армянского народа». «Мы приветствуем Вас как видного представителя русской литературы, — говорил он, — и с любовью и благоговением склоняемся перед прекрасной литературой великого русского народа... литературой, под влиянием которой воспитывались очень и очень многие наши писатели и интеллигенты. Сами мы давно уже связаны с русской литературой и теперь очень рады, что связь эта становится взаимной. И утверждаете ее Вы. Дай бог, чтобы Вы были не единственным высоким представителем русской интеллигенции, идущим к нам от имени русской литературы со словами любви и уважения»³³.

Затем, «с серьезностью ученого и воодушевлением поэта», Брюсов, увлекательно и ярко, с небольшим перерывом в три с половиной часа изложил результаты своей работы по изучению армянской поэзии по следующей программе: армянская поэзия; течения, под влиянием которых выработалась самобытность армянской литературы; поэзия древних

³² Оризон, 13. I. 1916.

³³ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 32–33. Ср.: «Оризон», 17. I. 1916. В книге (с. 136) дата «Оризона» ошибочно указана 19.

времен, народная, средневековая и новая поэзия; различие между поэзией турецких и русских армян; значение армянской поэзии для европейской литературы. «Поэзия армянского народа — древняя, значительная и поразительная по красоте и силе, является «патентом на благородство армянского народа», — в заключение говорит В. Брюсов. — Народ и страна, создавшие такую поэзию, несмотря на нечеловеческие страдания, народ, так ярко проявивший величие духа среди неслыханных бедствий, такой народ может быть уверен в бессмертии»³⁴.

«Зал был переполнен. Присутствовала в массе своей армянская интеллигенция — писатели, художники, учителя, сотрудники газет, пришли и представители грузинской интеллигенции — как из писательской среды, так и из других слоев. Но самым забавным было присутствие здесь армянской буржуазии — буржуазной интеллигенции с Сололака, — вспоминает писатель Д. Демирчян. — На трибуну собрания под председательством Туманяна поднялся Брюсов. Его угловатая фигура, вдумчивое, сосредоточенное лицо и грустный голос являли редкую гармонию с темой, по которой он выступал и одновременно декламировал. Брюсов читал свой доклад с такой убежденностью, будто говорил об истине, давно принятой и одобренной. Он, превознося армянское средневековье — Фрика, Ахтамарци, Кучака, а затем и новые века — Овнатана и Саят-Нова, не думал никого удивлять, говоря, что это — поэты превосходные...»³⁵.

А вот впечатление, полученное от лекции писателя Ст. Зорьяна: «... перед нами предстал высокий, худой, даже несколько костлявый человек, с круглым лицом и с ма-

³⁴ Кавказское слово, 15. I. 1916.

³⁵ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 60 — 61.

ленькой бородкой, с глубоко сидящими задумчивыми глазами, которые из-под густых ресниц смотрели на незнакомое ему общество.

... Началась лекция, и мы услышали басистый звучный голос поэта. В те времена микрофона, конечно, не было, но голос его был слышен в любом уголке зала: дикция была выразительной, слово чистым и весомым, явившееся итогом долгих размышлений. ... Во время лекции в доказательство сказанного он зачастую приводил примеры из разных поэтов, и при чтении цитат выражение его лица изменялось, в глазах появлялся иной блеск, голос становился певучим, он декламировал без движений, будто вникал в стихотворение для передачи сути и духа»³⁶.

... Лекция, как и предполагалось, имела огромный успех. После доклада в честь лектора «Кавказское общество армянских писателей» дает торжественный обед, на котором присутствовали представители армянской, грузинской и русской интеллигенции, журналисты, городские и духовные власти города, около 100 человек. Председательствовал городской голова А. Хатисян. Ов. Туманян в лице русского поэта приветствовал тех представителей русской литературы, которые в дни тяжких испытаний армянского народа обратились к изучению его культуры и представляют ее великому русскому народу. Брюсов «прочувствованным ответным словом» от своего имени и от имени друзей по перу благодарит за отношение, проявленное к проделанной ими работе. Затем с речами выступили М. Берберян, кн. Г. Диасамидзе, Ал. Ширванзаде, С. Даниэль - Бек, Г. Робакидзе, И. Накашидзе, П. Макинцян, Ов. Абелян и др. Свои стихи прочитали Ов. Туманян и Д. Демирчян, Г. Калашян читал свои переводы из Брюсова, А. Канчели – вступление «Витязя в тигровой шкуре» Руставели в перево-

³⁶ Там же, с. 68 – 70.

де К. Бальмонта. С пением выступила Л. Севумян, с чтением стихотворений – О. Майсuryн. Вечер закончился исполнением произведений Саят-Новы ашугом Азири³⁷.

Доклады Брюсова в Баку и Тифлисе находят исключительное признание, широкий отклик на страницах армянской, русской и грузинской печати Закавказья. Были напечатаны десятки статей и сообщений, в которых оценивалось благородное дело поэта, анализировались его характеристики, данные различным поэтам, в особенности армянской средневековой поэзии. В этом анализе встречаются и замечания, которые созвучны высказываниям видного армянского общественно-политического деятеля Ст. Шаумяна по поводу отредактированного М. Горьким «Сборника армянской литературы». Известно, что Шаумян отмечает как «плаксивопоповский» стиль и дух в современной армянской публицистике, так и «национальное чванство» некоторой части интеллигенции³⁸. З. Гукасян в своей книге, в частности, говорит об оценке армянской периодической печати 1916–1917 годов сборника «Поэзия Армении», В. Брюсова и отзывах армянской общественной мысли, нашедших свое отражение в «Мшак», «Оризоне», «Пайкаре» и др. В основном с правильных позиций анализируются также взгляды Брюсова на армянскую поэзию, историю армянского народа. Литературовед отмечает, что некоторые ошибочные положения доклада «кратко, но справедливо и корректно подвергла критике только газета «Пайкар»³⁹.

Действительно, в опубликованной в газете «Пайкар»

³⁷ Кавказское слово, 15. I. 1916; Мшак, 15. I. 1916; Пайкар (Борьба, Тифлис), 17. I. 1916 (на арм. яз.); Арев, 17. I. 1916; Оризон, 28. I. 1916.

³⁸ Пайкар, 14. VIII. 1916.

³⁹ Гукасян З. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ереван, 1961, с. 218.

статье «Лекция Валерия Брюсова» (подписано. — 3.) указывается, что на ней присутствовало «много народу», программа ее была составлена «широко и многосторонне». Но газета выражает свое несогласие с Брюсовым в связи с характеристикой армянской культуры как «постоянно колеблющейся между началами Восточной и Западной культур»⁴⁰. Из критики этой отправной точки зрения лекции следуют и другие замечания автора статьи. Он считает «смелым», но вместе с тем ошибочным то утверждение докладчика, согласно которому восточноармянская поэзия характеризуется «наличием восточного начала армянского исторического дуализма», а западноармянская — «европейским, западным началом».

Таким образом, результатом «армянского исторического дуализма» считается то, что было трагедией народа. Армянский народ, всегда стремящийся к национальному единению, не по своей воле был разделен на восточную и западную части. По такому стечению исторических обстоятельств то в одной, то в другой части его культуры находили выражение разные тенденции, но на своем вековом историческом пути она развивалась в едином русле. Все это требовало глубокого историографического, социологического анализа исторического существования армянского народа, что, по мнению автора статьи, не отразилось в докладе.

Следующее замечание касается того, что «Брюсов очень нечетко представляет будущее армянской поэзии. Он ничего не сказал о новых ростках демократической поэзии, которой, по нашему глубокому убеждению, должен принадлежать завтрашний день армянской литературы...». Эта оценка совпадает с замечанием, сделанным в газете «Пайкар» Ст. Шаумяном сотруднику М. Горького в связи с тем, что в «Сборнике армянской литературы» не было уделено место

⁴⁰ Пайкар, 17. I. 1916.

поэзии Акопа Акопяна. Замечания газеты «Пайкар» касались существа доклада Брюсова, на что указывает автор статьи: «... восхищенный языком и искусством армянских поэтов, он очень мало останавливается на их общественно-идеологической природе».

Бесспорно, для развития общественной, литературно-критической мысли того времени необходим был социальный анализ явлений видными общественно-политическими деятелями – Ст. Шаумяном, С. Спандаряном, Ал. Мясникяном и др. Но вместе с тем армянское литературоведение и критика, широкая читательская общественность остро нуждались также в художественном анализе и оценке литературных явлений, в раскрытии специфических художественных особенностей, и поэт Брюсов, благодаря своему высокому вкусу и обширным познаниям, восполнил этот пробел. Он подходил к армянской поэзии как поэт, выявляя богатство образной системы, ее музыкальное, изобразительное начало. Однако при этом он скромно признавался, что в проделанной им работе могут быть упущения. 20 ноября 1916 г. он писал И. Иоаннисиану: «Многое в ней (в сборнике «Поэзия Армении». – А. З.) не так хорошо, как того хотелось бы, *много* не достаёт, кое-что и неверно, но силы человеческие ограничены. С чистой совестью могу сказать, что я сделал, что мог»⁴¹. Это он писал в те дни, когда антология была уже издана.

... Лекция В. Брюсова явилась подлинным событием в армянской литературной жизни и с большим воодушевлением была встречена в самых широких слоях армянской общественности. Бакинский корреспондент газеты «Арев» из Тифлиса сообщает, что «аудитория была в восторге, и вот уже целая неделя, как имя Брюсова слышится повсюду,

⁴¹ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 192.

благоговейно читают стихи средневековых поэтов в школах, редакциях и даже в парках и домах»⁴².

И понятно, это был не обычный доклад. Лекция Брюсова стала крупным духовным и культурным событием. В этой связи интересно обобщение «Кавказского слова» о том, что «тяга русских поэтов к поэзии грузин и армян есть сама по себе поэзия. Доклад Брюсова был великолепной поэмой, равно ценной для местной культурной жизни и для культурной жизни России»⁴³. Та же газета 15 января сообщала, что от общественности Тифлиса редакция получила многочисленные письма с просьбой, чтобы Брюсов повторил доклад, поскольку не все имели возможность послушать его.

Но русский поэт не имел этой возможности, ибо 15 января он уже выехал в Ереван⁴⁴.

3. Лекции в Эчмиадзине, Ереване и Тифлисе

По поводу обстоятельств поездки Брюсова в Ереван И. Брюсова пишет: «К концу нашего пребывания в Тифлисе туда приехал П. Н. Макинцян, чтобы уговорить Валерия Яковлевича приехать в Эривань и там прочесть хотя бы одну лекцию, а оттуда поехать в Эчмиадзин.

Валерий Яковлевич согласился, самому захотелось побывать в Армении, о которой он так много слышал, читал и

⁴² Арев, 21. I. 1916.

⁴³ Кавказское слово, 15. I. 1916.

⁴⁴ См.: Арев, 17. I. 1916. Газета «Мшак» 15 января сообщает, что В. Брюсов выехал в Ереван 14 января. В МЛИ (ф. Кавказское общество армянских писателей, № 232) хранится документ (расписка), сообщающий, что 15 января 1916 г. В. Брюсов получил от «Кавказского общества писателей армян» в Тифлисе «пятьсот (500) рублей, гонорар за лекцию о «Поэзии Армении», прочитанную 13 января 1916 года».

размышлял во время работы над армянскими поэтами»⁴⁵.

До выступления в Ереване Брюсов 17 января с В. Терьяном, П. Макинцяном и известным арменоведом, архимандритом Г. Овсепяном едут в Эчмиадзин. По воспоминаниям И. Брюсовой, в дороге Г. Овсепян рассказывал о легендах и сказаниях, связанных с горами Арарат и Арагац. Приехав в Эчмиадзин, П. Макинцян проводил гостей в учительский зал духовной академии Геворгян. Ректор и преподавательский состав оказали им теплый прием. Для собравшихся учителей, служителей церкви Брюсов прочел лекцию. В честь Брюсова был дан обед. С речами на русском языке выступили епископ Баграт, Г. Овсепян, В. Терьян, преподаватели Макинцян, Алтунян, Тер-Овсепян. На каждую речь русский поэт отвечал прочувствованным словом. После обеда и осмотра Кафедрального собора Брюсова принял Католикос Всех Армян Геворг V, который подарил ему свою фотографию с дарственной надписью:

«Благословляю известного русского поэта, глубокоуважаемого Валерия Яковлевича Брюсова.

17 января 1916 г.

м. св. Эчмиадзин. Кеворк V,
верховный патриарх,
католикос всех армян»⁴⁶.

Из докладной начальника эчмиадзинской жандармерии явствует, что за Брюсовым в Эчмиадзине было установлено наблюдение. «Сего числа (17 января. — А. З.), — сказано в докладной, — прибыл из г. Эривани поэт и публицист Валерий Брюсов в Эчмиадзинский монастырь, где его, в здании монастырской библиотеки, чествуют обедом преподавательский состав Академии и некоторые из членов братии мо-

⁴⁵ *Брюсова И.* Из воспоминаний.— Литературная Армения, 1959, № 5, с. 104.

⁴⁶ Брюсов и Армения, кн. 2, с. 183. Об этой встрече есть интереснейшие подробности в воспоминаниях И. Брюсовой (там же, с. 65 — 66).

настыря. Сегодня же он намерен возвратиться в Эривань, где предполагает прочитать лекции по приглашению армянского общества»⁴⁷.

Как видим, и в эти роковые для армян дни царская жандармерия весьма зорко следила за всем происходящим...

Любопытно, что в свое время, 30 декабря 1861 года, Ереванским военным губернатором Щербова-Нефедовичем с грифом «Совершенно секретно» было дано указание, опять-таки Эчмиадзинскому уездному начальнику, не выдавать заграничный паспорт известному русскому литератору и революционеру-демократу Н. Чернышевскому. Царские чиновники опасались выезда последнего за границу через Армению: «Вследствие циркулярного предписания г. министра внутренних дел от 23 ноября № 1413 и отзыва начальника главного управления, наместника кавказского 23 декабря № 30, предписываю полицейским учреждениям Эриванской губернии в случае поступления просьбы от литератора Николая *Чернышевского* о снабжении его заграничным паспортом не выдавать ему оного, а представить об этом на разрешение губернского управления»⁴⁸.

... 18 января в зале городского клуба Еревана В. Брюсов прочел лекцию об армянской поэзии⁴⁹. Прием вновь был

⁴⁷ Даниелян Э. С. Несколько архивных материалов о В. Я. Брюсове. — В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 565.

⁴⁸ Овнан Г. Русско-армянские литературные связи в XIX—XX веках. Кн. 1. Ереван, 1960, с. 204.

⁴⁹ В книге «Переписка семьи Туманяна» [Ереван, 2002, с. 75 (на арм. яз.)] ошибочно указано, что русский поэт выступил в Ереване 14 января. По воспоминаниям И. Брюсовой, «Брюсов с успехом прочел в Эривани две лекции... Вторая лекция была вслед за первой» (Брюсова И. Указ. раб., с. 104). В газете «Оризон» (3 февраля 1916 г.) под рубрикой «Брюсов на Кавказе» напечатана корреспонденция «К лекции в Эривани», где читаем: «Брюсова просили остаться еще на день и прочитать одну лекцию, но он спешил в Москву ...».

бурным и сердечным⁵⁰. Об этой лекции сохранились интересные воспоминания М. Шахатуни, в них содержатся и подробные сведения о первой поездке Терьяна в Ереван. «П. Макинцян, — пишет Шахатуни, — аплодируя, вывел на сцену Брюсова и представил его общественности Еревана. Терьян сидел в глубине сцены вместе с некоторыми литературоведами. ... Возможно, публика и не заметила бы Терьяна, если бы во второй части лекции Брюсов, говоря о нем, не повернулся бы к нему и, аплодируя, не представил бы общественности. На бурные аплодисменты зала Терьян ответил низким поклоном и снова сел на место... Во время перерыва..., представив меня Брюсову, Терьян сказал: «Валерий Яковлевич, познакомьтесь, вот наирянка». Брюсов посмотрел на меня проницательным взором. Ему ничего не оставалось, как ради любезности сказать свойственный ему тонкий комплимент. Слушая его, Терьян сказал: «Вообще моя родина полна красотами. Вы мою родину полюбили еще издали, как бы я желал, чтобы она вас не разочаровала, когда вы находитесь здесь». Брюсов заверил, что, наоборот,

⁵⁰ С. С. Давтян в своих публикациях (Лекции В. Я. Брюсова в Закавказье. — Брюсовские чтения 1986 года. Ереван, 1992, с. 313—323; Новые материалы о лекциях В. Я. Брюсова в Закавказье. — Х. Брюсовские чтения. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Ставрополь, 1994, с. 61), говоря о лекции Брюсова в Ереване, приводит найденную ею программу этой лекции на русском и армянском языках (Матенадаран, Диван католикоса, ф. 238), делает выводы, не будучи, видимо, осведомленной, что программа прочитанных Брюсовым лекций в Баку, Тифлисе, Эчмиадзине и Ереване об армянской поэзии одна и та же, и в свое время была опубликована в печати. Кстати, программа прочитанной в Баку лекции была обнаружена нами (МЛИ, ф. Т. Иоанисяна) и напечатана (см.: Программа лекций В. Брюсова в Закавказье. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1986, № 3, с. 80). Мы также писали и о поездках В. Брюсова в Закавказье, обстоятельно анализировали прочитанные лекции [см., напр., Валерий Брюсов в Закавказье и армянская литературная жизнь. — ИФЖ, 1983, № 2 — 3, с. 74 — 88 (на арм. яз.)].

он исключительно тронут любезным приемом общественности Еревана»⁵¹.

На всех очень сильное впечатление произвело проникнутое подлинной теплотой стихотворение В. Терьяна, посвященное В. Брюсову. Это сотканное тонкими эмоциональными нитями стихотворение, перерасло в патриотическую исповедь:

*Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.*

*Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несет свою волну
И тихим лепетом тревожит тишину,
Волнение грозных бурь скрывая в глубине.*

*Ты в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет*⁵².

Можно с уверенностью утверждать, что это стихотворение — одно из лучших, посвященных Брюсову. Примечательно также, что следы его замысла и исполнения обнаруживаются в стихотворении выдающегося армянского поэта Е. Чаренца, посвященном Брюсову (1934 г.):

⁵¹ Ваан Терян в воспоминаниях современников. Ереван, 1964, с. 377 — 378 (на арм. яз.).

⁵² Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 224.

*Глубок и холоден, искусен и учен,
Историей свое питая вдохновенье, —
Когда постигли нас и скорбь, и разрушенье,
Ты с нами был, в чаду неистовых времен.*

*Печален был наш дом, погасло оживленье,
Наш путь — в те злые дни за мглой терялся он,
Казалось, гений наш лежал в реке забвенья, —
Но ты смотрел вперед, страданием не смущен...⁵³*

... Историк, экономист-статистик, публицист А-До (псевдоним О. Тер-Мартirosяна), который был на лекции Брюсова, пишет: «Театр был полон, и лекция, продлившаяся три часа, была тепло и с воодушевлением принята обществом.

Но у нас нет цели говорить о содержании лекции: об этом уже много писали газеты Баку и Тифлиса, и сказанное нами будет лишь повторением. Наша цель — затронуть более важный вопрос. ...

Нас огорчило отсутствие многих из русских, проживающих в Эривани, хотя тому есть причина. Русское население на Кавказе, в основном городское, состоит большей частью из чиновников, которые в большинстве своем безразличны к духовной жизни представителей местных национальностей. Кроме того, оно руководствуется мнениями русской столичной печати, а не кавказской. Русская правительственная печать и официальное общественное мнение не интересуются «армянским вопросом», естественно, им не интересуются и русские чиновники на Кавказе. Чтобы пробудить интерес к армянам, мы должны проделать работу в двух столицах России: раскрыть наши духовные богатства перед печатью и общественностью этих

⁵³ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 18.

двух центров, после чего нами заинтересуется вся Россия. И наше предложение заключается в том, чтобы Брюсов прочел бы свою лекцию прежде всего перед русской общественностью.

Два года тому назад к нам приезжал проф. Плетнев, чтобы прочитать лекцию об армянском вопросе⁵⁴. Не целесообразно ли организовать эти лекции в столицах и устами таких талантов, как Брюсов, раскрыть богатства армянской поэзии перед широкой русской общественностью»⁵⁵. Этот «важный вопрос», как увидим, В. Брюсов осуществил и в Москве, и в Петрограде.

... Что и говорить, общественность Еревана устраивает теплый прием известному русскому поэту. Слушая его и общаясь с ним, ереванцы получили огромное эстетическое наслаждение. Спустя месяц, в письме И. Брюсовой, В. Терьян пишет: «Мои ереванские знакомые пишут, что Ереван до сих пор живет этим приятным воспоминанием»⁵⁶.

Брюсов вселял уверенность и надежду в многострадальных армян и, конечно, его выступления были незабываемы.

* * *

Из Еревана Брюсов возвратился в Тифлис и по просьбе общественности города 22 января в зале Артистического общества выступил с лекцией на тему «Очерк исторических

⁵⁴ Об этом подробно см.: *Закарян А. В. Д.* Плетнев об Армянском вопросе (накануне Первой мировой войны). – ИФЖ, 2014, № 1, с. 22–28.

⁵⁵ Оризон, 26. I. 1916. См. также: *А-До.* Мои воспоминания. Предис. и коммент. Р. Гаспаряна и Р. Саакяна. Ереван, 2015, с. 338 – 341 (на арм. яз.).

⁵⁶ *Терьян В.* Собр. соч., т. 4, с. 255.

судеб Армении в связи с развитием ее поэзии»⁵⁷. Брюсов взялся за очень трудную задачу. Развивая мысль о том, что армянская литература синтезировала начала Запада и Востока, он на этот раз пытался проиллюстрировать свою мысль на литературных явлениях следующих друг за другом исторических эпох. Эта задача требовала даже от известных арменоведов длительной исследовательской работы, а посему, как и следовало ожидать, лекция Брюсова не увенчалась успехом.

Из сведений печати обстоятельным было сообщение корреспондента газеты «Арев» (можно предположить, что автор статьи – ее сотрудник Ц. Ханзадян). Приведем некоторые выдержки из этого сообщения: «Первый доклад В. Брюсова, несомненно, был более удачным, чем второй. По нашему мнению, при характеристике «исторических этапов Армении» не были упомянуты многие важные явления, пристального внимания удостоились обстоятельства, имеющие более чем второстепенное значение. Ничего не было сказано о высокой урартской культуре. Сочетание истоков Запада и Востока было подчеркнуто, но непримиримая борьба между ними, которая вспыхнула в IV и V веках и оставила большой след на дальнейшем развитии армянского народа, почти не отмечалась. Не были упомянуты и духовные ценности VII–X веков, архитектурные памятники, Ани, который сам по себе является... синтезом принципов культуры»⁵⁸.

... После доклада В. Брюсов прочел стихи Григора Ахтамарци, Нагаша Овнатана, Фрика, отрывки из поэмы Исаакяна «Абул Ала Маари», а также свои стихи – «Молитва о

⁵⁷ См.: Кавказское слово, 24. I. 1916. В книге «Переписка семьи Туманяна» читаем: «Прочитанный в Баку 22 января доклад повторен в Тифлисе» (с. 75), что не соответствует действительности.

⁵⁸ Арев, 30. I. 1916.

воинах», «На взятие Варшавы».

Указанной лекцией завершается пребывание Брюсова в Закавказье, вызвавшее горячие отклики не только в Баку, Тифлисе, Ереване, но и среди широких слоев армянской общественности других городов. В эти дни 1916 года он получает приглашения из Гандзака, Кутаиси, Александрополя, Батуми, Армавира, Нор-Нахичевана и других мест⁵⁹.

Литературовед А. Тертерян, слушавший в Ереване Брюсова, впоследствии называет его лекции «эпохальными»⁶⁰. И действительно, своими лекциями Брюсов воодушевлял, придавал силы обескровленному народу. Считая армянскую поэзию «патентом на благородство», а армянский народ – «народом-поэтом», Брюсов подчеркивал мировое значение и звучание армянской поэзии, что для того времени было важно и в общественно-политическом отношении. В этом смысле совершенно правы А. и Г. Дербеневы, когда пишут: «Поездка Брюсова на Кавказ в январе 1916 года при всей ее связи с предшествующей деятельностью, – принципиально новое явление. Если до сих пор Брюсов пропагандировал армянскую поэзию среди русских поэтов и читателей, то теперь его слово было обращено к армянам. Целью этой поездки было не информирование о достоинствах армянской поэзии (что тоже оказалось не лишним), а духовная поддержка армянского народа в дни тяжелых исторических испытаний. Подобной задачи не ставил перед собой еще ни один русский писатель»⁶¹.

Завершив благородную миссию защиты духовного мира

⁵⁹ См.: Оризон, 22. I. 1916; МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 785а; ф. Т. Иоаннисяна, № 266; Арев, 22. I. 1916.

⁶⁰ См.: *Тертерян А.* Валерий Брюсов и армянская культура. Ереван, 1944, с. 5 (на арм. яз.).

⁶¹ *Дербенева А., Дербенев Г.* Брюсов как классик дружбы народов. – В сб.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, с. 97.

целого народа, 24 января 1916 г. В. Брюсов с женой из Тифлиса отправляется в Москву. На вокзале их провожали многие армянские писатели и общественные деятели⁶².

* * *

Необходимо отметить, что в период изучения армянской поэзии, во время и после поездок по Закавказью В. Брюсов написал целый ряд стихотворений, отражающих исторический путь, природу, чаяния и надежды армянского народа. Поэт обратился к многострадальному армянскому народу со словами воодушевления и ободрения, видя в народе негибаемый дух, неукротимую жизненную силу, волю к борьбе за светлое, счастливое будущее. Произведения В. Брюсова об Армении подробно рассматривались в литературоведении, и мы не собираемся скрупулезно анализировать их. Однако вновь подчеркнем их важность в творческом наследии видного поэта и литератора.

В первом же стихотворении – «К Армении» (1915 г.) – Брюсов признавался, что для него голос древней Армении звучал «Как свежий ветер в летний зной», в этой многострадальной стране, где «искал гробницы», он обрел «целый мир живой», тем самым воссоздал образ мужественного и стойкого народа.

Большой верой в будущее армянского народа написано стихотворение «К армянам» (1916 г.). Брюсов повествует о прошлом Армении, о том, что армянский народ выдержал «Все бури, все волненья мира», невзгоды судьбы, но не терял веры, сберег «Свои святыни». И теперь, «в толпе мятущихся племен», Армения «горделиво» носит «Свой многовековый венок». Поэт уверен:

⁶² См.: Арев, 22. I. 1916; Оризон, 26. I. 1916.

*... Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;*

*Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве вышем ссединит⁶³!*

В сочинениях Брюсова, посвященных Армении, ее судьбе, особое место занимает славное прошлое народа, историко-героическая тема. В произведениях «Тигран Великий», «Победа при Каррах (53 г. до Р. Х.)», «Моление царя (историческая сцена)» поэт представил исторические события жизни армянского народа, его стойкость, волю к жизни.

В. Брюсова очаровала и природа Армении, гора Арарат, которым он посвятил ряд стихотворений. «К Арарату», «Арарат из Эривани»⁶⁴ — в этих произведениях Арарат символизирует мудрость и неиссякаемую веру армянского народа в лучшие дни. Вот как показал свой величавый облик В. Брюсову Арарат, когда он прибыл в Ереван:

*Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле - онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков⁶⁵.*

⁶³ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 10–11.

⁶⁴ Хотя это стихотворение подписано «9 декабря 1916, Эривань», но поэт в это время не был в Ереване.

⁶⁵ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 13.

Кстати, перед известным русским поэтом, писателем, публицистом, переводчиком, общественным деятелем, большим другом армянского народа Сергеем Городецким на рассвете 24 апреля 1919 г. Арарат встал во всем блеске своего величия: «... в одиннадцать утра увидели Эривань с ее серым собором, садами и торжественным Араратом. Старик, весь жемчужный, сверкая сквозь кружевные облака, встретил нас приветливо. В его осанке появилось спокойствие, но глубокие думы бороздили морщинами его вековое чело. Мы не посмели беспокоить его божественную нирвану назойливыми расспросами и только помечтали о том, каким интересным могло бы выйти сейчас, — и для нас, и для Европы, — интервью с самим Масисом»⁶⁶.

Известно, что когда в 1837 г. царь Николай I приехал в Ереван, Масис скрыл свой лик «во мгле и тумане». «Эта гордая гора не желает показать мне свое чело», — сказал он.

... Отметим также, что к стихам Брюсова, посвященным Армении, примыкают также стихотворения «Путевые заметки», «В Баку», «В Тифлисе», «Баку».

* * *

Возвратившись в Москву, Брюсов опять приступил к чтению лекций перед русской и армянской общественностью. 28 января 1916 года поэт прочел в Политехническом музее лекцию об армянской поэзии⁶⁷. Во втором номере журнала «Армянский вестник» (с. 4–5) был напечатан отрывок из этой лекции под заглавием «Лирика армянского средневековья». Говоря о лирике этой эпохи, Брюсов отмечал: это «есть высшее, что до сих пор создал армянс-

⁶⁶ Кавказское слово, 8. V. 1919. О связях С. Городецкого с Арменией см.: *Закарян А.* Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916 – 1921 гг.). Ереван, 2015.

⁶⁷ Армянский вестник, 1916, № 1, с. 23; Арев, 3. II. 1916.

кий народ в области словесного, поэтического творчества, и, вместе с тем, наиболее самостоятельное создание армянского народа в сфере искусства мусического». Присутствующие на лекции армянские студенты высших учебных заведений Москвы преподнесли известному поэту адрес. В ответ на это Брюсов сказал: «Я сердечно благодарен, очень тронут, но сказанное вами приписываю не моей личности, а тем поэтическим сокровищам, которые имеет армянская литература. Я обещаю вам, что и впредь буду отдавать свои силы изучению армянской поэзии и ее популяризации среди русского общества». Заключительная часть лекции под заглавием «Задачи грядущих поэтов Армении» была напечатана в пятом номере «Армянского вестника» (с. 5). «Мировую поэзию справедливо сравнивали с божественной арфой, для которой каждый отдельный народ служит как бы особой струной, — говорил в конце своей лекции В. Брюсов. — Заставить свою струну звучать ей присущим, единственно ей свойственным звуком, вполне отличным от других, и вместе с тем звучать так, чтобы ее голос гармонично сливался со звуками других струн, образуя единую мировую мелодию, таково самое, быть может, высокое призвание национального армянского поэта...».

25 марта 1916 года в здании Московского университета, на собрании «Общества любителей Российской словесности» под председательством проф. А. Грузинского состоялась лекция В. Брюсова «Армянская средневековая лирика». Лекция сопровождалась переводами поэта. По окончании лекции были прения, в которых принимали участие А. Грузинский, Ю. Веселовский и др. По сообщению печати, многочисленные слушатели остались довольны как лекцией, так и последовавшим после нее весьма интересным разговором⁶⁸. В письме, адресованном Ов. Туманяну от 13 апреля 1916 года, В. Брюсов пишет: «... счи-

⁶⁸ Армянский вестник, 1916, № 10, с. 23.

таю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги («Поэзия Армении ... ». — А. 3.), она возбудила в *широких кругах* русских читателей интерес к армянской поэзии. Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы), в университете (в о-ве любителей Рос. слов.), и мог убедиться, как заинтересованы читатели, раньше и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем от армян и *русских*, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз»⁶⁹.

14 мая 1916 года В. Брюсов в Петрограде, в Тенишевском училище прочитал очередную лекцию о поэзии армянского средневековья и ашугов. Лекция, как и всегда, привлекла многочисленную публику. В кратком предисловии русский поэт обрисовал те культурные условия жизни Армении, которые способствовали возникновению и развитию армянской народной поэзии, «впоследствии выросшей в высокое художественное творчество». Затем, давая общую характеристику армянской народной поэзии, поэт отмечал, что она отличается большим духовным содержанием и изысканностью формы, охарактеризовал поэзию шараканов, Григора Нарекаци, Нерсеса Шнорали (Благодатный), Иоанна Ерзынкайского, Фрика, Нагаша, Ованнесса Тылкуранского, Наапета Кучака, Григория Ахтамарского и других. Заключительная часть доклада была посвящена поэзии ашугов. В. Брюсов особенно восторженно говорил о творчестве Саят-Новы, который вознес, по его словам, поэзию ашугов на недостижимую высоту. В конце он прочел стихи армянских поэтов в своем переводе и был награжден продолжительными аплодисментами. Сбор с лекции поступил в пользу армян-беженцев⁷⁰. В письме В.

⁶⁹ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 196.

⁷⁰ Армянский вестник, 1916, № 17, с. 24. Во 2-й книге «Брю-

Терьяна от 31 мая 1916 г. из Петрограда И. Брюсовой об этой лекции читаем: «Вообще я не доволен этим приемом, кот<орый> был оказан здесь Вал. Яковлевичу, и думаю, что лекция прошла бы при переполненном зале, если бы не странное желание устроительниц - дам приурочить (ее. – А. З.) к окончанию с'езда (речь о всероссийском съезде армянских общественных организаций помощи пострадавшим от войны, который проходил в Петрограде с 10-го до 13 мая – А. З.). Неправда ли, в Эривани было гораздо лучше?»⁷¹.

Безусловно, выбор темы лекции – от Нарекаци до Саят-Новы – был обусловлен также туманяновским преклонением перед двумя вершинами армянской средневековой поэзии.

Брюсов популяризовал «святые элегии» «Книги скорби», передавая слушателям то многостройное звучание стиха Нарекаци, которое в дальнейшем развилось в «персидской и арабской» поэзии⁷². Им закладывалась основа того интереса к Нарекаци, который был вызван усилиями литературоведа Л. Мкртчяна изданием на русском языке «Книги скорби» (переводчик Н. Гребнев). Это издание нашло широкий отклик со стороны таких известных представителей литературы, как Ч. Айтматов, Эд. Межелайтис и др. Как известно, эпиграфом к своему роману «И дольше века длится день (Буранный полустанок)» Айтматов избрал следующие строки «Книги скорби»:

сов и Армения» (с. 232) ошибка: написано, что эта лекция состоялась 12 мая.

⁷¹ Сукиасян С. Валерий Брюсов и Ваан Терян. – Известия Армянского филиала АН СССР, 1941, № 3–4, с. 20.

⁷² Поэзия Армении..., с. 44.

*И книга эта — вместо тела,
И слово это — вместо души моей...*⁷³

В. Брюсов знакомит русскую общественность также с творчеством Шнорали, Ерзнкаци, Нагаша, Тлкуранци, Ах-тамарци, Фрика, Овнатана, заражает слушателей любовно-обильным дыханием «поэта нюансов» Саят-Новы...

Одновременно В. Брюсов работает над завершением сборника «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». В начале июля печать сообщила, что «хотя антология уже готова и отпечатана, но выйдет в продажу только после 15 августа, так как летом распространение книги будет вялым»⁷⁴.

⁷³ *Айтматов Ч.* Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., 1983, с. 200.

⁷⁴ Амбавабер (Вестник, Тифлис), 1916, № 28 (10 июля), с. 893 (на арм. яз.). См. также: Армянский вестник, 1916, № 23, с. 24. К. Григорьян ошибочно пишет, что «Поэзия Армении» вышла в свет «весной 1916 г.» (Валерий Брюсов и армянская поэзия, с. 5), а Г. Татосян — «осенью 1916 года» (Поэзия Армении ..., Ереван, 1973, с. 525).

ГЛАВА II

СБОРНИК «ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ» (КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Поездки, совершенные В. Брюсовым в Закавказье, его лекции, прочитанные в городах края — в Баку, Тифлисе, Эчмиадзине, Ереване, а также в Москве и Петрограде, явились своеобразным пробным камнем на пути как к изданию антологии «Поэзия Армении», так и к ее общественному признанию.

Инициатива создания антологии, как уже было сказано, принадлежит Московскому армянскому комитету. И если издательско-финансовые расходы брали на себя армянские меценаты, немалая нагрузка легла и на тех, кто готовил это издание. То есть, если Брюсовым неоднократно констатировалось, что он редактировал и переводил, то кем же были те, кто выбирал, сортировал, делал подстрочники огромного количества прекрасных поэтических образцов? Известно, что ими являлись такие видные литературно-общественные деятели, как Карен Микаэлян, Погос Макинцян, Ваан Терьян, Карапет Кусикьян и Александр Цатурян. «Предприятие издания этого сборника — армянское и не возникло само по себе. В основном мы должны быть обязаны стараниям Московского Армянского Комитета и Погоса Макинцяна, позволившим увидеть свет на русском образцов армянской лирической поэзии, именно они заинтересовали русского поэта (В. Брюсова. — А. З.) и открыли его. Следовательно, инициатива — армянская, и литературно-художественная идея частью проникнута общественно-поли-

тической целью, хотя сборник будет чисто литературно-художественным, — говоря об издании «Поэзии Армении», заметил Ширванзаде. — Прибавьте и то, что московский сборник издается на армянские средства, и расходы на него взял на себя Армянский Комитет. Значит, издание носит отпечаток своего рода благотворительности, который, однако, ни на йоту не умаляет его нравственного достоинства»¹.

Под заглавием сборника указано: «Под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова», что знаток литературно-авторских нравов и канонов того времени, Брюсов, также указывает и подчеркивает отдельно: «Объяснения редакции. I. От редактора к читателям. — II. Задачи издания. — III. Распределение работ» — с краткими сведениями и следующим комментарием: «Общую редакцию русских переводов принял на себя В. Я. Брюсов, участвовавший также и в окончательном выборе произведений, назначавшихся для перевода. Кроме того В. Я. Брюсову было предложено написать Вступительный очерк к сборнику (исторический обзор армянской поэзии)»². Затем перечисляются те разделы и авторы, которых перевел лично Брюсов, а именно: народная поэзия, средневековая и ашугская поэзия, отдельные страницы из поэтов нового времени. Им избраны с определенным отменным вкусом, но и с несомненной символистской направленностью произведения «Армянское горе», «Лампада Просветителя» Туманяна, «Сорванную розу ветке не вернуть», 7 сура из «Абул Ала Маари» Исаакяна, несколько стихотворений из Терьяна — «Скользящей стопой...», «Газелла» и т. д., из Пешикташляна — «К зефиру Алемдага», из Дурьяна — «Моя смерть», «Ропоты», из А. Чопаняна — «Вот и снова...» и «Марина», из Мецаренца — «Ночь сладостна ... », «На

¹ *Ширванзаде. Ал.* Указ. соч., т. 10, с. 542. Ср.: Армянский вестник, 1916, № 23, с. 22.

² Поэзия Армении..., с. 19.

рассвете», «Сонет с кодою», из Варужана — «Колыбель армян» и т. д. При внимательном рассмотрении нетрудно почувствовать подчеркнутую музыкальность и живописность с почерпнутой из природы символикой почти всех перечисленных стихотворений. И интересно, что таковы же избранные страницы начинающих поэтов, таких, как Лейли («Молитва») и А. Тер-Мартirosян («Словно звезды... » и «Я теперь ничего не прошу»), что означает, что В. Брюсов оставался верным исповедуемому им символизму и считал его перспективным. В этом смысле он и покровительствовал молодым, переводя из их произведений, скажем, как эти строки из Лейли:

*... Холод и дождь, и метель на дворе,
Келья моя — здесь, над озером льдистым...
Спит кипарис, видит сон о заре:
Ветер играет ночной с кипарисом...³*

Как ответственный редактор, Брюсов, естественно, сам выбирал и других переводчиков, с ними вел переписку. Вот, например, письмо В. Брюсова В. Иванову (27 июля 1915 г.), которое содержит интересную информацию, поэтому приводится почти полностью: «Дорогой Вячеслав! Очень и очень благодарю тебя за то, что ты согласился принять участие в оном армянском сборнике. Ты понимаешь, как мне, который согласился его редактировать (для чего теперь я изучаю армянский язык), это важно и дорого. Хочется верить, что кроме тех стихов, которые ты уже принял на себя, ты согласишься перевести еще и несколько стихотворений.

Должен я, однако, сделать одну оговорку.

³ Там же, с. 421. О переводах В. Брюсова в антологии см., напр., Григорян К. Н. В. Я. Брюсов и армянская поэзия, с. 75–107; Мкртчян Л. Указ. раб., с. 90–136.

П. Н. Макинциан, как юноша скромный и робкий, не решился противоречить тебе по вопросу о гонораре. Но я, по своему долгу редактора, как мне это ни тягостно, должен выяснить тебе истинное положение вещей. Сборник преследует цели не только художественные, но и благотворительные. Издатели надеются частью из самого дохода сборника получить средства для помощи армянским беженцам, частью вообще обратить этим сборником внимание на трагическое положение армянского народа, доказать, что он достоин поддержки. Деньги на издание идут из того же источника, как и пособие разоренным армянским семьям. При таких условиях приходится, и я это считаю своим долгом, бережно относиться к расходам на сборник...

Ты указал цифру в 1 р. за стих как свой гонорар. Не рассердись на меня, если скажу тебе, что это для сборника — слишком тяжело. Как ты сам хорошо знаешь, в подобных полунаучных изданиях такой размер гонорара не принят. Да он и немислим, ибо в сборнике будет не менее 25 печ. листов, а при гонораре в 1 р. со строчки это составит почти 500 р. гонорара за лист, т. е. 12000 руб. на всю книгу! Ты сам видишь, что при таких условиях издавать ее невозможно. Конечно некоторые переводчики, по справедливости, должны будут получать меньше, но я не могу предложить Бальмонту, Сологубу и некоторым др. меньше, нежели было предложено тебе. Очень прошу тебя, обсуди беспристрастно это положение вещей и согласишься на несколько другие условия.

Махитум, как мне кажется, того, что редакция может тебе предложить, есть следующее. Пусть *лирические стихотворения*, коих у тебя (помнится) два, оцениваются так, как ты этого хочешь, т. е. по 1 р. стих. Но за две поэмы, которые ты взял на себя, не откажись принять гонорар по 50 коп. со стиха. Это, как ты знаешь, — оплата вполне приличная, нисколько не обидная, но дающая возмож-

ность редакции «свести концы с концами». Меня лично ты, конечно, очень-очень обяжешь, сделав такую уступку. Я тебя о ней очень прошу, очень на нее надеюсь...»⁴.

Молодому поэту и переводчику *Сергею Шервинскому* пришлось наряду с Брюсовым перевести из Нерсеса Шнорали «На Великий Пяток», некоторые из мудрых высказываний Наапета Кучака («Гномы. I–II»). Отметим также, что Шервинский, предпочитая произведения, так сказать, медитативно-философского характера, не избегает сложностей, и не случайно, что для «Поэзии Армении» он перевел избранные страницы из поэтов нового времени, а именно Р. Патканяна, Алишана, Шанта, Сиаманто, Варужана...⁵

А вот в разделах восточноармянской — западноармянской «Новой поэзии» переводчики многочисленны. И не

⁴ Брюсов и Армения. В 2-х кн., кн. 1. Ереван, 1988, с. 285 — 286.

⁵ «Для меня, совсем еще молодого поэта, приглашение участвовать в Брюсовской Антологии было и честью, и ответственностью. Не скрою, польстило, что мои переводы требовательный редактор принял без единого замечания. А когда книга была готова, я увидел, что моя фамилия помещена Брюсовым на титульном листе — вместе с фамилиями известнейших поэтов. Сам не знаю — за что такая честь, — спустя годы писал С. Шервинский. — Может быть, интуиция подсказала Брюсову, что именно я могу заинтересоваться армянской литературой на всю жизнь, почувствовал ли он во мне возможность развития и углубления интереса к Армении и ее культуре? Кто знает...

Смею думать, что Брюсов не ошибся: никто из участников Антологии, кроме меня, не занимался в дальнейшем армянской литературой так много и основательно. Это своеобразное брюсовское «крещение» припомнилось мне, когда — через много лет после Антологии — в Армении замыслили осуществить и издать русский перевод замечательной книги Хачатура Абовяна «Раны Армении» — и выбор пал на меня... » (*Шервинский С.* Спустя семьдесят лет. — Литературная Армения, 1986, № 10, с. 26).

всем из них можем уделить внимание. Поэтому первым упомянем *Юрия Веселовского* с его знаменательными переводами стихотворений Р. Патканяна «Слезы Аракса» и «Сон», «Аштарак», отрывков из поэмы «Скорбь Леона» С. Шахазиза. Сделан точный выбор из ряда представленных к переводу произведений этих авторов – «Слезы Аракса» и «Сон», которые занимают прочное место на страницах истории многовековой армянской классической литературы своей жанровой лирической музыкальностью.

В ряду известных поэтов-переводчиков – *Иван Бунин*, который перевел «Мрачна, темна душа моя» А. Цатуряна и «Моя душа объята тьмой полночной» А. Исаакяна.

Константин Бальмонт перевел по одному стихотворению из Иоаннеса Иоаннисиана («Умолкли навсегда»), А. Цатуряна («Ручей»), Ов. Туманяна («С горных высей стремится ручей»), В. Терьяна («Наирянка»), П. Дурьяна («Моя скорбь») и Сипил («Ладан»).

Значительно количество переводов *Вячеслава Иванова*, начинавшего с переводов стихотворений И. Иоаннисиана «Рождение Ваагна» и «Дева - роза, подойди». Затем следуют превосходящие по своему количеству переводы из Ов. Туманяна: «Перевал», «Пахарь», «Голубиный скит», «Сердце девы» и поэма «Ануш» с ремаркой автора перевода – «Лирическая поэма в VI песнях с Прологом и Эпилогом». Следует отметить, что в разделе «Поэзия русских армян» в «Новой поэзии» В. Иванов своими переводами занимает второе место после Брюсова. Ему выпала заметная часть переводов также из стихотворений Исаакяна: «С посохом в руке», «Гиацинту ли нагорий», «Зверолов, оленьим следом», «Нет тебя, душа-отчизна, краше». Образцы переводов В. Иванова из Исаакяна есть также на последних страницах антологии под рубрикой «Приложение»: «Отгадчица», «На чужбине» и «Ожидание».

Однако, как известно, в «Поэзии Армении» несравненным переводчиком поэзии Исаакяна является *Александр*

Блок. Его избранные переводы: «Моей матери. I – II», «Ал-злат наряд», «Был бы на Аразе у меня баштан», «Быстро-летний и черный орел», «В долине, в долине Сално...», «Под алмазным венцом», «Уж солнце за вершиной гор», «Караван мой бренчит и плетется», «Издалека в тиши ночной», «Я увидел во сне...», «Да, я знаю всегда», «Видит лань...», «Словно молнии луч...». Всего – 13 произведений, которые Блок в жанровом плане озаглавил «Песни»⁶. Известно, что в письме от 28 января 1916 г. заведующему литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», писателю и критику А. Измайлову, в свое время увлекающемуся антипоэзией, Блок утверждал: «... я не знаю, как вышел перевод («В долине, в долине Сално...». – А. З.), но поэт Исаакиан – первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет»⁷.

Общий вывод из вышеизложенного таков, что представленные страницы Иоаннисиана – Туманяна – Исаакяна выделяются одной и той же особенностью: круговертью древних исконно армянских символов, легенд, поговорок... образов Ваагна, Аракса, Вардавара... розы. Выясняется также, что помещенные в антологии стихотворения из Исаакяна по своему количеству вдвое превышают произведения других, включая и следовавшего за Туманяном и Исаакяном Терьяна.

Уже было сказано, что и сам Терьян активно участвовал в издании антологии. Так, будучи занят работой по изданию предпринятого М. Горьким «Сборника армянской литературы», он одновременно обязан был выполнять значительный объем работ с подстрочниками переводов для «Поэзии Ар-

⁶ О переводах Блока из Исаакяна см., напр., *Григорьян К. Н.* В. Я. Брюсов и армянская поэзия, с. 107–121; *Мкртчян Л.* Указ. раб., с. 136–169. По Л. Мкртчяну, Блок перевел из Исаакяна 20 стихотворений (там же, с. 139, 143, 169).

⁷ *Блок А.* Собр. соч. В 6-и т. Т. 6. Л., 1983, с. 260, 345–346.

мении». Понятно, что издание антологии требовало пос-
пешности, переводчиков - подстрочников не хватало (толь-
ко четверо — К. Микаэлян, П. Макинцян, А. Цатурян, К.
Кусикьян) и единственным сподвижником их стал В.
Терьян. Вероятно, в первую очередь он взялся за подстроч-
ники из Исаакяна. И, возможно, к этому времени (к
счастью) переводы из Исаакяна были уже заказаны и Блоку,
а подстрочники — Макинцяну. Именно по этой причине
получилось удвоенное количество переводов, почему и
пришлось передать дополнительно выполненные Терьяном
подстрочники для перевода Иванову.

Кстати, Терьян и сам перевел из Иванова стихотворение
«Роза преображения» (почему-то без заглавия). Вот оно:

*

* *

*Հարուստ է և ծոխ Արմենիան, վա՛րդ,
Բայց դու բազ ու ոսկուց փարթա՛մ վարդ:*

*Անհամար են տաճարները սուրգմբեթ,
Բայց Սաաից էլ դու սրբազան, վա՛րդ ⁸, –*

и подобные еще три двестишья, а перевод шестого остался
незавершенным.

В тяжелые для «богатой и роскошной Армении» дни,
когда армянский народ стоял перед судьбоносным вопросом
«быть или не быть», Терьян посвящает русскому поэту пол-
ное признательности стихотворение под заглавием «Вячес-
лаву Иванову», где вопрошает его — будет ли поэт и далее
воспевать Армении:

*Վարդավառի վարդերը վառ
Երգող երգչիդ երդվում են ես.*

⁸ Терян В. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3, с. 134.

*Չըկար երկրիս նըման պարտեզ –
Եվ նա ավե՛ր, չարին ավա՛ր ...
Սրտի երգիչ, դու բոցավառ
Լուսե երգով ասա՛ հրկեզ. —
Արդյոք «հարյա՛վ» պիտի երգե՞ս,
Վառված ու որբ երկրիս համար:*

*Ինչպես կարկուտն արտն անարատ
Վայր է թափում, այնպես առատ,
Այնպես անգուք երկրում իմ որբ,
Նայի՛ր՝ թափված քանի՛ կորյուն —
Որքա՛ն, որքա՛ն, որքա՛ն արյուն —
Վերքե՛ր - վարդե՛ր արնոտ ու բորբ ...⁹*

Если нам известно, что стихотворение создано Терьяном в 1915–1916 гг., в трагические для родины дни, то можем понять, почему такой тревогой и болью пронизаны эти строки. А также представить установившуюся между поэтами теплую взаимную близость, без которой, несомненно, было бы невозможно подобное эмоционально - трогательное обращение Терьяна к Иванову.

10 сентября 1915 г. В. Брюсов писал *Федору Сологубу*: «Может быть Вы не забыли еще, что любезно дали согласие перевести для сборника «Поэзия Армении». Переговоры об этом вел с Вами П. Н. Макинцян. В настоящее время я взял на себя редактирование этого сборника (для чего, несколько месяцев, усердно изучал армянский язык) и присоединяю свою просьбу к убедительным просьбам всех членов редакции. Вы *очень* нас всех обяжете, так сказать — «осуществить» свое согласие. С этим письмом я высылаю Вам стихотворение Ваана Териана (между прочим, переводившего Ваши стихи на армянский яз.) — текст-транскрипцию и подстрочный перевод. Мне кажется, что

⁹ *Терян В.* Сочинения. Ереван, 1989, с. 173 (на арм. яз.).

эти стихи достаточно хороши, чтобы быть достойными Вашего перевода. Если, однако, стихотворение Вам не придется по сердцу, я охотно Вам вышлю другое, или несколько, на выбор, и наконец, целый ряд, если Вы захотите перевести для нас не одно, а два-три или более»¹⁰.

В. Терьян был знаком с Ф. Сологубом – если не ранее «Поэзии Армении», то в эти дни по поводу довольно удачного перевода «Из «Наирских песен»» стихотворения, начинающегося строкой «Ты не горда, страна моя». Русский поэт перевел также «Песни любви». I–VII» Наапета Кучака.

... Терьян перевел цикл из 10-ти сочинений Сологуба, вот с такой грустно-символической заявкой:

*Իմ նվազների ծայրը դժնախոս –
Հեռու բարբառի տխուր արձագանք.
Դառը խոսքերի թունոտ ներշնչանք,
Դո՞ւ չես ուներես կորացնում անխոս ...¹¹,–*

затем с мечтательным упоением со звезды Маир в страну Ойле (один из предпочитаемых символов Сологуба) «в волнах эфира» взмывает надежда – вновь превращаясь в бессилие «потерянной души». И именно здесь с призывом «*Այս գիշեր գուցե քեզ Օգնության կանչե մեկը վիատ*» – с подавленным, безнадежным звучанием:

*Փոքրիկ իմ տղա
Մանկիկ իմ սիրուն,
Չես վերադառնա,
Դու չես դառնա տուն ...
Ջա՞րդ էր, կոտորա՞ծ,
Չըփախար, փոքրիկ,*

¹⁰ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 188.

¹¹ Терьян В. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3, с. 124.

Մնացիր փռված
ճամփի մեջ լռիկ:
Եվ թշնամու ձիւն
Արեց ոտնատակ,
Թշնամու չար ձիւն –
Քո սիրտը հստակ:
Փոքրիկ իմ տղա,
Մանկիկ իմ սիրուն,
Չես վերադառնա
Դու չես դառնա տուն ... ¹²

Явно — стихотворение, строка в строку отзывающееся на армянскую трагедию, за которым следуют колыбельные, предавая забвению зло. И снова мечта о стране Ойле, крае, где:

... Մայրի աստղի ցոլքով լուսավառ,
Եթերային օրորումով օրորված,
Խորհրդավոր մի այլ աշխարհ է ապրում ...

И вновь возвращение к «моему сыну», вновь к сердечной колыбельной, и вновь — эхо армянской трагедии:

Շա՞տ ես վազել, իմ տղա,
Փռնոտ ոտներըդ բոբիկ,
Սիրուն ոտներըդ լվա՛,
Լվա՛, ցիրհի՞ր, իմ բալիկ:

А в самом конце — этот диалог как безнадежный набат:

Ու՞ր էիր քուն – «սարի տակ»:
Ի՞նչ տեսար դու – «վառ լուսնյակ»,
Ու՞մ հետ էիր – «իմ քրոջ»:

¹² Там же, с. 127.

Քույրդ եկա՞վ մեզ մոտ – «ոչ»:

*Ու մեղմ երգում եմ նանիկ,
Նանիկ, նանիկ, իմ բալիկ¹³:*

Однако по смысловой нагрузке самое интересное и звучное – 9-е стихотворение в переводе Терьяна:

*Այլ դարերում հայրենիքում մի ուրիշ,
Օ՜թե մարդկանց ես այսքան
Խմիչք տալի դուրսական՝
Այլ դարերում հայրենիքում մի ուրիշ
Իմ ջանասեր կյանքի վրա ակնապիշ
Պիտ գմայլեր դատավորը խստաբան,
Այլ դարերում հայրենիքում մի ուրիշ
Որքա՞ն անուշ գովք կատեին ինձ, որքա՞ն...¹⁴*

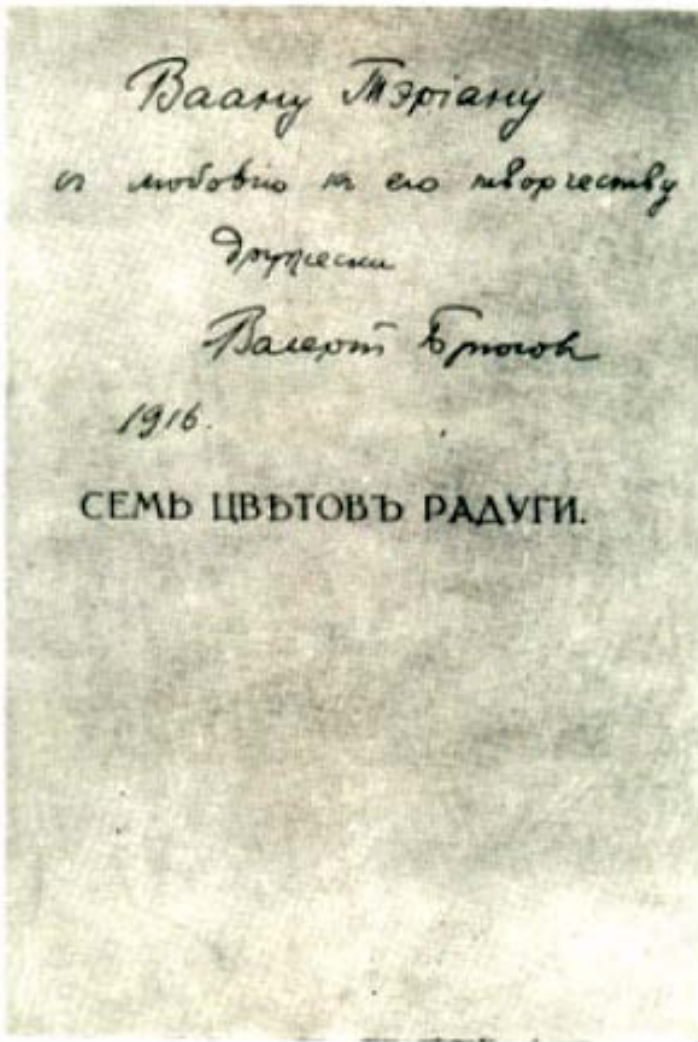
Явный сгусток психологии русской передовой интеллигенции времен Первой мировой войны, исторически трезво и верно чувствующей безвыходность положения. Антивоенной общечеловеческой направленностью и акцентами, восприятием наирийских песен Сологуб привлек Терьяна, удостоился его перевода на армянский язык.

Характер знакомства, пожалуй, был подобным и в случае с Константином Бальмонтом. Как бы то ни было, В. Терьян для своего печального стихотворения, начинающегося строкой «Դեռ իմ մոտ եմ քո նամակն ու պատկերը հիմ», избрал эпиграфом строки стихотворения «Поздно» из цикла Бальмонта «Любовь и тени любви» – «О если б кто-нибудь любил меня, как ты, // В те дни далекие предчувствий и печали»¹⁵.

¹³ Там же, с. 132.

¹⁴ Там же, с. 133.

¹⁵ *Терьян В.* Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. Ереван, 1973, с. 144 (на арм. яз.).

Книга В. Брюсова
с дарственной надписью В. Теряну (1916 г.)

... Создается впечатление, что в случае с Терьяном неудачно выбраны переводчики. Так, «Скользкой стопой...», «Опять спустилась ночь», «Газелла», «В весеннем городе», «Ужель поэт последний я?», «Как не любить тебя ...», «Если нет любви ...»¹⁶ переводил В. Брюсов, «Из «Наирских песен» – Ф. Сологуб, «Наирянка» – К. Бальмонт, «Я помню, осень подошла» – Е. Выставкина. Последний переводчик не столь известен. Можно полагать, что Терьян желал бы, чтобы переводил в основном В. Иванов, меньше – К. Бальмонт. Наверное. В пользу подобного взгляда говорит то обстоятельство, что перевод стихотворения В. Терьяна под названием «Наирянка», нашедшего место в антологии, весьма далек от оригинала как по тональности, так и по содержанию. В русском переводе явно не уловлен ритм, нарушен плавный ход строф и звучность строк:

*Բարակիրան նաիրուհին ինձ ժպտաց,
Նաիրուհին տխուրաչյա և համեստ.
Այնպես վառ էր լեռնադուտեր դեմքը բաց,
Նայվածն այնպես հրեղեն ու անարվեստ...*¹⁷

*Мне Наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор...*¹⁸, – и т. д.

Прочитав их, Терьян должен был бы в глубине души огорчиться. Тем более, что среди помещенных в антологии

¹⁶ Кстати, в «Поэзии Армении...» отмечено, что это стихотворение перевел В. Бакулин, как и стихотворение Р. Патканяна «Ученый, книгу брось...», Лейли – «Молитва». В последующих изданиях антологии автором этих переводов указан В. Брюсов.

¹⁷ Терьян В. Сочинения, с. 175.

¹⁸ Поэзия Армении ... , с. 412.

его песен, исполненных печально-бархатной, плавной мелодичностью, были и другие неудачные переводы...

Возможно, и это в какой-то степени побудило Терьяна в письме Ц. Ханзадянну сразу же после издания антологии, говоря об историко-философском мировоззрении в контексте «Духовной Армении» о некой деятельности армянских интеллигентов-патриотов, с болью отметить: «Говорят («армянские интеллигенты-патриоты, «страдающие» во имя литературы и нации». — А. З.) — везде есть свои поэты и писатели, пусть и у нас они будут, иначе — что за нация мы, если не имеем своих поэтов и писателей. Но поэзия или литература как таковая им *совершенно* не нужна. Это нужно им, чтобы в беседах с иностранцами говорить, что вот и мы имеем «своих Невтонов» (Ньютонов. — А. З.), своих Туманянов и других. Подоплека этого чувства мерзкая и это гадкое чувство. Вот этим чувством и руководились те, кто в Москве предпринял издание «Поэзии Армении», те люди, которые для процветания *армянской* поэзии не могли найти даже двух-трех тысяч рублей (вспомни «Гарун»), а для «национального» чванства не пожалели и нашли почти 15 тысяч (для одной книги «Поэзия Армении»). За один печатный лист подстрочного перевода для «Поэзии Армении» нам платили 40 руб., а за *наши стихотворения*, которые они переводили, нам не платили ни копейки... Просили послать Исаакяну 300 руб. и не послали, а его стихотворениями гордятся, смотрите, каких поэтов имеем»¹⁹. Нелишне напомнить, что о «национальном» чванстве некоторой части армянской интеллигенции говорил и Ст. Шаумян по поводу отредактированного М. Горьким «Сборника армянской литературы».

... Что и говорить, антология «Поэзия Армении» — неоценимое историко-литературное явление, как неоценимо и служение В. Брюсова армянскому народу, что закреплено

¹⁹ Терян В. Собр. соч., т. 4, с. 291.

также в вышеприведенном стихотворении Терьяна, посвященном Валерию Брюсову. Здесь, поистине обобщены все слова благодарности...

В сборнике представлены избранные произведения армянской поэзии, их число достигает 233, из которых ранее издавались только 13. Здесь объединились усилия более 20-и переводчиков, из которых около 10-и — известные и талантливые русские поэты. Из 220 переводов 142 принадлежат В. Брюсову.

* * *

Объемистая антология была бы неполной без сведений и объяснений развития истории и поэзии армянского народа. Посему за редакторскими пояснениями следует «Историко-литературный очерк» — предисловие Брюсова под названием «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков»²⁰.

Мастерски изложенным очерком, берущим начало с раскрытия индоевропейских корней армян, восходящих к VIII–VII вв. до Р. Х., и почерпнутыми у Марра фактами и выводами Брюсов констатирует, что армянство включает в себя чисто восточный урартский элемент вместе с западным фригийским элементом. Затем определенно утверждает: «Это подтверждается филологическим анализом армянского языка, показаниями античных историков, данными археологии, этнографии, географии и, наконец, свидетельством народных армянских преданий. Мы вправе поэтому рассматривать армянский народ, в самом его существе, как за-

²⁰ Кстати, очерк был переведен на армянский язык во многих местах достаточно вольно, порой неудачно, есть и непереверженные предложения, отрывки. Об этом подробно см. в сносках нашей статьи: *Закарян А.* Сборник В. Брюсова «Поэзия Армении». Критические заметки. — ИФЖ, 2004, № 1, с. 81–109 (на арм яз.).

падно-восточный, одновременно — и азиатский, и европейский»²¹.

Следует заметить, что в очерке чувствуется злоупотребление последним выводом²², однако продолжим. Таким образом, по классификации Брюсова влияния по очереди меняются: с VI по конец IV в. до Р. Х. — влияние иранизма, затем ассиро-вавилонское ... Как писал Страбон, «все святыни персов чтутся также и армянами», Ксенофонт же свидетельствовал: «Персидский язык... был настолько распространен в Армении, что его знали даже женщины»²³.

²¹ Поэзия Армении..., с. 24.

²² Выражением известного брюсовского взгляда на влияние азиатского и европейского, Востока и Запада на армянскую историю и культуру являются уже вышеприведенные отзывы на лекции Брюсова, которые подверглись критике в периодической печати того времени [Пайкар, 17. I. 1916; *Лукасян З.* Указ. раб., с. 218; *Закарян А.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984, с. 69–71 (на арм. яз.) и др.]. Этот взгляд нашел отражение и в антологии «Поэзия Армении». Кстати, как отметил литературовед Х. Саркисян, этому принципу следовал в середине XIX в. видный просветитель Ст. Назарянц [см.: *Саркисян Х.* Манук Абемян и история древнеармянской литературы. Ереван, 1946, с. 32 (на арм. яз.)]. Кратко, но обоснованно оспаривая Брюсова, Х. Саркисян одновременно писал: «Но одно бесспорно, одно совершенно ясно: что по своему величию делает второстепенными все вышеупомянутые спорные моменты. Это то, что Брюсов с мастерством большого и сведущего знатока смог найти самобытное и почетное место армянской литературы на путях развития мировой литературы и тем самым возвысил ее значение ... Брюсов был одним из первых, кто известное выражение Хоренаци о малочисленности армянского народа, но великого делами, — понятие «дело» комментировал не только как героизм на поле боя, а в смысле совершенного героизма в области духа ... В ознакомлении с собственными достоинствами ... большая заслуга Брюсова перед армянским народом» (там же, с. 34 – 36).

²³ Поэзия Армении..., с. 25.

Далее с конца IV до середины I в. до Р. Х. в течение трех веков — благотворными завоеваниями Александра Македонского укрепляется эллинизм, с определенным результатом, в дни Тиграна Великого и его преемников, выраженный в живописи, скульптуре, архитектуре: «Мы знаем, что ко двору армянского царя приглашались эллинские риторы, поэты, ученые, художники; что в столицах Армении, в придворном театре, исполнялись пьесы великих трагиков Эллады; что сын Тиграна Великого, царевич (впоследствии — царь) Артавазд II, сам писал драмы и стихотворения на греческом языке»²⁴.

Затем Брюсов отмечает семитическое влияние — когда Тигран Великий и Артавазд II доходили в своих завоеваниях до пределов Иудеи и «нашли полезным переселить в свою страну значительное количество евреев (армянские историки уверяют, что до 100.000 семейств)»²⁵.

Отмеченное семитическое влияние сменяется, начиная со II века до Р. Х., романизацией, когда Римская империя начинает брать под свою «тяжелую руку» многочисленные азиатские государства. Брюсов подчеркивает, что Армения длительное время сопротивлялась римскому влиянию, более того, отношения между ними бывали враждебными. И хотя в результате походов Суллы, Лукулла, Помпея, Антония, Корбулона и др. Армения ослабевает, а вследствие то враждебных, то дружеских отношений с Римом во времена Нерона культурные связи уже явно укрепляются. Брюсов следующим культурным влиянием упоминает и архитектурное влияние, в качестве доказательства указывая на храм Гарни. «Надобно предположить, что распространялось среди армян также знание латинского языка и римской литературы. По крайней мере несомненно, что армянские юноши, для окончания образования, стали ездить в Рим, как раньше ез-

²⁴ Там же, с. 26.

²⁵ Там же.

дили в Афины»²⁶, — пишет он, прибавляя, что уже со времен царя Трдата в пределах древней Армении сохранились многочисленные лапидарные клинописные надписи (III век).

Поистине удивительно знание Брюсовым истории древней Армении — впечатление такое, что от его пытливого взгляда не ускользнуло хоть какое-то заметное событие. Особенно, когда речь идет о противоборствующих сторонах и драматических перипетиях, поочередно — политические ориентации и отношения Рима и парфян, Сасанидов, обостренные враждебными противоречиями. В связи с этим привлекают внимание плавные переходы Брюсова при подаче существенного и интересного для русского читателя. Так, если в отношениях Армения — парфяне, «Парфия не могла влиять на Армению в прямом смысле слова, но союз и общение с парфянами укрепляли в армянах традиционные, иранские элементы. Таким образом, в Армении, которая одновременно и романизовалась и влеклась к своему иранскому соседу, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно»²⁷.

Именно так, с точки зрения и критического комментария Брюсова, под восточно-западными влияниями, обогащаясь, армяне своим бытом, языком, духовной жизнью вступают в христианскую эпоху, уже закаленные в долгой войне с Персией, верным союзничеством с Римом, что он и уверенно констатирует: «Связь Армении с Римом еще более усилилась, когда армянский царь Тиридат III Великий принял, со всем народом, крещение (295, 299 или 301 г.), и христианство стало официальной религией армян. Приняв христианство, которое глубоко проникло в душу народа, армяне окончательно связали себя с миром Запада, с христианским миром Европы»²⁸. Русский поэт подтверждает и

²⁶ Там же, с. 28.

²⁷ Там же, с. 29.

²⁸ Там же, с. 30.

продолжает разговор вокруг влияний, в этом случае прежде всего Рима, вскользь обращается к сирийскому, затем — к византийскому и персидскому. И вместе с историческими экскурсами представляется создание Маштоцем и Сааком алфавита, последовавшее за этим развитие национальной литературы и языка в V веке, затем более бурное, в VI и VII вв. — под сильным влиянием греческого, с переводами с него. И во всеуслышание и к сведению равнодушного мира, взывая к совести человечества, Брюсов отмечает: «... первый перевод книг Святого Писания был сделан на армянский язык ... Армяне переводят на свой язык громадное количество греческих книг: сочинения по философии, богословии, риторике, истории, грамматике и по точным наукам, как математика, астрономия, медицина, география и т. под. Весь этот период в армянской литературе носит название эпохи эллинистов»²⁹.

С не совсем точными ссылками автор очерка обращается и к персидским отношениям, очень поверхностно — к арабским походам (VII — VIII — IX — X вв.), и к их влиянию. И вот очередь доходит до царства Багратидов, со столицей Ани и знаменитой архитектурой города, оценка которых Брюсовым так удивительна: «Эти две эпохи, — арабского владычества и царства Багратидов, — характеризуются решительным преобладанием в армянской жизни и в армянском искусстве восточных, азиатских начал. В архитектуре византийские формы, господство которых относится к VII — VIII вв., понемногу уступают влиянию арабского архитектурного стиля ... Мусульманское влияние сказывается и в некоторых чертах армянской миниатюры. В литературе распадается школа эллинистов ... Возможно, что в поэзию уже в эту эпоху проникают некоторые формы персидской и арабской лирики»³⁰.

²⁹ Там же, с. 31.

³⁰ Там же, с. 33.

Сразу же отметим: считаем просто некорректным спорить с Брюсовым, поэтом, наделенным чувством поэтического размера и слога, ритма, тональности, тем более по вопросам различения арабской и персидской форм. Вероятно, он прав. Но, в отличие от Запада восточно-мусульманские стилиевые «некоторые черты», превалирующие в архитектуре времен Багратидов, светские строения, включая храмы и миниатюры, неприемлемы и основательно отвергнуты научно. В частности, беспочвенно (в том числе и в наши дни) мнение тех исследователей, которые пытаются в структуральных формах армянской архитектуры видеть влияние арабской культуры. Наоборот, более ощутимо и очевидно влияние традиций армянской архитектуры на арабо-мусульманскую среду, обусловленное в основном вынужденным или добровольным участием армянских мастеров, строителей, архитекторов за пределами Армении — на территории халифата — в строительных работах — это касается особенно завоеванных арабскими мусульманами бывших христианских стран — Египта, Испании и т. д.³¹

Картина меняется с начала XI в., когда противостоя тяжёлым «ударам» — византийский, затем тюрко-сельджукский походы, падение Ани (1071 г.), — тем не менее удается обеспечить собственную независимость. Формируется Киликийское царство Рубинянов, во время которого уже, по утверждению Брюсова, «Армению ждал новый обновляющий приток идей с Запада». Следует обстоятельное, буквально восхищенное обращение Брюсова к царству Рубинянов, увенчавшееся перечислением связей Киликийского царства с Западной Европой: в 1198 г. папа Римский и германо-римский император присвоили царский титул Рубиня-

³¹ О взглядах В. Бартольда, Т. Тораманяна, Н. Марра, Т. Коптерева и др. на это влияние подробно см.: *Шахкян Г.* Архитектурно-строительная деятельность армянского народа в VIII — IX веках. Ереван, 2004, с. 100 — 107 (на арм. яз.).

нам; многочисленные браки; широкие торговые связи с Генуей, Венецией, даже с Лондоном через Крит. Причем сближение столь углубляется, что, подчеркивает Брюсов, киликийские государственные структуры совпадают с формами западноевропейского феодализма. Это вызывает недовольство Нерсеса Ламбронаци, так как «население *заимствует у франков* любовь к благам временным...»³² и т. д.

Затем Брюсов наряду с Киликийской Арменией, хотя и поверхностно, обращается к Северной Армении, вместе с взаимоотношениями с Грузией Закарян-Долгоруких. Столь же мимоходом — к монгольским и турко-османским походам, кровопролитным войнам между Турцией и Персией в XVI, XVII и XVIII вв., в основном — на территории Армении ... Армения теряет независимость, и, как констатирует Брюсов, исповедуя европейские новые идеи, армянская культура переживает расцвет уже в армянских колониях — в Венеции, Вене, Амстердаме, Париже. Поскольку, как он пишет, «2-тысячелетняя культура, конечно, не могла погибнуть»³³. А в начале XIX в. некоторые армянские области перешли «под скипетр России».

В этой общественно-политической ситуации в армянских колониях наблюдается новый культурный подъем — в духе европейских новых идей, первых армянских типографий и изданий. Ясно, что в очерке Брюсов руководствуется в постановке своих вопросов и ответов, имея в основе арменоведение своего времени.

Стержневым является вопрос ашхарабар — грабар, с которого и начинает Брюсов, констатируя победу ашхарабара в пользу процветающей литературы, с другой стороны, различие языка — арабатский и константинопольский — обусловленное раздвоенностью народа. Что и рассматривалось историческим влиянием Восток — Запад вот с таким заклю-

³² Поэзия Армении..., с. 34.

³³ Там же, с. 35.

чением: «Если исторической миссией армянского народа должно признать искания синтеза этих двух извечно противоборствующих начал, то армянская литература должна отразить в себе этапы этих исканий. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородных элементов и первые попытки их гармонического примирения должна лирика, как голос народной души». Далее: «Двуединство армянского народного характера дает ключ к армянской народной поэзии»³⁴.

И начиная с розы и соловья, по словам Брюсова, «народной сказки», «по-видимому, весьма древнего происхождения», разбираются образы розы и соловья, затем опираясь на Мовсеса Хоренаци, Григора Магистроса, языческих богов ... Григория Просветителя — Христа, продолжает с полупротиворечивыми заключениями. Приблизительно такими — как и у всех народов, и в среде армянского народа народные песни из поколения в поколение забываются и, следовательно, необходимо, обобщая запавшие в память народа, самые близкие сердцу, дорогие и незабываемые, выделить и приводить не по отдельности, а те лишь, которые показывают народный дух.

Подобным выводом Брюсов по существу снижал долю влияния Восток — Запад. По сути, выделяя «естественный отбор» народа, причем избрав отправной точкой песню — веками обрабатывавшуюся, кристаллизовавшуюся. Следовательно, целый объемистый раздел в очерке включает лирические и духовные песни. От простых народных песен, со сравнением их дидактических признаков с песнями других народов — то немецких, то персидских, как: «При всей своей страстности, армянская песня — целомудренна; при всей пламенности, — сдержанна в выражениях. Это — поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая, знающая скорбь без отчаянья, страсть без исступления, восторг,

³⁴ Там же, с. 36.

чуждый безудержности...»³⁵ и т. д. Причем, как в смысловом плане, так и по разнообразию песни считая лирику главенствующим видом устного народного творчества, Брюсов выделяет и критически показывает жанровые образцы, как, скажем, свадебные, колыбельные — в любом случае с особенными признаками, которые часто напоминают комитасовские смысловые начала. В отличие от ветви Давида Сасунского эпоса «Сасунские безумцы», которая представлена несравненно более кратко, как сохранившееся в народной памяти устное «повествовательное стихотворение»: к сожалению, вновь в дополнение к неуместной мысли о влиянии.

А письменная поэзия в Армении берет начало с создания армянского алфавита, не ранее V века. Значит, вновь упоминаются св. Месроп и Саак, в широком кругу — Агатангехос и Бюзанд ... сразу с таким знаменательным пояснением: «Современная наука отказывается допустить, чтобы один и тот же век видел и самое рождение армянской письменности и ее богатое цветение, выразившееся в превосходном переводе Святого Писания (который одним западным критиком назван «царицей переводов») и в последовавшем затем «золотом веке» армянской литературы»³⁶. В дополнение Брюсов констатирует, что, вероятно, возможно мнение, что до месроповского существовал какой-то необработанный алфавит, или же летописцы писали на ином языке — греческом или сирийском. Так или иначе, первенство за греческим — и одновременно со Святым Писанием передались и христианские церковные правила и каноны, начиная от обрядового слова *патарак*, которое, как известно, является заимствованием из греческого. И посему, начиная с появления слова стихи и песни существуют в церкви в единстве и поныне.

³⁵ Там же, с. 38.

³⁶ Там же, с. 41.

Скажем, что эти страницы историко-литературного очерка Брюсов изложил с подробными и интересными наблюдениями, кое-где с воодушевлением, особенно, когда обращается к сравнительному анализу эллино-греко-римских источников. Со специальными объяснениями и определениями — древний шаракан как «духовная песня», с продолжающимися веками и совершенствующимися видоизменениями: «В более древних преобладают стихи, впрочем не подчиненные определенной метрике; в более новых — кансированная проза, богатая различными звуковыми украшениями (аллитерациями и т. п.)», — пишет Брюсов. Затем, ссылаясь на Н. Эмина, добавляет: «Исследователь ... «Шаракана», Н. Эмин, отмечает, что в более древних песнях «читателя поражают — простота формы, ясность содержания, оригинальность образов и торжественность тона»³⁷.

Итак, с продолжающимся комментарием простых песен — гимн ... В случае же Нарекаци Брюсов констатирует: «Но слава Григория Нарекского основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называются «священными элегиями». И, наконец, без склонения слова «влияние», уверенно подтверждая гениальное звучание «Нарека», пишет: «Притом Григорий Нарекский довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя «звукопись» задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской»³⁸. Как видим, вновь не забывает Вос-ток.

Переходя от Нарекаци к следующим — XI–XIV вв., Брюсов выделяет по ходу Нерсеса Шнорали, Нерсеса Ламбронаци и Ованеса Ерзынкаци. В основном, конечно, Шнорали. Оценки высоки — равно от гимнов-шараканов к элегиям, поэмам и историческим страницам. Однако более воодушевляющими Брюсов считает проповеди армянскими

³⁷ Там же, с. 43.

³⁸ Там же, с. 44.

буквами, проповеди, вдохновленные единством слова и музыки. Примечательно также, что раздел, посвященный Шнорали, завершается цитатой из Аршака Чопаняна, на этот раз со строками, ассоциирующимися с Западом: «А. Чобаньян справедливо называет Нерсеса Благодатного «одним из величайших поэтов церкви», и параллель его гимнам приходится искать в XIX в., у Верлена, в его книге «Sagesse»³⁹ («Мудрость», 1881). А в заключение считает необходимым напомнить, что в антологии помещены в переводе несколько «лирических гимнов» и отрывки «Из Элегии на взятие Эдессы. I – VII».

Поистине, обращаясь к Киликийскому царству, Брюсов проявляет заметный «субъективизм», и после Шнорали, по справедливости, подробно останавливается и на Ламбронаци: если в его стихах и «меньше непосредственного вдохновения», однако он «был один из образованнейших людей всей своей эпохи (XII в.). Он также оставил много сочинений, о которых современные ему европейские авторитеты отзывались с величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторым апостолом Павлом» и дивились его святости, мудрости и учености»⁴⁰.

Далее в исторической хронологии автор очерка переходит к средневековой армянской лирике XIII–XVI вв. Она представлена частями: XIII–XIV и XIV–XVI вв., из которых первая, естественно, насыщена жестокими историческими событиями – когда в эпоху «переселения народов» Армении выпала судьба самых черных из черных дней (по определению Брюсова, «Армения, силою вещей, была отброшена к

³⁹ Там же, с. 44–45. Отметим, что до этого и далее все разделы – «Народная поэзия. Лирика. Эпос» и «Поэзия средневековья и песни ашуггов» – переведены Брюсовым. В случае с Шнорали и Кучаком по одному стихотворению – «На Великий Пяток» и «Гномы. I–II», перевел С. Шервинский, а одно – «Песни любви. I–VII» из Кучака – Ф. Сологуб.

⁴⁰ Там же, с. 45.

самым черным дням эпохи переселения народов»), когда она теряет независимость. Потом в рамках тех же пределов упоминая духовные потери, Брюсов с восхищением продолжает: «И только для лирики наступила эпоха нового расцвета, богатой и щедрой жатвы того, что было посеяно предыдущими веками. И, конечно, именно этими долгими веками культурного развития, напряженностью их духовной жизни, объясняется этот блестящий расцвет самого благородного, самого утонченного, самого хрупкого из всех земных искусств, — чистой субъективной лирики.

Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества. От европейской поэзии армянская средневековая лирика не стоит почти ни в какой зависимости. Да и что могла дать лирическому творчеству западно-европейская поэзия XIII–XIV вв., еще только зарождавшаяся во всех странах, не исключая и передовой Италии?»⁴¹.

Итак, опровергая понятие «влияния», Брюсов утверждает, что «никакое благодетельное «влияние» не может создать искусства там, где нет его зерна».

Фактически этим обстоятельством и характеризуется армянская средневековая и ашугская поэзия, включая Саят-Нову. Начиная с XIII — XIV вв. Фрик, Ованнес Ерзнкаци и Константин Ерзнкаци — все они представлены в «Поэзии Армении» одним-двумя образцами, полностью или в отрывках, последовательно: «Жалобы. Отрывок», «Колесо судьбы» Фрика, «Гномические размышления. I–V» Ов. Ерзнкаци, «Весна» К. Ерзнкаци. Можно сказать — избранные страницы с творческими и биографическими справками и характеристикой, в любом случае тесно связанные с церковной поэзией предшествовавшего периода, — с существенной

⁴¹ Там же, с. 47.

разницей в отражении современных, актуальных проблем. По сути переломно – эпохальные, прежде всего «дидактические стихотворения», нашедшие место в «Шаракане», т. е. «Гномических размышлениях». После этого поэзия Фрика, которую Брюсов также считает «дидактической», и, тем не менее, она уже смело обращается к «жгучей современности». С этой исходной точки он и останавливается на Фрике подробно, приводя также эти примечательные строки А. Чопаняна: «В то время как большинство древних армянских писателей ... приписывало, следуя примеру библейских пророков, бедствия, постигавшие Армению, наказанию за их грехи, Фрик восстает против самого Господа Бога и жалуется на Его несправедливость по отношению к армянскому народу»⁴².

Такими подчеркнуто-акцентированными строками Брюсов знакомит русского читателя с историей армянского народа – в созвучии с безысходной судьбой, но и с верой в воскрешение. Спасение народа – в многовековой культуре, с нетускнеющей славой, со все новыми поколениями светских поэтов. В этом ряду Брюсов, по справедливости, выделяет Константина Ерзнкаци – с его живым народным языком, светскими мотивами, в том числе любовными, которые впоследствии становятся одним из господствующих мотивов лирики. С этой именно исходной точки Брюсов выбирает – переводит поэму поэта «Весна», пронизанную «языческим духом», самопроизвольным взрывом естества. Более того, «По силе, по энергии стиха и языка, поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить. ... она, всеми своими частями, принадлежит великому веянию Возрождения ... »⁴³, – пишет Брюсов.

Отступление и обход уже были исключены: светское

⁴² Там же, с. 49.

⁴³ Там же, с. 50.

русло лирики, по характеру и сути, отныне стало закономерностью. И по ходу XIV, XV, XVI вв. Брюсов перечисляет Аракела Багишеци, Мкртича Нагаша ... Ованнеса Тлкуранци, Ованнеса ... Григора Ахтамарци и других, которые усовершенствовали имеющееся своим влиянием и новаторством: Багишеци — аллегорическим содержанием, Мкртич Нагаш — своими наставлениями приводящий, вопреки традициям Фрика, к душевной мягкости, успокоению, христианским чистым чувствам. Словом, к тому, в чем нуждался лишившийся независимости народ.

Обращаясь к лирике Тлкуранци, Брюсов указывает на доходящую до культа любовь, вообще — на мотив любви, который М. Абегиан рассматривал как «жизнелюбие» — «существенную черту» против ненависти и зловония «смерти»⁴⁴. Именно так перевел Брюсов помещенные в антологию стихи — под заголовками «Песня любви» и «К смерти».

Русский поэт обращается также к «мало кому известному» Ованнесу, от которого «Дошло до нас лишь *одно* стихотворение («Песня любви». — А. З.) ..., но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтом самостоятельное место в истории лирики»⁴⁵. Затем, оценивая это стихотворение, Брюсов констатирует: «Таких криков подлинной страсти нет ни в сонетах Петрарки, жившего на столетие раньше, ни в любовных песенках Ронсара, писавшего вероятно, на столетие позже»⁴⁶. Более того, знаток мировой поэзии Брюсов продолжает: «...важно, что поэт нашел такие признания («О, сердце ты мое сожгла» ... и т. д.), которые вполне понятны стали лишь в наши дни, после того, как дали свои откровения и Альфред де Мюссе, и Гейне, и Бодлэр ... ».

Если биографические сведения о Тлкуранци скупы, а об Ованнесе и вовсе отсутствуют, то Григорис Ахтамарци

⁴⁴ Абегиан М. Труды. 4. Ереван, 1970, с. 484 (на арм. яз.).

⁴⁵ Поэзия Армении ... , с. 53.

⁴⁶ Там же, с. 54.

представлен обстоятельно. Оценки высоки как с точки зрения светского содержания «поэм», так и изобразительного мастерства и композиции. Что касается характера Запад – Восток, то в разрезе христианской идеологии – западное, по образности – восточное, особенно по признакам эпитетов, и Брюсов перечисляет таковые и пишет: «... прославляя свою милую, подыскивает десятки ярких уподоблений, сравнивая ее с солнцем, луной, утренней звездой, с драгоценными камнями, с благоухающими деревьями, с блистающими цветами, со всем, что прекрасно в мире»⁴⁷. Естественно, имея в виду вообще стихи, в частности, нашедшую место в антологии «Песня».

Обращаясь к другому поэту XVI в. – Наапету Кучаку, Брюсов прежде всего излагает различные мнения. Спорным в основном было мнение о близости и совпадении определенных выражений айренов с народными песнями – настолько, что Кучак считался «только собирателем народных песен», констатирует автор очерка, все же утверждая: «Но кто бы ни был исторический Наапет Кучак и на какие бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всяком случае, он жил в конце Средневековья), – стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии»⁴⁸. Лирические жемчужины четверостиший – любви и скитальчества, которые выборочно для «Поэзия Армении» перевели Брюсов, Сологуб, Шервинский. И рядом с ними – известный «Крунк. Песня хариба», тоже спорный. Брюсов раскрывает скобки, сообщая, что, характеризуя Кучака, он опирался на Чопаняна, согласно которому Кучак, в отличие от Саади, Хафиза и даже Омара Хайама, бывшими придворными поэтами и служившими «сильным мира сего», не был таким: «Единственный султан, перед которым Кучак склонял голову, была его вечная и властная повелительница – любовь.

⁴⁷ Там же, с. 55.

⁴⁸ Там же.

А. Чобаньян предпочитает сравнивать Наапета Кучака с поэтами XIX века, с Гейне и Верлэном, и это справедливо»⁴⁹.

Затем следуют XVII–XVIII века — Еремия Кемурджян, Нагаш Овнатан, Степанос, троица, которой и зарождается ашугская поэзия. Вновь с нашедшими в сборнике песнями любви, на этот раз по характеру взаимной — «радость не только любить, но и быть любимым». Понятно, большая доля этой любви досталась и Нагашу Овнатану, его солнечным любовным песням. Брюсов их сравнивает с рапсодиями, народными песнями, о которых упоминал еще Хоренаци. «Армяне, этот «народ-художник», любили, чтобы все празднества сопровождалось песней. На семейных торжествах, вроде свадеб, крестин и т. под., в народных собраниях, просто на базарах и в кофейнях — певцы всегда были желанными гостями. Им уделяли почетное место на пире; их музыкальным инструментам (каманча, саз, тар и др.) отводили почетное место на особой полке; когда раздавалась песня, все смолкали, прислушиваясь внимательно»⁵⁰, — пишет Брюсов. Затем добавляет, что многие песни ашугов забыты, исчезнув вместе с ними, за самыми редкими исключениями, и один из них «гениальный» Саят-Нова. По наб-

⁴⁹ Там же, с. 57. Как известно, впоследствии, в результате скрупулезного исследования М. Абеяна, айрены были признаны как народное творчество, созданное не в XVI в., а гораздо ранее. «Крунк» со своими тремя вариантами считается сочинением неизвестного поэта [см.: Гусанские народные песни, айрены и антунни. Собрал, редактировал и снабдил введением, примечаниями и словарем засл. деятель науки, проф., д-р М. Абеян. Ереван, 1940, с. 5–37 (на арм. яз.); *Мнацаканян Ас.* Армянские средневековые народные песни. Ереван, 1956 (на арм. яз.); *Назарян Ш.* Песня «Крунк» и ее история. Ереван, 1977 (на арм. яз.); Сокровищница древней армянской поэзии. Текст подготовил к изданию Погос Хачатрян. Ереван, 2000, с. 903 — 905, 935 (на арм. яз.) и др.].

⁵⁰ Поэзия Армении ... , с. 58–59.

людению Брюсова, наследуя неоцененные традиции предшественников, что приводило к забвению самой поэзии ученых-монахов, Саят-Нова доказал, что «армянская поэзия жива». Поэтому, приводит данные из исследования Ов. Туманяна, что Саят-Нова «псевдоним» Арутина и означает «царь песнопений» или «владыка музыки» (на хинди, который был широко известен в Передней Азии). Затем подробнейшим образом продолжает излагать биографию Саят-Новы, в том числе опираясь на нововыявленные Туманяном архивные материалы. Вплоть до трагической смерти в дни похода 1795 года персидского хана Ага-Махмута.

И действительно, великолепен анализ Брюсовым искусства Саят-Новы. Изучая почти всегда и везде строки признания в любви, воспевание любви Саят-Новы, кажущиеся на первый взгляд монотонными, Брюсов с восхищением замечает: «Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаяния к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков». Он, в XVIII веке, как бы уже исполнил завет, столетие позже данный Верленом:

Pas la couleur, rien que la nuance!

Да, не надо ярких красок! *Истинный поэт* (подчеркнуто нами. — А. З.) дает читателю или слушателю перечувствовать все — лишь силою едва заметных переходов одного цвета к другому. Но как, в то же время, остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»...»⁵¹.

Поистине, Саят-Нова был только что «открыт», и в 1916 г. в Тифлисе его стихи обрели широкое звучание. Посетивший в те дни Тифлис Брюсов, несомненно, имел удовольствие слышать стихи Саят-Новы в доме Туманяна, причем, возможно, в исполнении известного литературно-об-

⁵¹ Там же, с. 62.

щественного деятеля Никола Агбаляна, которое считалось несравненным. Не исключено, что именно исполненные последним 12 стихотворений нашли место в «Поэзии Армении» в переводе Брюсова. Добавим также, что Брюсов перевел «Как дни зимы» и «В эту ночь» ашуга Дживани, написанные уже «литературным языком».

И именно отсюда, по следам исторических событий, в историко-литературном очерке очередь доходит до литературного языка — западноармянского и восточноармянского, который передается литературе без изменений. Брюсов справедливо, с точной ориентацией, начинает анализ нового направления и тенденций языка и литературы с западноармянских колоний — Венеции, Мхитара Себастиана (1676—1749) и мхитаристов. С вековой деятельностью мхитаристов, — начиная со сбора всех далеких и близких концов исторической Армении, издания старых рукописей, составления словарей ... и главное, по твердой ориентации мхитаристов ашхарабар заменил классический грабар. Зная все это, Брюсов пишет, что Гевонд Алишан (1820—1901), постепенно преодолевая ложный классицизм, начал писать на ашхарабаре — константинопольским наречием. Более того, он «оставил много ценных научных работ, — по истории, археологии, географии и т. под. Но он был и выдающимся поэтом, стихи которого составили в общем 5 томов. В технике стиха Алишан достигал большого совершенства, и его произведения до сих пор сохраняют любовь значительного числа читателей, как искренние и красивые вдохновения»⁵².

По справедливости рядом с неоценимым наследием великого подвижника упоминаются и мотивы и жанры его поэзии, особенно нашедший место в антологии «Раздан» (пер. С. Шервинский), «в котором «вечная» тема поэзии — возвращение изгнанника в родной край, — оживлена и сог-

⁵² Там же, с. 66.

рета сильным чувством армянина - патриота»⁵³.

В разделе антологии — «Новая поэзия. II. Поэзия турецких армян» — наряду с алишановскими традициями признанными представителями западноармянской «поэтической школы» Брюсов считает М. Пешикташляна и П. Дурьяна, подходя к ним с мерками и в сравнении с европейскими художественными течениями и исканиями нового времени. Упоминая Гете и Шиллера, Гюго и Мюссе, Байрона и Шелли, он подчеркивает, что народ, родивший первоклассную древнюю поэзию, не мог не усвоить европейские литературные достижения, что писатели новых времен просто *«не имели права»* быть только художниками: положение родины обязывало их в той же мере быть трибунами, глашатаями полузабытых истин, будить народное самосознание, живить и одухотворять любовь к родному краю, посильно врачевать многовековые раны нации, укреплять в ней силы для борьбы и поддерживать веру в лучшее будущее... Только помня эти великие задачи, из которых ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оценить сделанное Пэшикташляном, Дурианом, Патканьяном, Шах-Азизом и др. «зачинателями», сумевшими пребыть и истинными поэтами»⁵⁴.

С этой же исходной точки и с теми же мерками Брюсов характеризует суть как западноармянской, так и восточноармянской поэзии и литературы новых времен. И в первую очередь он характеризует «ученика Алишана» — Пешикташляна, с биографическими данными, характеризуя как поэта «родины, любви и природы». Из его стихотворений в антологии помещены пять⁵⁵. Отмечает и влияние Гей-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 67.

⁵⁵ В очерке отмечено *восемь* (там же, с. 68). Ошибка не исправлена и в последующих изданиях. Примечательно, что Брюсов перевел только одно — «К зефиру Алемдага». «Старик из Вана» перевел В. Ходасевич, следующие три — «Мы — братья», «О, милая мать!» и «О, как нежно и прохладно», т. е. известную «Весну»

не и Мюссе, а также «других», в основном французских поэтов.

По характеру однозначно отличающимся считает Брюсов П. Дурьяна, романтика и по убеждениям, и по природе, пламенной любовью и служением миру, во имя родины, во имя самоутверждения даже против бога — сколь личной, столь же и общечеловеческой чистейшей душой и чувствами. В итоге следует высочайшая оценка рано умершего поэта: «Юноша Дуриан остается в истории армянской поэзии, как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов, он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний, часто не только заменяющих «школу», «технику», но безмерно возвышающихся над ними...»⁵⁶. Констатирует и тонкое мастерство при создании строки и куплета, почерпнутое предпочтительно из французских поэтов — Гюго и Ламартина.

Заметим также, что в то время как в части собственно переводов в разделе «Новая поэзия» вначале представлена восточноармянская поэзия, затем западноармянская, в историко-литературном очерке наблюдаем обратное. По справедливости и корректно перечисляются поэты и писатели XIX в. — с 1825 по 1875 гг. — Галфаян, Аджемян, Русинян, Церенц ... Мамурян, Отян, Паронян, Темирчипашян ... и др. Многие из них — одаренные поэты, которые, заимствуя при переводах, в большинстве случаев из французских поэтов — Гюго, Мюссе, Ламартина и др., анализируя и обрабатывая различные поэтические мотивы и жанры, с особой любовью — сонет, обогатили армянскую поэзию.

Именно отсюда Брюсов переходит к «русскоармянской школе», естественно подчеркивая ее более позднее, по сравнению с мхитаристами, появление. Если они в XVIII в. на

— Е. Сырейщикова. Возможно, трудно было переводить.

⁵⁶ Там же, с. 69.

Западе уже имели сформировавшуюся литературу, хотя и на «мертвом» грабаре, в «рускоармянской» среде она созревает, запаздывая, в середине XIX в. Правда, при том, что в западноармянской действительности также пытаются писать на константинопольском диалекте. Совпадение, по мнению Брюсова, было закономерным и ознаменовалось победой разговорного «араратского наречия» живущего на своей земле народа, т. е. увенчалось созданным в 1840-х гг. Х. Абовяном бессмертным романом «Раны Армении». Затем появляются основанные в 1850–1851 гг. в Тифлисе Г. Патканяном «Арарат», в 1858 г., в Москве, Ст. Назарянцем и М. Налбандяном «Северное Сияние» («Юсисапайл»), с 1872 г. издающийся в Тифлисе «Мшак» Г. Арцруни и другие периодические издания (газеты и журналы).

Таким образом, по Брюсову, постепенно утверждается путь ашхарабара. Главенствовала проза — с романами П. Прошяна и Раффи, появляются «превосходные бытовые драмы» Г. Сундукяна, написанные на тифлисском диалекте. Что и говорить, «бытовое» — не то слово, и необходимо было прямо зафиксировать социально-общественную суть произведений всех троих. Существенно то, что первоочередным-стержневым было как человеческое общество, так и литература «нового века». Как бы то ни было, удовлетворимся точным определением Брюсова, согласно которому творчество как Раффи, так и Сундукяна удостоилось теплого приема в кругах широкой общественности, и перейдем к «новой поэзии» в лице Рафаела Патканяна и Смбата Шахазиза.

Жизнь и деятельность Р. Патканяна Брюсов начинает с рода Патканянов — с преданной нации деятельности питомца Конгрегации мхитаристов Керовбе Патканяна в Нор-Нахичевани, которую продолжают развивать сыновья — в Тифлисе, Петрограде, Москве, где и учится поэт в Лазаревском институте, слушая лекции в Юрьевском университете. Приводятся разнообразные биографические сведения: достойно

упоминания издание в 1855 г. вместе с товарищами первого сборника стихотворений под псевдонимом Гамар-Катипа, который выделяется эпиграфом из Карамзина: «пиши так, как говоришь, и говори так, как пишешь». Затем и признание, пришедшее вместе со стихотворением «Слезы Аракса», желание быть похороненным в Эчмиадзине...

Заметим, что в антологии Р. Патканян представлен 10-ю образцами — стихотворениями, в том числе, в переводе Брюсова. Поэтому интересна и обобщающая характеристика творчества поэта: «Значение поэзии Патканьяна трудно оценить в полной мере читателю не-армянину. Ее основная сила в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах. ... его не ослепляет любовь, он видит грехи и язвы родного народа, но, вместе с тем, знает, за что его любит и что в нем любит. Это — патриотизм действенный, обязывающий не к безличным восторгам, но к решающим поступкам ... »⁵⁷. Еще одна любопытная, поучительная характеристика, согласно которой «Стихи Патканьяна, прежде всего и больше всего, — голос учителя, в котором так нуждался армянский народ в ту эпоху ... »⁵⁸, отмеченные пером Брюсова недосказанные строки, которые подсказывают необходимость извлечь уроки из ошибок ... Безусловно, дружеская сердобольность ...

По сложившемуся впечатлению Брюсова, своим человеческим и творческим характером — Шахазиз антипод Патканьяна. Однако и по деятельности, и по поэзии он также в первую очередь учащийся «учитель». Окончивший Лазаревский институт, Шахазиз всю свою жизнь преподавал в том же учебном заведении армянский язык, писал статьи, по характеру риторические, стихотворения, которые с любовью декламировали и пели в школах. В подтверждение

⁵⁷ Там же, с. 72–73.

⁵⁸ Там же, с. 73–74.

его риторичности Брюсов приводит факты из оценки Минаса Берберяна. Вот несколько из них: «М. Берберян, говоря о патриотических стихотворениях Шах-Азиза, которые называет «его речами о патриотизме, облеченными в стихотворную форму», добавляет: «декламаторский тон несколько парализует их силу». О любовных стихах Шах-Азиза этот критик выражается так: «как бы ни была сильна любовь, наружное спокойствие не покидает поэта; пылких излияний чувств вы у него не найдете»⁵⁹ и др. И, однако, обобщая характеристику на пяти образцах (в том числе отрывок из поэмы «Скорбь Леона»), тем не менее Брюсов считает «действительно, очаровательным» «Сон» (пер. В. Брюсова).

Затем обобщает и так называемый раздел «зачинателей» в очерке — и, что главное, констатирует историческую роль и значение «западноармянской школы» поэзии. Хотя бы тем, что таковы же темы и мотивы восточных армян — Абовяна, Раффи, Агаяна, как и их последователей. Значит, подтверждая эту закономерность, Брюсов обращается к поколению следующих за «зачинателями» поэтов вот с такой заявкой: «Однако, подлинное раскрытие всех богатств, заложенных в армянской поэзии, суждено было только следующему поколению, — поэтов, родившихся в 60-х годах XIX в. и, следовательно, выступивших на литературное поприще в 80-х и 90-х годах. В истории всех литератур известны такие эпохи, когда для поэзии вдруг наступает время цветения, словно для вишневого дерева с наступлением весны. Таковую эпоху и пережила поэзия «русских армян»⁶⁰, и с конца XIX в. один за другим последовали Иоаннисиан, Цатурян, Туманян и Исаакян.

Упоминается учеба Иоаннисиана в Московском университете, переводы из русской поэзии, преподавание в Эч-

⁵⁹ Там же, с. 75.

⁶⁰ Там же, с. 76.

миадзинской академии, в Тифлисской семинарии, изданные сборники, при знании мировой литературы рождающий высокий художественный вкус, ставший лидером «новейшей фазы» новой армянской поэзии: «Иоаннисиан словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье, — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы... Он, с большим вниманием, ... отнесся также к технике своего искусства... Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне»⁶¹. Перечисляя «Рождение Ваагна», легенду об Артавазде⁶², народную песню «Араз» и др., заключает: «Конечно, это — одна из высших наград, о которой только может мечтать поэт. В этом смысле, Иоаннисиан, поистине, поэт национальный. Между прочим связь новой поэзии с народной — характерна вообще для всей школы «русских армян». И в том же духе: «Ту же близость к народной поэзии находим мы в творчестве Туманьяна и Исаакиана»⁶³.

К сожалению, историки литературы наших дней порою этому переходному звену, ознаменовавшемуся творчеством И. Иоаннисиана, не придают должного значения. Между тем в литературной среде своего времени это было признано закономерной оценкой, которую подтверждает и Брюсов.

Напомним, что в 1916 г. в Баку в те знаменательные дни Брюсов имел встречи с Иоаннесом Иоаннисианом, и это означает, что за помещенной в очерке характеристикой стояли также живые воспоминания, наиболее яркое отраже-

⁶¹ Там же, с. 77.

⁶² В очерке ошибка — «легенду о царе Арташесе» (там же). В последующих изданиях она исправлена только в 1-й книге «Брюсов и Армения» (с. 342).

⁶³ Поэзия Армении..., с. 77.

ние которых видим в портрете Туманяна: по сравнению с Иоаннисианом, наиболее страстный, более непосредственный. Что и говорить, посещение Тифлиса было длительным, интересным и многообразным под гостеприимным кровом Туманяна, и в результате такие впечатления: «человек огромной, но не систематической начитанности, влюбленный в армянскую старину и близкий духом ко всему укладу народной жизни», что удивительным образом воплощало в себе «два начала: кейф и гений». А ныне уже почти «патриарх» поэзии новых времен, и, казалось, «нет во всем Тифлисе человека, кто не знал бы характерной седой головы поэта и не любил бы его, как благородного человека и прекрасного писателя»⁶⁴.

Затем Брюсов характеризует все туманяновские жанры: поэмы, на примере «Ануш», — с колоритными описаниями народной жизни, баллады, стихотворения, — везде с «редким» природным чувством ритма и звукописи искусством, упоминает сказки — с увлекающим детей остроумием, переводы из Пушкина, в которых «пленяет изумительное проникновение в дух оригинала, способность угадать самую сущность переводимого произведения»⁶⁵.

Здесь считаем уместным заметить: С. Городецкий в посвященной Ов. Туманяну 4-й части «Лирического портрета» — «Ованес Туманян — народный поэт Армении», критически обращаясь к оценке Брюсовым творчества Туманяна, в частности, отмечает: «Валерий Брюсов пишет об Ованесе Туманяне: «... все творчество Туманьяна носит на себе черты импровизаторского таланта». И далее: «Некоторая небрежность стиха щедро искупается у Туманьяна чутким пониманием ритма и редким даром звукописи. В целом, поэзия Туманьяна есть сама Армения, древняя и новая, воскре-

⁶⁴ Там же, с. 78.

⁶⁵ Там же, с. 79.

шенная и запечатленная в стихах большим мастером» (см. с. 78–79 «Поэзии Армении». – А. З.).

Как же это так? С одной стороны, «большой мастер», а с другой стороны – «некоторая небрежность стиха»?

В этих высказываниях не делает ли Валерий Брюсов той же ошибки, которую делали современники Некрасова, принимая традиции народной песни и сказки, блистательно, вслед за Пушкиным, освоенные и разработанные Некрасовым, за недостаточную отработанность его стиха?

Великолепный стилизатор античности, а изредка и фабричной русской частушки, не сказал, что главное в поэзии Ованеса Туманяна ее кровная близость не со стилизаторами, а с поэтами, рассказывающими о жизни народа». Далее С. Городецкий пишет: «Отводя значительное место в своем сборнике ранним поэмам Ованеса Туманяна, он в предисловии (имеется в виду историко-литературный очерк В. Брюсова, предворяющий «Поэзию Армении». – А. З.) не отметил главной черты этих поэм – отсутствия идеализации патриархальной народной жизни, и не указал, что глубоко в художественных образах этих поэм лежит острое отрицание патриархальной отсталости армянского народа. И тот факт, что Ованес Туманян не видел тогда и не мог видеть грядущих путей развития армянского народа, не умаляет силы этого отрицания. Идеализация отсталости всегда является признаком стилизаторства и всегда является органически чуждым таким подлинно народным поэтам, каким был Ованес Туманян»⁶⁶. И впрямь, тонкое и справедливое замечание.

⁶⁶ *Городецкий С.* Об Армении и армянской культуре / Под ред. и с предисл. акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост., вступ. статья и коммент. И. Р. Сафразбекян. Ереван, 1974, с. 86–87. Кстати, С. Городецкий справедливо считал себя продолжателем «славного дела» В. Брюсова, отмечая, что если Брюсов духовно «еще более подружил» Россию с Арменией, то лично он «укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте» (там же, с. 84).

... Затем Брюсов переходит к Исаакяну, который по возрасту был на 10 лет моложе Иоаннисиана и на 6 лет – Туманяна. Вновь с биографическими ссылками: неоконченная Эчмиадзинская академия, работа в Венском музее, одновременно вольнослушатель в Лейпцигском университете, частые поездки за границу. В результате близких сношений с европейскими литературными кругами – благотворное влияние «символистического движения», завоевавшего всю литературную атмосферу, которое, однако проявилось в его творчестве с точки зрения мировоззрения, но никак – литературной программы. Что до поэтического характера – насколько поэзия Иоаннисиана серьезна и спокойна, Туманяна – страстна и радостна, настолько же стихотворения Исаакяна «страдальчески беспокойны и порывисты». Далее, обращаясь к его творчеству, Брюсов делит его на две группы. Первая – созданные с большим мастерством в духе народной лирики стихотворения, «Другую половину в творчестве Исаакиана образуют его рефлексивные стихотворения и его большая поэма «Абул Ала Маари», в которых особенно явно сказывается влияние символического периода литературы»⁶⁷. И продолжает объяснение-оценку, т. е. характер символистского искусства: «Здесь Исаакиан выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов, – французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакиана. Впрочем, характерно все же, что героем его основной поэмы избран *арабский* поэт и что вся она насыщена роскошью и негой Азии. Элементы Востока и здесь торжествуют свою победу в создании представителя школы «русских армян», как элементы Запада

⁶⁷ Поэзия Армении... , с. 80.

господствуют везде в творчестве представителей школы «турецких армян»⁶⁸.

Кстати, по поводу героя поэмы «Абул Ала Маари», 22 ноября 1916 г. В. Брюсов в ответном письме академику И. Ю. Крачковскому писал: «Многоуважаемый Игнатий Юлианович! Вы ошибаетесь, думая, что Ваше письмо показалось мне «смешным» и что я «не дочитал его до конца». Напротив, все, что написали, было мне глубоко интересно и, признаюсь, остро огорчило меня.

К сожалению, Вы не приложили своего адреса, и мне трудно писать без уверенности, что мои строки попадут в Ваши руки. Если, однако, это случится и Вы захотите продолжить наш разговор, я надеюсь привести некоторые оправдания в защиту автора поэмы о Абу-аль-Аля-аль-Маари, т. е. — Исаакяна, который, как теперь я вижу, «виновен», конечно, но, кажется, «заслуживает снисхождения». Что до меня, то здесь также ограничусь несколькими словами. Моя вина в том, что, не будучи знаком с арабской литературой, я доверился своим учителям армянского языка и литературы и комментаторам Исаакяна, а не исследовал вопрос самостоятельно. Результатом такого исследования было бы соответственное *примечание* к моему переводу, но и только: поэму Исаакяна я все же перевел бы и поместил бы в сборнике, ибо продолжаю ее считать высокохудожественной, несмотря на неудачно (или, если хотите, «преступно») взятое имя героя. Мне очень жаль, что я арабской поэзии не знаю (но, *к большому моему сожалению*, знать *все* — невозможно), и *очень* жаль, что я, своим умолчанием, совершил несправедливость по отношению к арабскому поэту. Но полагаю, что характеристика *армянской* поэзии, — что было моей задачей при работе над сборником «Поэзия Армении», — не стала от того менее верной или менее полной. Исаакян написал поэму. Хоро-

⁶⁸ Там же.

шо ли я ее перевел, как поэт, судить не мне. Но, что я поступил хорошо, включив поэму в сборник, это я утверждаю: она характерна для Исаакяна и она прекрасна сама по себе, как создание искусства. Насколько же автор виноват, неосторожно назвав своего героя именем исторического лица (о котором, по-видимому, сам имел смутное представление), — вопрос интересный, но, повторяю, мне трудно обсуждать его, не зная, услышите ли мои слова»⁶⁹.

Как видим, классификация и оценка Брюсовым искусства Исаакяна явно перекликаются с вышеприведенной оценкой А. Блока — в кратких строках. А у Брюсова прибавляется также осторожность, с какой «арабский» поэт направляет свой гнев против человеческого порочно-несправедливого общества.

... Одновременно следует и другое объяснение. По-видимому, чувствуя огромную разницу в соотношении 23 — 10 между нашедшими место в антологии произведениями Исаакяна и Туманяна, Брюсов тактично оправдывает — подсчитывает постранично и, по праву, превалирует Туманян — поэмой «Ануш», «Каплей меда» и другими. Что же касается переводческой стороны, значительную часть Туманяна перевел В. Иванов, «Каплю меда» — В. Ходасевич, три стихотворения — Брюсов, одно — К. Бальмонт. Переводчиков Исаакяна больше: песни о матери и прочие, с 1-го по 13-е — Блок, потом в большом количестве — В. Иванов, затем три стихотворения и 7 сур «Абул Ала Маари» — Брюсов, и рядом «Моя душа ... » в переводе Ив. Бунина.

В историко-литературном очерке Цатурян, с краткой характеристикой, следует за Исаакяном (с определенным нарушением хронологии). Обычно избегающий и обходящий общественные вопросы, Брюсов, говоря о Цатуряне, констатирует: «Воспитанный в тяжелой школе жизни, сам пробивавший себе путь, Цатуриан теснее связал свою поэзию с

⁶⁹ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 193–194.

вопросами общественными, которым посвятил значительную часть своих стихов ...»⁷⁰. А эту судьбу, конечно, имели все армянские писатели нового века. Заметим, что в очерке упоминается и переводческая деятельность Цатуряна — весомое число переводов, в основном из русских и европейских поэтов.

Рядом с наиболее «видными» поэтами не забыты и другие: относящийся к школе Туманяна Д. Демирчян представлен отрывком из «прекрасной» исторической поэмы «Ленк-Тимур», упоминается также принадлежащий к той же школе В. Миракян с поэмой «Охота Лалвара». Затем, «оставляя в стороне» других, Брюсов выделяет Ш. Кургинян: «... после первых опытов, в духе Исаакиана, обратилась к идейной поэзии в духе правоверного марксизма. В этом отношении Кургинян представляет собою характерное явление в армянской поэзии. В стихах Кургинян есть одушевление, и ее поэзия в нашем сборнике представлена»⁷¹. Пишет, объективно упоминая отдавшего предпочтение тому же «пути» Акопа Акопяна.

Таким образом, завершая характеристику восточноармянской поэзии новых времен, автор историко-литературного очерка в трагические, тяжелые дни Геноцида армян, обращается к западноармянской поэзии. С первого же абзаца подчеркивает связи с западноевропейской, в частности, с «французской» «парнасской школой», представляя таким образом характер и сущность «школы». А именно: «школа» в первую очередь требовала «безупречности формы и отрешения поэта от своей личности, — исчезновения поэта за создаваемыми им образами. Направление «парнаса», во всех литературах, усвоивших его, всегда вело к известной холодности творчества, но зато способствовало развитию пластики в поэзии и доводило до высшего совершенства технику

⁷⁰ Там же, с. 81.

⁷¹ Там же, с. 83.

стиха»⁷². Поэтому в случае с армянскими поэтами спасительным элементом рассматривается любовь к родине, которая согревает и вселяет жизнь в их «парнасские» создания. В конце концов Брюсов находит, что следуя «парнаским» заповедям, западноармянские поэты, конечно, дали армянской литературе множество ценных и прекрасных образцов. Однако «такое очарование исчезает для читателя другой нации, который может знакомиться с этой красотой... в стихах своих поэтов... » и затем: «В частности русский читатель — и те «вечные» темы, которые столь охотно и успешно разрабатывает школа «турецких армян», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигает она в своих лучших созданиях, — знает и по стихам русских поэтов и по творчеству французских парнасцев. Вот почему в нашем сборнике поэзии «турецких армян» уделено меньше места, нежели «русских», хотя мы и высоко ценим отдельные произведения западных армянских поэтов»⁷³, — считает автор очерка.

По нашему мнению, как свидетельствами, так и пояснительным экскурсом это весьма спорное обоснование В. Брюсова можно представить вообще при обсуждении взаимоотношений литератур всех народов.

Далее, развивая свою мысль в том же направлении, Брюсов находит также, что соответствующих преемников не имели ни Пешикташлян, ни Дурьян и, поскольку он не знаком с деятельностью и поэзией Темирчипашяна, тем не менее может сказать, что по сравнению с поколением Иоаннисиана, Цатуряна, Туманяна и Исаакяна несравнимо слабее поколение западных армян — Сипил, Шанта, Чопаняна, Малезяна, Текеяна. И, продолжая, дополняет: «моложе их, но примыкает к ним по характеру своей поэзии — Мэцаренц. Однако, из ряда этих поэтов ни один не создал

⁷² Там же.

⁷³ Там же, с. 84.

своего цельного «мира», какой открывается, напр., в творчестве Туманяна. Все они к тому же исключительно лирики и чуждаются слишком обширных замыслов и всеобъемлющих задач»⁷⁴. Уже наличие в вышеотмеченном поколении хотя бы только Шанта может вызвать сомнение в справедливости дифференциации Брюсова. Однако он тут же продолжает изложение именно Шантом, оценивая его как философа - лирика, под влиянием помещенных в сборнике двух стихотворений – «Ночной сторож» и «Философы» (пер. С. Шервинский). Одновременно вскользь замечает, что поэзия Шанта прекрасна в совершенстве гармонии формы и содержания. В новой редакции антологии В. Брюсов в ссылке дополняет характеристику Шанта, считая, что он скорее драматург, чем лирик, и далее продолжает: «Его драмы очень замечательны: одна из них, «Старые боги», переведенная на русский язык, была истинным событием в армянской литературе и в любой – заняла бы почетное место, по интересности общего замысла и глубине характеристик; другая – «Император», также произвела впечатление при своем первом появлении на сцене (1916). Но как поэт Шант облюбовал себе ограниченное место автора философских раздумий. В этом роде Шант создал ряд стихотворений, глубоко продуманных и тонко исполненных. Особое очарование поэзии Шанта коренится в совершенной гармонии между формой и содержанием...»⁷⁵ и др.

Заметим, что в период подготовки издания «Поэзии Армении» Шант находился за границей. Для постановки «Императора» в конце декабря 1915 г. вернулся в Тифлис, – к сожалению, постановка не удостоилась должного приема. Более того, пьесы талантливого Шанта, такие, как «Старые боги», «Император», «Закованный в цепи», «Княжна крепости Инкац», «Ошин Пайл»..., сделавшие бы честь литера-

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Поэзия Армении... . Ереван, 1973, с. 89.

туре любого народа, до сих пор не удостоены даже средней оценки, т. е. постановки.

В очерке вслед за Шантом представлена Сипил [хотя в сборнике ее стихи «Ладан» (пер. К. Бальмонт), «Идеал» (пер. С. Головачевский), «В монастыре» и «Туча» (пер. В. Брюсов) помещены до стихов Шанта], которая, по Брюсову, своими сочинениями не уступает лучшим произведениям современной французской поэзии, и далее — стихотворения госпожи Сипил обладают какой-то своеобразной женственностью, редко встречающейся в армянской поэзии.

В поэзии Малезяна есть «задушевность» — и только. А вот уже следующей строкой он пишет: «и есть большое мастерство в строгих стихотворениях Мисака Мэцарэнца (род. в 1885 г.), скончавшегося рано и не успевшего развить свое прекрасное дарование». Всего три стихотворения нашли место в антологии в переводе Брюсова: «Ночь сладостна...», «На рассвете», «Сонет с кодою». Под впечатлением стихов вышеназванных поэтов Брюсов констатирует: «В нашем сборнике поэзия Ваана Тэкэяна представлена рядом переводов, как даны образцы и поэзии г-жи Сипил, Шанта, Малэзиана и Мэцарэнца. Стихи этих поэтов, как сходные по приемам с творчеством поэтов французских, легко, сравнительно, поддаются переводу, но вряд ли увеличение числа этих переводов соответствовало бы назначению нашей книги»⁷⁶.

Действительно, как и в случае с Шантом и Мэцаренцем — явлений, делающих честь литературе каждого народа, — Брюсов сильно преувеличивает влияние французских поэтов ... Но, не будем спорить. Тем более, что непосредственно следующий — Аршак Чопанян, которого Брюсов представляет с достаточным уважением такими строками: «Неутомимый деятель и плодовитый писатель, он оказал родной литературе неоценимые услуги» и перечисляет «нео-

⁷⁶ Поэзия Армении..., 1916, с. 85.

ценимые» заслуги перед родным народом и литературой: издал рукописи забытых писателей, избранное из народных песен и средневековой лирики в переводе на французский, издавал в Париже армянский журнал под собственной редакцией, посредством лекций знакомил европейских читателей и общественность с армянской литературой и культурой. Затем, обращаясь к его поэзии, пишет: «Стихи Чобаньяна, чаще всего перепев, иногда — талантливый, поэзии новых французских поэтов, особенно Бодлэра и Верлэна. В нашем сборнике представлено два стихотворения...» — и в переводе Брюсова помещены стихотворения «Вот и снова...» и «Марина». Пожалуй, под впечатлением этих стихов Брюсов стиль письма Чопаняна считает синтезом восточноармянской и западноармянской литературных тенденций, согласно которым восточноармянская литература «продолжала и развивала традиции древней армянской литературы и сохраняла теснейшую связь с народной поэзией и народной жизнью. Вторая — совершенствовала технику и вводила в армянскую литературу идеи и принципы западных литератур, усваивая себе их новые завоевания»⁷⁷.

Эту теоретическую классификацию в другом плане или акценте Брюсов повторяет и в последующем, седьмом разделе историко-литературного очерка, начинающемся следующим предложением: «Наиболее видным деятелем среди молодых поэтов «русской Армении» должно признать Ваана Тэриана»⁷⁸. Далее упоминается издание его первого сборника, т. е. «Грезы сумерек»⁷⁹, которым поэт уже был признан «величиной», хотя и были разные мнения. Затем Терьян рассматривается как «ученик символистов», который пы-

⁷⁷ Там же, с. 86.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ В очерке (там же) год издания «Грезы сумерек» приводится 1905-й, точный — 1908 г. В последующих изданиях ошибка исправлена только в 1-й книге «Брюсов и Армения» (с. 345).

тается усвоить из европейской поэзии (особенно русской и французской) все то, что ускользнуло из поля зрения армянских поэтов, а именно: ритмы и рифмы. Придается значение и высококлассным переводам из русских и французских новейших поэтов. И однако, по мнению Брюсова, Терьян по сути и мировоззрению родственен истинно «русско - армянской» поэзии. Выбранные для сборника 10 стихотворений в большинстве своем, как было сказано, даны в переводе Брюсова.

Затем Брюсов вкратце останавливается на «молодых поэтах», в частности, «продолжателях ... дела» Терьяна — Тер-Мартirosяне и Лейли, за которыми следует необходимость ссылки⁸⁰.

Начиная с этой точки, Брюсов повторяет вышеустановленную закономерность: если терьяновская школа своими последователями стремилась к поэтической «строгости техники», то западноармянские поэты привержены широкому, глубокому «содержанию» — «особенно заметны» в этом смысле Даниел Варужан и Сиаманто. Естественно, однотипные творения и должны были быть выбраны и помещены в антологии. Перечислим их, начиная с В. Текеяна, который, однако, по характеру традиционен: В. Текеян: «Лампада Просветителя. Сонет» (пер. Е. Выставкина), «Армении» (пер. ее же), «Тебя мы чтили...» (пер. К. Липскеров), «Падучие звезды» и «Песня об армянском языке» (пер. Ю. Балтрушайтис). Сиаманто представлен тремя творениями, все в переводе С. Шервинского, а именно: «Мои слезы», «Родной источник», «Горсть пепла». Он же перевел из трех сочинений Варужана два: «Письмо тоски» и «Курающаяся

⁸⁰ «В новой редакции после этой фразы сделана следующая вставка: «Можно упомянуть и имя Константа Зарияна, обратившего на себя внимание своими стихами об Армении в дни войны, появившимися первоначально в итальянском переводе». (*Прим. ред.*)» (см.: Поэзия Армении..., 1973, с. 92).

лампада», третье — «Колыбель армян» перевел Брюсов. Хорошо известные стихотворения, scrupulous анализом и комментарием которых Брюсов подчеркивает неоспоримое влияние «мощного» творчества Эмиля Верхарна как на Варужана, так и на Сиаманто как символистов. Под этим влиянием их творчество, отдаляясь от соблазна ограничения «символами», резко приближается к жизни, вливается в ее водоворот. И в качестве основного свидетельства влияния констатирует: «Даже в форме стихов и Варужана и Сиаманто, в неравномерных строках их поэм, чувствуется влияние французских «верлибристов», — того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др. »⁸¹.

Однако комментарий прерывается болью по поводу гибели (хотя и сомнительной) «молодых поэтов» в начале «великой войны» и следуют наполненные искренней скорбью строки со следующим заключением: «Во всяком случае, и то, что уже сделано Варужаном и Сиаманто, достаточно для того, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии»⁸². Часть этого абзаца В. Брюсов в новой редакции антологии в ссылке уже дал в уточненном изложении, когда была известна жестокая реальность. Эти строки одни из первых констатируют факт чудовищного Геноцида армянского народа в лице Варужана и Сиаманто. Приведем этот отрывок целиком: «Особенно заметно это (созвучность с европейской поэзией. — А. З.) в стихах Даниэла Варужана и Сиаманто (псевдоним Атома Ярджаньяна), двух поэтов, которые, в расцвете сил, были отняты у армянской литературы великой войной, так как оба были убиты турками в дни массовых избиений армян... С Варужаном и Сиаманто сошли в могилу лучшие надежды молодой поэзии, но и того, что оба успели создать за свою краткую жизнь, достаточно, чтобы

⁸¹ Поэзия Армении..., 1916, с. 88.

⁸² Там же.

обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии». (*Прим. ред.*) »⁸³.

Меткое наблюдение, поскольку именно так они продолжают сопутствовать истории армянской литературы и родного народа, представлять перед европейскими, русским и другими народами.

... Обобщая свои мысли об армянской поэзии, В. Брюсов в заключение вновь повторяет: «Мировую поэзию справедливо сравнивали с божественной арфой, для которой каждый отдельный народ служит как бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущим, единственно ей свойственным звуком, отличным от других, и вместе с тем звучать так, чтобы ее голос гармонично сливался со звуками других струн, образуя единую мировую мелодию, таково самое, быть может, высокое призвание национального армянского поэта... »⁸⁴.

Итак, созданный патриотическими усилиями Московского армянского комитета и преданностью В. Брюсова, бережно подготовленный к изданию сборник «Поэзия Армении» явился своеобразным *памятником* Геноциду армян. В те трагические исторические дни он призван был ознакомить русскую общественность с армянской поэзией — по характеру многовековой и новой, т. е. и шире — не только с литературой, с культурой, но и с историей. В историко-литературном очерке, на историческом фоне анализируя развитие армянской поэзии, Брюсов подчеркивает, что история Армении — источник понимания жизни народа. «Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации (что имело место, напр., в начале нынешней Великой войны), чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия «много-страдального народа», — пишет Брюсов. — Мы, русские, как

⁸³ Поэзия Армении..., 1973, с. 92 — 93.

⁸⁴ Поэзия Армении..., 1916, с. 89.

и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»⁸⁵.

* * *

Суперобложку «Поэзии Армении» и фронтиспис оформили В. Суренян и М. Сарьян, по образцу и в стиле армянской миниатюры. В конце сборника, после переводов, помещены «Примечания и библиография», составленные В. Брюсовым, в сотрудничестве с К. Микаэляном, затем — «Содержание» и «Алфавитный указатель». А на самой последней странице «Поэзии Армении» помещены сведения: «Сборник поступил в продажу в следующих изданиях:

- 1). На обыкновенной бумаге. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцветная автотипия). Ц. 3 р.
- 2). На бумаге верже. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцветная автотипия), на лучшей бумаге. Ц. 5 р.
- 3). Ограниченное число роскошных экземпляров на бумаге верже. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцветная автотипия), на лучшей бумаге. Фронтиспис работы В. Я. Суреняна (хромофотография)».

* * *

Издание «Поэзии Армении» явилось большим литературно-общественным, политическим событием. Почти во всех армянских и русских газетах, журналах видные литературоведы, критики, писатели, публицисты выступили с рецензиями, сообщениями, отзывами, письмами, в кото-

⁸⁵ Там же, с. 6.

рых высоко оценили художественные достоинства, а иногда неточности переводов, замечания и недостатки сборника. Перечислим некоторых из них: Ф. Батюшков (Речь, Петроград, 19. XII. 1916), Г. Старцев (Кавказская копейка, Тифлис, 25. XII. 1916), А. Сурхатян (Мшак, 7 – 11. I. 1917), Н. Э. (Современное слово, Петроград, 22. I. 1917), Лео (Оризон, 27. I. 1917; 2, 4. II. 1917; 27. VI. 1917), Н. Ашукин (Голос, Ярославль, 28. I. 1917), А. Каринян (Пайкар, 5. II. 1917), Ю. Багдасарян (Оризон, 17, 21, 23, 26. II. 1917), В. Язвицкий (Армянский вестник, 1917, № 12).

Председатель «Общества любителей российской словесности» А. Е. Грузинский в письме К. Микаэлян (4 сентября 1916 г.) писал: «С горячей благодарностью возвращаю «Поэзию Армении». Простите, что задержал: не мог оторваться. Какая прелесть этот сборник! Это — совершенно новое откровение, крупный вклад в нашу литературу. Я изумлен многими сторонами армянской поэзии. Помимо ее яркости и страстности, она необыкновенно широка по диапазону — от непосредственности народной песни до изысканнейших символистических переживаний современного европейца, совмещенных иногда в одной поэтической индивидуальности. Притом редкая красота и сложность форм стиха, ритма, мелодий. Переводы почти все очень хороши, брюсовские выше похвал: в Абула Маари я просто влюбился. Книга эта — ценное приобретение и для русской литературы»⁸⁶.

Известно, что в ноябре 1916 г. сотрудники возглавляемого М. Горьким издательства «Парус» писали Брюсову: «Ваш великолепный «Армянский сборник» — возбудил... чувство зависти и желание добиться такой же художественной высоты в наших сборниках»⁸⁷.

А в журнале «Летопись» Д. Выгодский отмечал: «Рос-

⁸⁶ Брюсов и Армения, кн. 2, с. 237.

⁸⁷ Литературное наследство. Т. 27 — 28. М., 1937, с. 653.

кошный и объемистый том переводов армянских поэтов является не только событием для армянской поэзии, но и большим праздником для русской»⁸⁸.

На страницах журнала «Вестник Европы» в обширной рецензии Ю. Веселовский, тщательно разобравшись как в достоинствах, так и в недостатках «Поэзии Армении», для кого критерием отбора произведений в первую очередь была их «общественная роль», в заключение пишет: «Для изучения армянской словесности сборник, составленный г. Брюсовым, будет отныне необходимым, хотя и не единственным пособием. Отдельные дефекты и недочеты только отчасти мешают этому. Следует, однако, все время иметь в виду, что в книге вполне ярко отразился лишь один аспект армянского поэтического творчества. Эта разнообразная, с интересом к делу составленная хрестоматия отнюдь не делает излишним появление других, относящихся к той же области. ... трагическая судьба злополучной страны и первые попытки ее бороться за лучшие дни — все это сравнительно очень мало сказывается в разбираемой книге. Кое-что было уже сделано в этом направлении до выхода в свет “Поэзии Армении”, многое может быть сделано в дальнейшем! Современные события заставили русскую публику заинтересоваться судьбою армянского народа, его национальной психологией, традициями и упованиями, его скорбным историческим путем, постепенным ростом его самосознания и культурного возрождения. Хрестоматия, которая дает образцы литературных произведений, отражающих с возможною полнотою боевые, идейные, — даже тенденциозные, мотивы в новой армянской словесности, будет особенно желательною и своевременною в наши дни, когда русский читатель хочет по стихотворениям, поэмам или романам, — не менее, чем по газетным и журнальным статьям или популярным брошюрам, — узнать подлинную Армению. ... И эта “идейная” хрестоматия явится *необходимым дополнением* к той, во всяком слу-

⁸⁸ Летопись (Петроград), 1917, № 2, 3 и 4, с. 428.

чае, незаурядной и с интересом читающейся книге, которая только что разобрана нами»⁸⁹.

По сей день «Поэзия Армении» остается в центре внимания литературной общественности, литературоведения. Ему было посвящено множество статей, монографий, в которых выявляется как научная, так и общественно-политическая значимость сборника.

⁸⁹ Вестник Европы (Петроград), 1917, кн. 2, с. 366–367. Эта рецензия была перепечатана в «Армянском вестнике» (1917, № 25 и 26): ср. цитата: Армянский вестник, 1917, № 26, с. 16; Брюсов и Армения, кн. 2, с. 281.

ГЛАВА III

ЛЕКЦИИ В БАКУ (ЯНВАРЬ 1917 Г.)

Из Москвы В. Брюсов продолжает переписку со своими армянскими друзьями, особенно с И. Иоаннисианом, Ов. Туманяном и Т. Иоаннисяном. Армянская общественность, находясь под впечатлением личности поэта и его лекций, жаждала новых встреч с ним. Из письма, адресованного Т. Иоаннисяну 7 июня 1916 г., выясняется, что Брюсову предложено было прочесть лекцию в Минеральных Водах, однако он отказался, но выразил желание вновь приехать в Баку, о котором у него остались наилучшие воспоминания¹. 20 ноября он извещает И. Иоаннисиана: «Надеюсь сравнительно скоро увидеть Вас, так как в январе приглашен, что Вы, вероятно, слышали, вновь прочесть несколько лекций в Баку»².

По приглашению «Общества любителей армянской словесности» Брюсов второй раз приезжает в Баку 17 января 1917 г.³ В первый приезд Баку, крупный промышленный город, население которого в своем большинстве были

¹ См.: *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре, с. 200.

² Там же, с. 192.

³ См.: Арев, 17. I. 1917; Баку, 17. I. 1917; Кавказское слово, 22. I. 1917. Т. Анчугова в статье «Брюсов и Игорь Северянин (к истории литературных взаимоотношений)» (Брюсовский сборник. Ставрополь, 1977, с. 61) ошибочно пишет, что В. Брюсов посетил Баку по пути из Армении. В книге «Переписка семьи Туманяна» (с. 90) написано: «В. Брюсов вновь не приезжал на Кавказ (речь о 1917 г. — А. З.)». Это искажение факта.

армяне, произвел на поэта неизгладимое впечатление, и для своих лекций ныне Брюсов избрал темы, представлявшие интерес для широкой аудитории.

По инициативе общества 19 января в театре армянского мецената Тагиева перед огромной многонациональной аудиторией Брюсов выступил с лекцией на тему «Эмиль Верхарн и героическая Бельгия»⁴. Программа была такова:

«1) Трагическая кончина Эмиля Верхарна. «Верный до конца». Связь Верхарна с русскими читателями. Чем Верхарн был дорог России. Верхарн и современная война. Пророчество поэта и ответ народа. Льеж, Намюр, король Альберт I. Книга поэм Верхарна о войне.

2) Жизнь Верхарна. Впечатления детства. Фламандское начало в творчестве Верхарна. Переживания духа Испании в поэзии Верхарна. Трилогия о городе и деревне. Общественность в лирике и в драмах Верхарна. Книги философских раздумий. Мировая слава Верхарна.

3) Миросозерцание Верхарна в последние годы жизни. Его лекция об энтузиазме. Восторженное «приятие мира». Пути, приведшие Верхарна к всеобъемлющей любви. Лабиринт, пройденный Верхарном. Период сомнений и отчаянья. Трилогия: «Вечера», «Разгромы», «Черные факелы». Поэма о «Вестнике ничтожества». Два предела: «Числа» и «Труп рассудка на Темзе». Лестница восхождений к немеркнущему свету.

4) Верхарн как поэт Фландрии. Роль «маленьких народов» в жизни человечества. Эллада, Армения, Бельгия. Отношение Верхарна к вопросам национальным. Серия книг Верхарна «Вся Фландрия». Благодарность родного народа своему поэту.

5) Бельгия в прошлом, настоящем и будущем. Бельгийская литература. Великие поэты Бельгии. Лемонье, М. Мэтерлинк, Ван-Лерберг и др. Единство бельгийского народа.

⁴ См.: Арев, 13. I. 1917; 21. I. 1917.

Будущая карта Европы. Заключение»⁵. Доклад должен был сопровождаться декламацией поэм Эмиля Верхарна в переводе Валерия Брюсова.

Смерть Верхарна в тяжелые для его страны дни потрясла Брюсова, и свою лекцию он начал именно с этого. Бакинская газета «Арев» дала обстоятельную информацию о содержании доклада, которая не могла не заинтересовать широкие круги армянской и русской общественности. «Трагической смертью умер Эмиль Верхарн, великий сын героической Бельгии, в самые мрачные дни отечества. Он — крупнейший поэт нашего времени, титан мысли, мастер слова, Данте современности, который, охватывая все новые горизонты, проявляя свой гений во все новых литературных формах и направлениях, воспел вечно вперед устремленное человечество, все помыслы и эмоции, стал большим поэтом патриотом и вместе с тем поэтом общечеловеческим»⁶, — отмечал Брюсов, анализируя характер творчества поэта. Докладчик особо подчеркивал мастерство Верхарна художественно воплощать в эпических формах страдания человечества, боль и борьбу народных масс. «В основном он певец маленьких страдающих, но сильных народов, — подтверждает Брюсов, — народов, которые гибнут ради лучших идеалов, народов, которые несут в себе прекрасные традиции и которые действительно должны создать светлое будущее. ... Верхарн ... даже ... ни на секунду не прекращал воспевать светлое будущее...».

Сосредоточивая внимание на творчестве Верхарна, Брюсов на примере «маленькой» Бельгии, измученной немецкой оккупацией, призывал армянский народ, изведавший боль и страдания, к оптимизму. И не случайно, что именно

⁵ МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/1; *Закарян А.* Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 81. Ср.: Брюсов и Армения, кн. 2, с. 252–253.

⁶ Арев, 21. I. 1917.

в эти дни он пишет статью «Эмиль Верхарн об Армении» специально для выходящего в Баку армянского журнала «Горц». Статья в переводе Т. Иоаннисяна была напечатана в третьем номере журнала за 1917 г. Материалы статьи были особо подобраны; из них явствует, что великий сын «маленькой» Бельгии с тревогой следил за испытаниями, выпавшими на долю армянского народа. Рассматривая посмертный сборник бельгийского поэта «Алые крылья войны» (1916 г.), в котором он осуждает империалистическую войну, говоря об истерзанной Армении, Брюсов устами Верхарна разоблачает политику Германии, которая совместно с турецкими властями организовала Геноцид армян. Показывая гуманизм великого бельгийца, его симпатии и теплое отношение к армянскому народу, Брюсов пишет, что читатель по произведениям поэта «чувствует содрагание от совершенной по указке Германии и руками турок армянской резни»⁷. Достойны внимания строки, взятые из стихотворения Верхарна «Крик», в котором говорится о том, какие бедствия принесла война исторической Армении: «И медленно спускается этот крик в обгавленную страну Армению, доходит до Эрзерума и Муша, Сгерта и Багеша и Вана...»⁸.

24 января в Тагиевском же театре Брюсов читает второй доклад «Учители учителей (о древнейших культурах человечества)»⁹. Вот программа доклада:

«1) Древность человеческой культуры. Мнение об этом историков. Открытие культуры Микенской и Минойской. Эгейский культурный мир. Дворцы—лабиринты. Их население. Дворцы в Микенах, в Тиронфе, «сокровищница Атреев». Эгейские вазы, эгейские фрески, разные эгейские изделия. Характер эгейской культуры.

⁷ Горц (Дело, Баку), 1917, № 3, с. 48 (на арм. яз.).

⁸ Там же, с. 47.

⁹ См.: Арев, 24. I. 1917; Каспий, 28. I. 1917.

2) Хронология истории эгейцев. Различные исторические гипотезы. Отношение Эгейи к Египту и Месопотамии. Вопрос о влиянии египетской культуры на Эгейскую. Общность идей в области искусства, религиозных верований, государственного строя. Эгейские письмена, их отношение к египетским иероглифам и позднему греческому алфавиту. Последний период эгейской истории, эллинское завоевание, греческое средневековье.

3) Данные науки о древнейшем Египте. Основание египетского календаря. Пирамиды, их назначение, их строители. Древний Восток и международные отношения во время фараонов. Египетская мудрость. Египет и Библия. Ученики египетских жрецов.

Перерыв в 15 минут

4) Древнейшая история Америки. Америка до Колумба. Ацтеки и инки. Культура майев. Их религия, наука, искусство, календарь. Письмена и литература майев. Пирамиды майев. Аналогия в культуре майев с культурами Египта и древней Индии.

5) Экспедиции, предпринимавшиеся в XIX в. для открытия следов Атлантиды. Экспедиция к островам Пасхи. Экспедиция Шлиммана - младшего. Экспедиция Фробениуса. Горубы в Гвинее. Археологические находки в стране горубов. Нравы, верования, культура горубов. Пирамиды горубов. Выводы Л. Фробениуса.

6) Аналогии в культуре горубов с культурой древних этрусков. Некоторые обычаи и религиозные верования этрусков. Строительство этрусков, этрусские вазы, этрусские пирамиды. Письмена этрусков и их язык. Друдическая культура древнейшей Галлии.

7) Кавказский культурный мир. Яфетиды. Открытие и соображения акад. Н. Я. Марра. Влияние яфетидов на древнейший Восток. Происхождение культуры яфетидов.

Сношения Кавказа с Индией. Индия как колония Атлантиды. Армянский народ как преемник культуры яфетидов. Значение Армении в мировой истории.

8) Свидетельства античных авторов об Атлантиде. Два диалога Платона. Оккультная традиция. Расы земли. История Атлантиды. Город Золотых Ворот. Остров Посейдония. Великий катаклизм и гибель Атлантиды. Отношение традиции к исторической науке: «Атлантида» как «рабочая гипотеза» истории. Заключение»¹⁰.

Из сообщений газеты «Арев» узнаем, что этот доклад по просьбе общественности должен был быть повторен 2 февраля в зале Общественного собрания¹¹.

Блестящий знаток древней культуры человечества, Брюсов параллельно с историей и поэзией армянского народа изучал историю Кавказа. Об этом свидетельствует письмо, адресованное Т. Иоаннисяну 23 февраля 1917 г., где он сообщает, что для «Горца» посылает переработанную часть о Кавказе и яфедитах из доклада «Учители учителей». По просьбе В. Брюсова перевод с рукописи сделан Т. Иоаннисяном. Статья под заглавием «Сфинксы и вишапы (некоторые черты культуры древнейшего Кавказа)» была напечатана в 1917 г., в 5–6 номере журнала. «Может быть, в библейском рассказе о ноевом ковчеге, остановившемся на Арарате, скрыто зерно исторической истины: это — воспоминание о той исключительной роли, какую играли «царства Араратские» (тоже библейский термин) в культурной жизни прежних тысячелетий (2-го и 3-го до Р. Х.), — резюмируя статью пишет В. Брюсов. — По представлению Библии весь род человеческий вновь разошелся по земле с Арарата и, следовательно, оттуда разлилась вся земная ци-

¹⁰ МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/2; *Закарян А.* Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 81–82. Ср.: Брюсов и Армения, кн. 2, с. 254–255.

¹¹ См.: Арев, 31. I. 1917; 2. II. 1917.

визация. Еврейские повествователи, так видоизменявшие халдейское предание о всемирном потопе, должны были вспоминать, что когда-то с Арарата лился к ним свет знаний, что оттуда ждали они откровений науки и искусства и уроков утонченной жизни. Народы, основавшиеся вокруг Арарата, представлялись древнейшим евреям, как самые просвещенные среди всех других»¹².

29 января «Общество любителей армянской словесности» в зале Общественного собрания организует вечер, посвященный 80-летию со дня смерти А. Пушкина. «Лучший пушкиновед» Брюсов выступил с докладом «Общественные воззрения в поэзии Пушкина»¹³. Программа была такова:

«1) Исторический очерк суждений критиков и историков литературы об общественных воззрениях Пушкина. Материалы, которыми мы располагаем для их выяснения. Историческая критика стихов, статей и писем Пушкина и показаний об нем современников. Записка Жуковского о предсмертной болезни Пушкина; критика П. Щеголева этой записки. Новые данные о последних днях жизни Пушкина.

2) Последовательные этапы в развитии миросозерцания Пушкина. Его воззрения в молодости, до ссылки; выработка самостоятельного мировоззрения в Михайловском; влияние Жуковского, взгляды Пушкина в последние годы жизни. Влияние Радищева, Чаадаева, Пушкина. Свидетельства статей и писем Пушкина.

3) Эстетический и метрический разбор стихов «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Математический метод критики. Стихи «Недвижный страж дремал»... Смысл «Медного Всадника». История поэмы «Анжело». Разные черновые наброски стихов и их показания. Восьмая глава «Евгения Онегина».

4) В чем величие Пушкина. Пушкин как всеобъемлющий гений и как учитель. Исторические замечания Пуш-

¹² *Адъ нѣ а А І а Адѣ аї є̀ є̀ адѣ ы́ нѣ́ є́ є̀бѣуòòä*, п. 179 – 180.

¹³ См.: Баку, 29. I. 1917; Арев, 31. I. 1917; Каспий, 31. I. 1917.

кина. Поэзия Пушкина как образец языка. Пушкин как представитель России. Окончательное суждение о мирозерцании Пушкина и его общественных воззрениях. Выводы»¹⁴.

Выбор темы не оставляет сомнений в том, что докладчик, предчувствуя подъем освободительного движения народов России, сознательно обратился к великому свободолюбцу Пушкину. Судя по обширной информации газеты «Арев», можно утверждать, что характеристики Брюсова и ныне не утратили своего значения. Более того, следует отметить, что брюсовский анализ общечеловеческого значения творчества Пушкина созвучен сегодняшним пушкиноведческим принципам: «Пушкин — гений России... выразитель дум своей родины в общей литературе, он — одновременно земля и небо, среди которых цветет и молодеет русская литература. Он... гений и бессмертный учитель, который учил, учит и будет учить поколения. Пушкин — это та великолепная литература, с которой начинаются все последующие после него литературные направления, он — тот корень, от которого дали ростки Гоголь, Толстой, Достоевский, А. Толстой, Тургенев и т. д. и т. д.»¹⁵. Докладчик сосредотачивает внимание на свободолюбивой, демократической устремленности творчества Пушкина, особо подчеркивая его отношение к крестьянским массам. «Пушкин был свободомыслящим, честным гражданином, большим человеколюбом, обласкавшим низкий слой — крестьянство и презиравшие русской аристократией — «толпы масс» ... И чем больше пройдет времени, тем больше он будет расти, он — Россия и вся русская литература», — заключает лектор.

Это был первый доклад Брюсова, посвященный Пушкину и прочитанный перед армянской общественностью. В дальнейшем, в 1918 — 1919 учебном году, Брюсов прочел

¹⁴ МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/3; *Закарян А.* Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 82. Ср.: Брюсов и Армения, кн. 2, с. 261–262.

¹⁵ Арев. 31. I. 1917.

две лекции о Пушкине в Социалистической академии¹⁶.

В дни пребывания в Баку Брюсов общается с армянскими писателями, с различными слоями многонациональной общественности. Так, 25 января его приглашают на организованную армянскими учителями «Чашку чая». В зале Общественного собрания исполняются песни, декламируются стихи. Брюсов читает свои сочинения, посвященные Армении, армянскому народу¹⁷.

Интересно отметить, что и после издания «Поэзии Армении» поэт продолжает заниматься армянской поэзией, о чем в своих воспоминаниях отмечает Г. Шенгели. Говоря о встрече с Брюсовым, он пишет: «Брюсов сидел один, в своем неизменном сюртуке и мраморном высоком воротничке, левой рукой перелистывал какую-то книгу на армянском языке, а правой делал из нее выписки — по-армянски же.

Меня он дружелюбно приветствовал, усадил и горячо заговорил о том, какой прекрасный поэт Саят-Нова»¹⁸.

Шенгели вспоминает, что этот памятный вечер ознаменовался интересным событием. Здесь по взаимному желанию состоялось «примирение» между В. Брюсовым и И. Северяниным, которые до этого довольно долго были в ссоре, не общались друг с другом. Дело в том, что после выхода в свет второй книги И. Северянина «Златолира» (1914 г.), В. Брюсов выступил с критическим отзывом, что задело автора, и он в январе 1915 г. написал «Поэза для Брюсова» (приводим 2 четверостишия):

*Вы, чьи стихи, как бронзольвы,
Вы поступаете бесславно.
Валерий Яковлевич! Вы —
Завистник, выраженный явно...*

¹⁶ Тиханчева Е. П. Две лекции В. Я. Брюсова о Пушкине. — В сб.: Брюсовские чтения 1962 года, с. 366 — 400.

¹⁷ См.: Арев, 28. I. 1917.

¹⁸ Шенгели Г. Валерий Брюсов. — Литературная Армения, 1980, № 9, с. 96.

*Вы — терпеливый эрудит,
И Ваше свойство — всеанализ.
Я — самоучка-интуит, —
Мне непонятна Ваша зависть!*

Оценки, данные в стихотворении, выявляют самоуверенность Северянина, его пренебрежение к знаниям, общей культуре, что, в конечном счете, и было причиной раннего застоя одаренного поэта.

... В этот вечер Северянин читает свои «поэзы»¹⁹, а Брюсов, удовлетворив настойчивые просьбы, — собственные переводы Саят-Новы.

Здесь уместно вспомнить, что в 1923 г. И. Северянин издал сборник «Соловей», где было и стихотворение, посвященное В. Брюсову (написанное в 1918 г.). В нем упоминается событие, происшедшее в Баку:

*Нежны berceuse'ные рессоры —
Путь к дорожному «кабаку».
В нем наша встреча — после ссоры —
Меж наших вечеров в Баку.*

*Я пил с армянским миллионером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.*

*Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет*

¹⁹ О закавказских «поэзовечерах» И. Северянина подробно см.: Закарян А. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984, с. 16 – 20 (на арм. яз.); его же, Новые литературные течения в Закавказье (по материалам прессы 10-х гг. XX века). — ИФЖ, 2004, № 3, с. 22, 26 – 29.

*Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.*

*И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!*

*О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова, —
И вновь певцу лестных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!*

*Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою
И мне подвластными стихами
Я Вас по-прежнему пою!²⁰*

... Как в предыдущий, так и в этот приезд в Баку выступления Брюсова имели большой резонанс в литературной жизни Закавказья, в частности, армянской. Если высокой оценкой армянской поэзии он стимулировал пробуждение интереса к ней, то лекцией о Верхарне открывал перед читающей молодежью широкие горизонты мировой литературы, лекцией «Учители учителей» показал, что армяне — один из древнейших народов, внесший большой вклад в мировую историю, а лекцией, посвященной Пушкину, вселял в армянский народ свободолобивый дух.

В начале февраля для чтения лекции планировалась поездка Брюсова в Тифлис²¹. Но 29 января печать сообщает,

²⁰ Северянин И. Стихотворения. Таллин, 1987, с. 41.

²¹ См.: Мшак, 25. I. 1917; Кавказское слово, 25. I. 1917; Гахапар (Идея, Тифлис), 27. I. 1917 (на арм. яз.).

что Брюсов в связи с болезнью не может приехать в Тифлис²². Сперва телеграммой, затем письмом (1 февраля) адресованной Туманяну, Брюсов просит либо отменить лекции, либо перенести их на другое время: «Не знаю, как и извиняться перед Вами — в том, что вовлек Вас в хлопоты, обещав приехать в Тифлис, а потом принужден был отказаться от этой чести и удовольствия. ... Во-первых, лекции мои в Баку затянулись, а в Москве ждали меня неотложнейшие дела, во-вторых, под влиянием известной усталости, я почувствовал себя не достаточно бодрым, немного нездоровым и опасался, что новое напряжение для лекций в Тифлисе заставит меня совсем расхвораться, в-третьих, последовало вдруг распоряжение о прекращении проезда по железным дорогам, по 15 февраля, что заставило меня крайне поторопиться отъездом. Как бы то ни было, я решительно *не мог* ехать в Тифлис, и еще раз очень, очень извиняюсь в этом перед Вами. Если Вы все же хотите, чтобы я прочел одну или несколько лекций в Тифлисе, я постараюсь приехать именно для этих чтений во вторую половину поста. Разрешите подробнее написать Вам об этом плане из Москвы, когда выяснится точнее, в какие дни мне можно будет предпринять это путешествие»²³. Брюсов вновь заверяет: «Теперь же я должен только просить Вас отнестись к моему отказу снисходительно и верить; что мне больше всех было грустно отказаться от мечты увидаться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом все же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого.

Не откажите передать привет от лица Иоанны Матвеевны и моего Вашей супруге, милой Нварт, Гамлику, которые так любовно заботились об нас (простите, что называю их по имени), всем вашим детям и всем, с кем мы имели счастливый случай познакомиться в прошлый приезд. Вас лично от души благодарю за доброе внимание

²² См.: Гахапар, 29. I. 1917.

²³ *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре, с. 197–198.

Monb., 7. as Maryanina, 12.

1963-1964.

Дороги и мосты, леса и
Удаль Баддеев!

[illegible]

и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение»²⁴.

... Известный русский военачальник, терский казак, поэт и общественный деятель А. Кулебякин, который в эти годы деятельно участвовал в литературно - общественной жизни армянского народа²⁵, 29 января 1917 г. в письме Ов. Туманяну пишет: «... Завтра хочу пойти на последний вечер Игоря Северянина, чтобы иметь собственное представление о нем... Кажется, не придется послушать В. Брюсова»²⁶, а 28 февраля того же года отмечает: «Хотелось бы лично познакомиться с В. Я. Брюсовым, но не знаю удастся ли мне приехать к Пасхе: зависит от наших военных дел»²⁷.

* * *

В мае 1917 г. арменовед Г. Овсепян посетил В. Брюсова в Москве, имел с ним интересную беседу, в частности, о работе русского поэта в области армянской истории. В одном из своих писем Г. Овсепян пишет: «Он (В. Брюсов. — А. З.) намерен начать новое дело, составить хрестоматию из избранных отрывков армянских летописцев и таким образом ознакомить русское общество с другими сокровищами армянской летописи»²⁸. Это исследование — «Летопись исторических судеб армянского народа. (От VI в. до Р. Хр. по

²⁴ Там же.

²⁵ О деятельности А. Кулебякина в Западной Армении и Закавказье см.: *Закарян А.* Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003.

²⁶ Музей Ов. Туманяна, Ереван, Семейный архив, Книга посуплений, № 1072/2740.

²⁷ Там же, № 1072/2748.

²⁸ Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран), Архивный фонд архимандрита Тирайра, папка 134, док. 32; *Закарян А.* Из переписки Гарегина Овсепяна и Тирайра Тер-Ованесяна. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 5, с. 84 (на арм. яз.).

наше время)»²⁹— было издано в 1918 г. Московским армянским комитетом. В нем Брюсов представил историю армян с древнейших времен до 1915 г. Он считал необходимым для русского общества, «желающего сознательно отнестись к современным событиям», знание армянской культуры и истории. Излагая историю Армянского вопроса, обращаясь к западноармянским погромам и резне в 90-х гг. XIX в., Брюсов отмечал, что тяжкий гнет турецких правителей вынудил армян восстать против них, при этом называл политику истребления армян политикой государственной. Турецкое правительство не останавливалось «перед такими грандиозными избиениями, на которые не отваживался и Ленгтимур», пишет Брюсов. Одним из первых поэт дал отпор фальсификаторам Геноцида армян: «Что бы ни говорили защитники турок, как бы ни ссылались на доводы «государственной необходимости», ничто не может оправдать массовых избиений, опустошения целых провинций, обречения на голодную смерть изгоняемого населения деревень и городов и т. под. Вовсе не фантастичен подсчет, указывающий, что в начале современной войны в турецких областях от казней, от убийств, от голода, от истощения, в пожарах, на пути в ссылку, в пустынях, назначенных для жительства и т. под. погибло *свыше миллиона* душ армянского населения (другие источники указывают до 2 000 000 человек)»³⁰.

²⁹ Во 2-й книге «Брюсов и Армения» (с. 297, 299, 300, 331) допущены ошибки: в заглавии «Летописи ...» вместо «... (От VI в. до Р. Хр. ...)» читаем — «... от IV в. до Р. Х. ... ».

³⁰ *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа. (От VI в. до Р. Хр. по наше время). М., 1918, с. 115. В МЛИ (ф. К. Микаэляна, № 251) хранится интереснейший документ (расписка):

«В Комиссариат по армянским делам

Гонорар, следующий мне, как автору, на составление книги «Летопись исторических судеб армянского народа с VI века до Р. Х. по наше время» и на наблюдение за ее печатанием (чтения корректур), всего тысяча двести (1200) рубл., мною получено от

Отметим, что в книге «Как прекратить войну» Брюсов, говоря о необходимости заключения мира, считал, что одним из важнейших вопросов, подлежащих обсуждению и справедливому решению, является судьба Западной Армении, находя при этом нецелесообразным пока проведение там плебисцита, т. к. армянские вилайеты «предупредительно лишены своего коренного населения»³¹.

Интересно, что после издания «Поэзии Армении» с февраля по октябрь 1917 года Брюсов занимался подготовкой второго издания сборника, что подтверждается тем выявленным экземпляром антологии, который служил ему черновым вариантом для осуществления своего замысла³².

Уместно сказать, что по этому поводу Ов. Туманян написал статью «Ко второму изданию книги «Поэзия Армении», где, в частности, говорит «о тех недостатках, которые исходят от нас — армян, армянских переводчиков», приводя конкретные примеры. В заключении он пишет: «Цель моих теперешних замечаний такова. Ясно видя, какое огромное впечатление произвела книга «Поэзия Армении», и имея в виду, что скоро будет второе издание, нужно рукою сведущих людей исправить ошибки в книге, хотя бы те из них, которые совершенно меняют смысл стихо-

Герасима Сергеевича Микаеляна, в чем и даю эту расписку. 11 ноября 1918 г. Валерий Брюсов».

Интересно, что лидер большевиков В. И. Ленин был знаком с этой книгой, один экземпляр которой находился в его личной библиотеке в Кремле. Известно, также, что секретарь президиума Всероссийского исполнительного комитета В. Аванесов от имени Комиссариата по армянским делам 20 августа 1918 г. дарит В. И. Ленину экземпляр «Поэзии Армении» (см.: *Мкртчян Л.* Указ. раб., с. 134 — 135; *Арзуманян М. В.* История армянского народа в освещении В. Я. Брюсова. — В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 59).

³¹ *Брюсов В.* Как прекратить войну. М., 1917, с. 29.

³² *Айвазян К. В.* Работа В. Я. Брюсова над вторым изданием «Поэзии Армении». — ИФЖ, 1963, № 4, с. 99 — 114.

творения и снижают ценность этого великолепного дела»³³.

Задумка В. Брюсова, однако, к сожалению, не осуществилась.

В. Брюсов намеревался также подготовить к изданию сборник, посвященный армянской прозе, под заглавием «Айастан». С этой целью 15 февраля 1917 г. он направил специальную «записку» в Московский армянский комитет, представив обстоятельный план³⁴.

Добавим также, что все это время В. Брюсов активно сотрудничал с издаваемым в Москве с 1916 г. еженедельником «Армянский вестник», со страниц которого популяризовал и пропагандировал армянскую литературу и культуру³⁵.

³³ Оризон, 7. II. 1917.

³⁴ *Татосян Г. А.* Из архива Валерия Брюсова, с. 88–93. Замысел Брюсова об издании сборника «Айастан» претворил в жизнь Н. Сейранян [см.: *Сейранян Н.* Предисловие от составителя. – Армянская историческая проза и поэзия (V – XVIII вв.): Антология по проекту Валерия Брюсова. Ереван, 2009, с. 5 – 10. Об этой книге см. рецензию Л. Казаряна: ИФЖ, 2010, № 2, с. 281 – 284].

³⁵ См.: *Егикян С. А.* Брюсов в «Армянском вестнике». – В сб.: Брюсовские чтения 1963 года, с. 546–553.

ГЛАВА IV

В. БРЮСОВ И КЛАССИКИ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО)

Говоря о поездках Брюсова в Закавказье, необходимо особо коснуться вопроса о его встречах с цветом армянской творческой интеллигенции, об их взаимоотношениях. Эти вопросы мы вскользь рассматривали выше, здесь же остановимся на них подробнее.

До первого приезда русского поэта в Баку в печати появляются статьи, в которых сообщаются о нем общие сведения, оценивается его труд по изучению, переводу и редактированию армянской поэзии, публикуется программа планируемой лекции. Еще в середине декабря 1915 г. в газете «Подарок сиротам» помещается статья Иоаннеса Иоаннисиана, посвященная оценке предпринятой Брюсовым благородной работы. 31 декабря в опубликованной в газете «Арев» статье «По поводу лекции В. Брюсова», поощряя инициативу «Общества любителей армянской словесности», Иоаннисиан обстоятельно представляет работу поэта: «Лучшим средством знакомства с нацией является изучение ее литературы, знакомство с ее творческим потенциалом. Сегодня мы в том положении, что более, чем когда бы то ни было, необходимо, чтобы великие нации и, в частности, русская общественность знала нас и... уважала, любила нас. Этого уважения мы можем достичь не иначе, как доказательством, что мы народ, способный на цивилизацию, что и в прошлом и в настоящем армянская нация имела и имеет такие дарования, что может свою маленькую лепту внести в общую духовную сок-

ровищницу человечества. Это доказательство дает армянское искусство, армянская поэзия — об этом говорит В. Брюсов — талантливый поэт и первоклассный критик, прекрасно осведомленный в родной и других литературах».

В дни пребывания в Баку Брюсов не раз гостил в семье Иоаннеса Иоаннисиана. Об одном из этих визитов супруга Ц. Ханзадяна пишет: «Валерий Яковлевич был прост, разговор шел вокруг новинок русской и европейской литературы. Один из сыновей Иоаннисиана очень увлекался поэзией, знал наизусть много стихов Пушкина, сам немного писал. Брюсов попросил его прочесть что-нибудь. Когда юноша кончил, Брюсов стал давать советы начинающему поэту... как много надо учиться, знать русскую и иностранную литературу и как надо систематически писать ежедневно хотя бы одно стихотворение и без конца работать в области изучения поэзии»¹.

Сам Брюсов придерживался этого принципа и систематически ежедневно работал в этом направлении. Об этом есть интереснейший рассказ Ов. Туманяна, который вспоминает Р. Погосян. «В 1916 году, когда Брюсов был в Тифлисе, он несколько дней гостил у Ованеса Туманяна. В первый день, после завтрака, когда все члены многочисленной семьи Туманяна разошлись по своим комнатам, Туманян прошел к себе в кабинет, но там не застал своего гостя, — пишет поэтесса. — Он стал искать Брюсова по всем комнатам, но его нигде не было. А между тем его шапка и пальто висели в передней. Куда же он мог деться? Туманян машинально открыл входную дверь, вышел на лестничную площадку, и его удивленным глазам предстала такая картина: на верхней ступеньке сидит Валерий Яковлевич, на коленях у него блокнот, а в руках карандаш. Он что-то сосредоточенно писал. Туманян окликнул его и попросил пройти в кабинет. Брюсов отказался, говоря, что

¹ Ханзадян В. М. Указ. раб., с. 331.

он не хочет мешать Туманяну и ему самому необходимо поработать. Ведь настал тот час, когда он непременно должен работать, писать. И Туманян узнал, что Брюсов никогда не пропускает этого часа — в дороге ли, где бы то ни было»².

То же самое вспоминает И. Эренбург: «Брюсов сказал мне, что он работает над стихами каждый день правильно и регулярно. Он гордится этим, как победой над темной стихией души»³.

Конечно, не обо всех встречах и беседах Иоаннисиана и Брюсова сохранились сведения. О большой взаимной дружбе В. Брюсова и И. Иоаннисиана свидетельствуют воспоминания Иоанны Брюсовой: «Встреча Брюсова с Иоаннисианом была, можно сказать, встречей двух близких людей. Позднее знакомство поддерживалось дружеской перепиской. Мне Валерий Яковлевич не раз говорил, что ценит в Иоаннисиане дар поэта и неустанно повторял: «Иоаннисиан — истинный поэт!»⁴.

Эта удивительная близость предполагает общность творческого склада поэтов, на что в свое время обратил внимание академик А. Тертерян. Он, как уже было сказано, присутствовал на лекции Брюсова в Ереване и, прекрасно зная особенности поэзии Иоаннисиана, справедливо замечает, что в их «отношениях есть какой-то интимный момент, который следует особо подчеркнуть. Нам кажется, что Брюсов из всех армянских поэтов большее *родство испытывал* к Иоаннесу Иоаннисиану. Чувствовал близость к жанровым особенностям творчества, исторической героике, мастерству стихосложения и образцовой языковой культуре Иоаннисиана. Сам Брюсов в области русской поэзии особенно

² Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 79 — 80.

³ Слово (Тифлис), 26. IX. 1920. См. также: *Закарян А.* Тифлиссские дни Ильи Эренбурга. Ереван, 2012, с. 36 — 37.

⁴ *Брюсова И.* Указ. раб., с. 103.

придерживался именно этих четырех особенностей»⁵.

Эти правильно подмеченные общности можно проиллюстрировать на примере творчества двух поэтов. Вслед за Р. Патканяном и С. Шахазизом И. Иоаннисиан в восточноармянскую литературу привнес жанровое многообразие, культуру языка и стихосложения. Как уже было нами отмечено, в предисловии к «Поэзии Армении», он «словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье...»⁶. Нужно добавить также сонет, балладу. Иоаннисиан писал, всегда обращаясь к народной песне, фольклору. По сравнению с творчеством Туманяна и Исаакяна, для которых также характерно обращение к истокам народного творчества, наследие Иоаннисиана обладает неповторимыми чертами. Поэзия Иоаннисиана своим внутренним пафосом пронизана своеобразной античной строгостью, которая, по признанию многих русских литературоведов, была присуща поэзии Брюсова. Эту черту можно проследить, в частности, в исторических произведениях Иоаннисиана «Артавазд», «Рождение Ваагна», «Сюникский князь». Примечательно, что Брюсов высоко ценит именно эти сочинения. «... *душой* я был всегда с Вами, много, много раз вчитывался в Ваши поэмы...», — пишет он Иоаннисиану в апреле 1916 г., имея в виду перечисленные произведения, в частности, «Артавазд», которую он переводит для «Поэзии Армении».

В 10-е годы армянское литературоведение определяло место и роль писателей XIX в. в истории литературы. Суждения Брюсова, которые во многом совпадали со взглядами армянских литературоведов, укрепляли их позиции и убеждения. В этом отношении очень интересна оценка И. Иоаннисиана, изложенная в стихотворной форме:

⁵ Тертерян А. Указ. раб., с. 42 — 43.

⁶ Поэзия Армении..., 1916, с. 77.

*К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасный свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,—
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!*⁷

Те же мысли высказываются в письмах И. Иоаннисиану, в которых Брюсов очень высоко отзывается и о человеческом образе поэта: «И еще реже — счастье встретиться с подлинным поэтом, как довелось мне встретиться с Вами. Я знаю, что в те дни мне посчастливилось видеть Ваш лучший образ, но ведь это и есть Вы — истинный, и таким я Вас помню, буду помнить и буду всегда знать»⁸.

В одно из своих посещений Иоаннисиана русский поэт подарил ему сборник стихов с надписью: «Поэту Иоаннесу Иоаннисиану — в знак признательности за ту радость, которую доставила мне его поэзия. Баку, 1916».

Исключительное внимание к русскому поэту проявил также патриарх армянской поэзии Ов. Туманян. В письмах, воспоминаниях содержатся многочисленные сведения об их встречах и беседах на протяжении всех дней, проведенных ими вместе. Как утверждает Н. Туманян, они встречались каждый день, посещали вместе достопримечательности города, много беседовали⁹.

Более подробно об этом говорит И. Брюсова. «Из всех моих воспоминаний о встречах в Тифлисе воспоминание об Ованесе Туманяне самое яркое. Все лица заслонены неизгладимым образом незабвенного поэта»¹⁰, — пишет она. Туманян встречает и провожает Брюсова, организует лекции,

⁷ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 21.

⁸ Там же, с. 189–190.

⁹ См.: Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 136–137.

¹⁰ Брюсова И. Указ. раб., с. 103.

В. Брюсов и И. Иоаннисиан
(Баку, январь 1916 г.)

устраивает приемы, по его инициативе Брюсов посещает могилу Саят-Новы. Туманян сопровождает Брюсова на гору Давида и в монастырь св. Давида, где похоронен Грибоедов, в знаменитый ботанический сад и т. д. И. Брюсова отмечает, что в короткий промежуток времени они стали близкими друзьями. Сказанное подтверждается их свободными и непринужденными беседами, о которых Туманян оставил интересные сведения. Как пишет Туманян, уже ознакомившись с армянской поэзией и культурой, Брюсов выразил удивление, что русская общественность не была близко знакома с этими сокровищами. Армянский поэт ответил, что причина этого явления кроется в политике угнетения малых народов царизмом. «В один из дней, во время застолья, обращаясь к нему (В. Брюсову. — А. З.), я так объяснил причину удивившего его явления, как это случилось, что они не были знакомы с нашей поэзией. Я сказал, что до сих пор из России к нам присылали полицейских, мол, езжайте и ловите воров и негодяев... Присылали жандармов, мол, бдительно следите, задерживайте революционеров. Они приезжали — находили революционеров. И так далее, и так далее. ... Но поэтов не присылали, мол, езжайте и ищите на Кавказе или среди армян поэзию. И вот впервые русский поэт приезжает к нам специально для поэзии. Впервые известные русские поэты приближаются к нашей поэзии — и находят сполна, и сейчас весть дойдет до России, что на Кавказе или среди армян есть и поэзия, и поэты... »¹¹.

¹¹ Туманян-критик. Ереван, 1939, с. 339 (на арм. яз.). Кстати, вышесказанному созвучно и следующее. Ю. Веселовский в статье «Армянская литература в оценке русской критики начала 90-х годов» пишет, что русское общество того времени еще очень мало знало армян, — и в его слоях держались ходячие и непроверенные оценки, армянский народ представлялся в ложном свете. Как бы в ответ на эти оценки «Русская мысль» в 1893 году писала: «Наша публика знает армян-купцов, армян-чиновников, достигающих иногда высоких степеней, армян-ученых, — и никакого понятия

Такого же мнения о царской политике на Кавказе был, кстати, и А. Исаакян. «Хотя царизм и принес нам много бед, — писал он в 1916 г. в романе «Уста Каро», — недружелюбно смотрит на нас, отнял наше достоинство, закрыл учебные заведения, культурные учреждения, насаждает среди нас вероотступничество, не подпускает нас к государственной машине и так далее и тому подобное, все-таки скажем по справедливости: это русская бюрократия, это правительство. Русский народ и его лучшие сыны не причастны к этим бедствиям: русский народ и его интеллигенция — лучшая часть человечества»¹².

... Эти искренние и сердечные беседы, «обмен мнениями» между Туманяном и Брюсовым имели место накануне революции. Туманян, в частности, говорит с русским поэтом, опираясь на свой опыт и на опыт собратьев по перу. Известно, что в результате преследования царскими властями видных представителей армянской интеллигенции были арестованы и сосланы Ширванзаде, Исаакян и др. 1908—1909, 1911—1912 гг. был арестован и судим петербургским судом Туманян.

...Что и говорить, значительная часть передовой общест-венности Закавказья ориентировалась на демократическую Россию. К этой незыблемой убежденности Туманяна

не имеет об армянах-писателях, сочиняющих свои книги на армянском языке для армянского народа, все сведения о котором ограничиваются для большинства публики редкими газетными сообщениями о неисполнении турецким правительством такой-то статьи Берлинского трактата и о притеснениях, чинимых турецкими властями в таких-то округах Малой Азии. О папуасах и обитателях центральной Африки мы знаем больше, чем о единоверном нам (или почти единоверном) высокодаровитом и культурном народе, треть которого живет в пределах России, а две трети оставлены на произвол мусульманских чиновников и дикой орды курдов!» (Армянский вестник, 1916, № 24, с. 3).

¹² *Исаакян А.* О России и русской культуре / Вступ. статья и примеч. А. Исаакяна. Ереван, 1979, с. 42.

Репродукция портрета В. Брюсова
(работа художника Врубеля), подаренная
Ов. Туманяну, с дарственной надписью (1916 г.)

литературоведение обращалось неоднократно; однако нелишне было бы рассмотреть один вопрос, весьма важный с точки зрения этой ориентации.

На протяжении всей своей деятельности Туманян представлял существование армянского народа лишь под сенью России, в условиях мирного развития и сохранения прав национального самоопределения. Под угрозой турецкой деспотии армянский народ только с помощью могущественной России мог продолжить свое существование, что, по его представлениям, было неразрывно связано с понятиями культурной жизни и творческой работы. По убеждению Туманяна, ни один принцип для народов не имеет такого значения, как «культурно-исторический принцип», им и определяется роль народов, их место в большой семье человечества. Говоря о культуре, он имел в виду не только образ жизни, но в первую очередь «духовную культуру», которая является критерием величия каждого народа. Считая словесность важным звеном духовной культуры, Туманян утверждал, что литература делает народ нацией, что она «является духом народа, его честью и славой». Выступления Туманяна о русском народе почти всегда начинаются или кончаются разговором о глубоком гуманистическом духе русской литературы и ее общечеловеческом значении. Каждый народ должен стремиться иметь правдивую культуру, настоящую литературу, которые, впитав в себя дух народа, защищают его от опасности извращения, уничтожения. А чтобы иметь такую культуру, необходима свобода культурной жизни под сенью России, благодаря чему армянский народ может стать «цельным народом с самобытной культурой», «Духовной Арменией» — точка зрения, которой придерживался В. Терьян.

В цитируемых выше строках Туманян обращался к Брюсову именно с этими мыслями, и понятно, что в своих беседах они не раз возвращались к подобным вопросам. Темой

этих бесед, их стержнем, естественно, была армянская поэзия. Вот что об этом пишет Дереник Демирчян наряду с другими воспоминаниями о пребывании Брюсова в Тифлисе и прочитанных им лекциях. Судя по его воспоминаниям, Туманян опасался, что «сборник («Поэзия Армении». — А. З.) мог вызвать недовольство определенной части армянской интеллигенции», и поэтому в эти дни у себя дома собирал этих деятелей, чтобы представить им Брюсова и его труд. Что же касается взглядов в отношении «Поэзии Армении», то, по свидетельству Демирчяна, точки зрения «Туманяна и Брюсова во многом совпадали. То была точка зрения нашей «мансарды». А именно, что немеркнувшими звездами нашей поэзии должны быть лишь те писатели древности или новых времен, которые явились носителями идей мирового значения и ратовали за высокое качество литературы. Горячо обсуждался вопрос об армянских классиках, о выявлении художественных достоинств их творений»¹³.

Ал. Ширванзаде, который присутствовал на лекции Брюсова в Тифлисе, в статье «Мои впечатления» писал: «Когда после завершения первой части лекции я прошел за кулисы, чтобы как слушатель и как армянин выразить свою благодарность за полученное художественное наслаждение, наш дорогой гость был бледен от волнения и дрожал. Он был взволнован не столько в высшей степени восторженным приемом публики, до краев заполнившей зал, сколько великолепными образами, возродившимися мощью его чудодейственной волшебной палочки. От тех обломков нашего богатого прошлого, которые имеют право жить и должны жить, если не для всего мира, то хотя бы для нас, как гордость за нашу национальную цивилизацию, за цивилизацию прошлого.

«Помилуйте, — сказал поэт своим трепетным голосом, — не вы меня должны благодарить, а я — армянский народ, который доставил мне величайшее наслаждение своими

¹³ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 60.

бессмертными творениями прошлого».

И, поверьте, это была не обычная скромность высокообразованного европейца и не тактичность, а присущая русской душе искренность»¹⁴.

Из представителей молодого литературного поколения Ст. Зорьян также был в восторге от услышанной им лекции Брюсова. «Могу сказать без преувеличений, — пишет он, — что после лекции Брюсова для тбилисских армян целую неделю был праздник армянской поэзии в самом широком смысле этого слова. Мы знали, что подобное пережили армяне и в Баку, и в Ереване. ... Лекции Брюсова состоялись в 1916 году, в трагические для армянского народа дни. В эти дни пламенные слова Брюсова о культуре армян не только успокаивали нас, но вселяли веру, что народ, создавший подобные ценности, навсегда не может исчезнуть...»¹⁵.

В беседах Туманяна и Брюсова, несомненно, затрагивались вопросы высокой миссии литературы, призвания писателя, особенно в период войны. Дух их общения глубоко выражен в стихотворении Туманяна, посвященном Брюсову. Это стихотворение по своему художественному содержанию — своеобразный клич, обращенный к владыкам «веческих сердец» — к Брюсову и его собратьям по перу:

*...Средь скорби, увлажняющей глаза,
Да будут наши помыслы чисты
И страны согласуют голоса
Под общим небосводом доброты.*

¹⁴ Там же, с. 39–40. Ср.: Мшак, 20. I. 1916. А. Маргарян ошибочно утверждает, что якобы Ширванзаде в этой статье говорит о лекции Брюсова в Баку в 1915 г. [*Маргарян А.* Валерий Брюсов и литература Армении.— Литература и жизнь (М.), 30. XI. 1960; *Маргарян А. Е. В.* Брюсов в оценке армянской критики. — В сб.: Брюсовские чтения 1962 года, с. 264].

¹⁵ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 72–74.

*Пусть крепнут в сердце милость и добро.
Совнав в пространстве и пропав вдали,
Пусть люди помнят, что лишь им дано
Жить собою нравственность земли.*

*Уж если нам соперничать в борьбе,
То лишь в одной: кто более других
Выгадывает выгоду себе,
Безмерно полюбив и одарив...¹⁶*

Стихотворение целиком овеяно общечеловеческой любовью и надеждой. Поэт народа, оказавшийся на краю пропасти, пишет обо всем этом с покоряющей непосредственностью и теплотой.

Об этом же свидетельствует посвящение Брюсова Туманяну — «поэту блестящей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии» (датировано «25 февраля 1916, Москва»), которое является своеобразным поэтическим отзвуком совместных бесед, раздумий. Брюсовское посвящение, напоминающее ритмы пушкинского стихотворения, адресованного сосланным декабристам, пронизано верой в то, что «тьма пронзится» и под звездным небом отпразднуется торжество братства и любви:

*... Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.*

*Пусть звезды, малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!...¹⁷*

¹⁶ Там же, с. 15–16.

¹⁷ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 20.

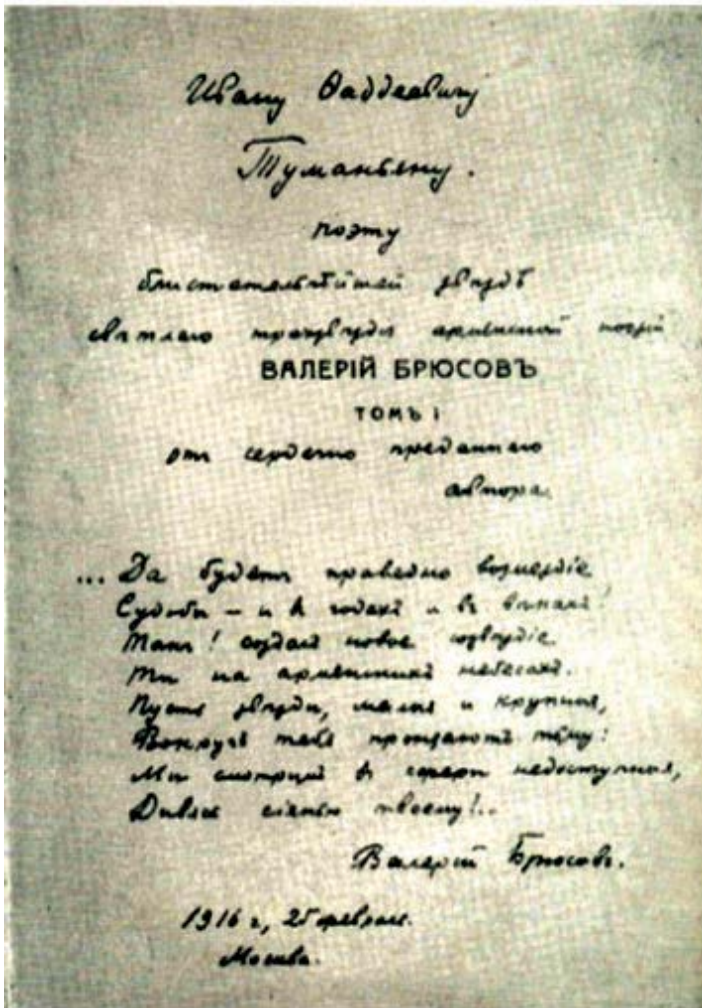
С четырехтомником своих сочинений Брюсов из Москвы посылает в Тифлис это посвящение, написанное на первом томе.

Туманян был магическим собеседником, его эпически спокойное слово имело воздействующую и покоряющую силу, о которой по разным поводам говорил Брюсов. На рукописи стихотворения «К армянам» (23 января 1916 г.) он написал: «Ованнесу Туманяну это стихотворение — вдохновленный от бесед, от благодарного автора». В одном из своих писем (13 апреля 1916 г.) Брюсов пишет: «...воспоминания о моей встрече с Вами остаются — и всегда останутся — в числе самых дорогих мне»¹⁸.

По поводу смерти Туманяна Брюсов написал статью «Об Ованесе Туманяне (1869 — 1923)», где говорится: «Популярность Туманяна была огромной. Вряд ли в Тифлисе, где долгое время, почти безвыездно, жил со своей многочисленной семьей Туманян, был человек, — по крайней мере среди армян, — который не знал бы характерной седой головы народного поэта, не узнавал бы с первого взгляда этого доброго лица, выражение которого всего лучше определить, как сочетание добродушия и мудрости. Но Туманяна знали и в гораздо более широких кругах. Если случалось многолюдное собрание, все голоса всегда предлагали в председатели Ованеса Туманяна, — имя, которое было знакомо всем и на котором все партии примирялись. Однажды, когда для выбора католикоса всех армян съехались делегаты всех армянских колоний (из Венеции и т. п.) и после выборов был устроен товарищеский банкет, его «тамадой» (председателем) был провозглашен опять Ованес Туманян, и после его называли «тамадой всех армян» (добавим также: «поэт всех армян», «отец всех сирот». — А. З.)»¹⁹.

¹⁸ Там же, с. 197.

¹⁹ Оаì æå, ñ. 182 — 183.

Факсимиле стихотворения В. Брюсова,
посвященного Ов. Туманяну

... В предисловии к «Поэзии Армении» свое «маленькое путешествие» по Закавказью Брюсов считал как бы увенчивающим первый период его работ «по Армении», позволивший подтвердить «живыми впечатлениями» свои «кабинетные соображения и проверить по критике или по одобрению авторитетных лиц» те выводы, к которым он пришел, работая «самостоятельно...»²⁰. Перед завершением работы над антологией, непосредственно общаясь с армянскими писателями, литературными деятелями, Брюсов уточнил свои исходные позиции в оценке многовековой армянской поэзии и отдельных поэтов. Его оценки и характеристики древних и средневековых армянских поэтов и классиков совпадают, в частности, со взглядами Ов. Туманяна. Они питали пристрастие даже к одним и тем же стихам Саят-Новы. Абсолютно прав литературовед А. Тертерян, когда пишет: «Известно, что Брюсов не только хорошо говорил, но и *хорошо слушал*... Обладая этой способностью, Брюсов впитывал в себя все то, что слышал от наших известных поэтов о задачах армянской литературы, истории, мифологии. А все услышанное им, не только от Туманяна и Иоаннисиана, но и от других деятелей, не прошло даром для Брюсова. В его критических оценках есть многие моменты, которые показывают, что русский поэт синтезировал взгляды, некоторые оценки, которые были господствующими среди передовой армянской общественности»²¹.

Благодаря деятельности Туманяна, Абегамяна, Овсепяна, Тораманяна, Србуи Лисициан и других в армянской действительности развернулось культурно-историческое движение по изучению армянского фольклора, песни, эпоса, историографии древних и средних веков, искусств, поэзии, осмыслению и оценке классической литературы. Весь этот материал «передается» Брюсову через сотрудничающих с ним в Москве Макинцяна, Микаэляна, Терьяна, а в дни

²⁰ Поэзия Армении..., 1916, с. 5.

²¹ Тертерян А. Указ. раб., с. 34.

поездки по Закавказью — через Иоаннисиана, Туманяна, Овсепяна, Ширванзаде, Лисициан, Демирчяна, и он, систематизируя и обобщая, организационно обеспечивая высокий переводческий уровень, завершает благородную работу по изданию «Поэзии Армении». Со всей уверенностью можно сказать, что без подобного большого культурно-исторического движения невозможно было бы осуществить работу такого объема.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, В. Брюсов, работавший над сборником «Поэзия Армении», 7 января 1916 г. по приглашению «Общества любителей армянской словесности» прибыл в Баку. 8 января он прочел лекцию «Армянская поэзия», имевшую большой успех у общественности города. Затем Брюсов с этой же лекцией выступил в Тифлисе (13 января), в Эчмиадзине (17 января) и Ереване (18 января). 22 января в Тифлисе поэт прочел лекцию «Исторические области Армении и развитие армянской поэзии». 24 января он отбыл в Москву.

Брюсовские лекции стали важным событием в жизни армянской общественности и воспринимались с большим воодушевлением. В Закавказье Брюсов знакомится со многими литературно-общественными деятелями, в частности с Иоаннесом Иоаннисианом, Ованесом Туманяном, Гарегином Овсепяном, Александром Ширванзаде, Србуи Лисициан, Дереником Демирчяном, Степаном Зорьяном и мн. др. Общение с ними позволило поэту уточнить свои оценки тех или иных явлений армянской многовековой литературы.

В начале июля 1916 г. в Москве, под редакцией В. Брюсова, вышел в свет сборник «Поэзия Армении», который поступил в продажу после 15 августа. Инициатором издания был Московский армянский комитет в лице литературно-культурных деятелей К. Микаэляна, П. Макинцяна, В. Терьяна, К. Кусикьяна и А. Цатуряна. Кроме В. Брюсова, переводчиками были известные русские поэты А. Блок, И. Бунин, В. Иванов, Ф. Сологуб, К. Бальмонт и др. Сборник явился своеобразным памятником Геноциду армян, имел большое культурное, общественно - политическое значение:

в трагические, тяжелые дни он был призван ознакомить русскую общественность с армянской поэзией, многовековой и новой, а шире — с литературой, культурой и историей армянского народа.

В январе 1917 г., во второй свой приезд в Баку вновь по приглашению «Общества любителей армянской словесности», Брюсов выступил с лекциями «Эмиль Верхарн и героическая Бельгия» (19 января) и «Учителя учителей (о древнейших культурах человечества)» — 24 января. Лекцию об общественных взглядах А. С. Пушкина к 80-летию со дня его смерти Брюсов прочел 29 января.

В эти же дни он общается с различными слоями армянского населения Баку. Предполагаемая поездка в Тифлис не состоялась, и в начале февраля поэт возвратился в Москву.

В 1918 г., вновь под изданием Московского армянского комитета, вышла в свет книга В. Брюсова «Летопись исторических судеб армянского народа. (От VI в. до Р. Хр. по наше время)» — как дополнение или приложение к «Поэзии Армении».

М. Берберян, который своей многогранной работой сделал многое, чтобы укрепить русско-армянские историко-культурные связи, писал: «После «Армянских беллетристов» и «Братской помощи», после «Армянского сборника» и сборника М. Горького, в особенности после «Поэзии Армении» русское общество не может оправдывать свое равнодушие *незнанием* армян: ему дана возможность узнать армян, и оно может узнать. А познакомившись с их высокой культурой, — не может и не должно оставаться равнодушным к трагедии и идеалам армянского народа»¹.

А выдающийся армянский поэт П. Севак, в статье «Выразим благодарность до конца», оценивая историческую миссию и значение антологии отмечал: «Поэзия Армении»,

¹ Кавказское слово, 9. X. 1916.

вышедшая в свет в 1916 г., не была лишь томом, объемистым и роскошным. Это был патент на наше благородство, представленный в окровавленное лицо мира, паспорт народа, который обрел право на жизнь не только одним вековым страданием, но и тем своим духовным запасом, который внес в хранилище мировой цивилизации и культуры. Брюсовская «Поэзия Армении» в хаосе Первой мировой войны взорвалась как бомба ...

Увлечшись армянской поэзией и вообще армянской историей, Брюсов из привычной роли переводчика и редактора вырос настолько, что стал крестным отцом воскрешения нашей многовековой культуры. Для нашей поэзии сделал несколько даже больше, чем Стржиговский для нашей архитектуры, Марр — для нашей археологии ... »².

Таким образом, всей своей деятельностью, связанной с Арменией, В. Брюсов был верен защите прав армянского народа, делу популяризации армянской литературы, в частности, поэзии, истории и культуры, которым беззаветно служил до конца жизни.

² *Севак П.* Собр. соч. В 6-и т. Т. 5. Ереван, 1974, с. 238 — 239 (на арм. яз.).

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ
Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԳՐԱԿԱՆ - ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ
ԳՈՐԾՈՒՆԵՌՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

ԱՆՈՒՇԱԿԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

Ամփոփում

Ռուս նշանավոր բանաստեղծ, թարգմանիչ, գրականագետ, գրաքննադատ և պատմաբան Վալերի Բրյուսովը (1873 – 1924) Մոսկվայի Հայկական կոմիտեի հանձնախմբի խնդրանքով 1915 թ. կեսերից ձեռնամուխ լինելով «Հայաստանի պոեզիան» ժողովածուն կազմելու և խմբագրելու աշխատանքներին, դրան զուգընթաց լայն գործունեություն է ծավալել հայ գրականությունը, մշակույթը, պատմությունը ռուս և հայ հասարակայնության մեջ տարածելու ուղղությամբ: Այդ նպատակով 1915 – 1917 թթ. նա բազմաթիվ դասախոսություններ է կարդացել ոչ միայն Մոսկվայում, Պետրոգրադում, այլև Անդրկովկասում՝ Բաքվում, Թիֆլիսում, Էջմիածնում ու Երևանում:

«Հայ գրասերների ընկերության» խորհրդի հրավերով 1916 թ. հունվարի 7-ին Վ. Բրյուսովը ժամանում է Բաքու: Հունվարի 8-ին Մայիսյանների լեփ-լեցուն թատրոնում նա հանդես է գալիս «Հայոց բանաստեղծությունը» վերնագրով դասախոսությամբ: Այնուհետև հունվարի 13-ին նույն դասախոսությամբ հանդես է գալիս Թիֆլիսի Արտիստական ընկերության դահլիճում, հունվարի 17-ին՝ Էջմիածնի Գևորգյան ճեմարանի ուսուցչական դահլիճում, հունվարի 18-ին՝ Երևանի քաղաքային ակումբի դահլիճում: Վերադառնալով Թիֆլիս՝ ռուս բանաստեղծը հունվարի 22-ին «Հայաստանի պատմական շրջանները և հայ բանաստեղծության զարգացումը» թեմայով դասախոսություն է կարդում Արտիստական ընկերության դահլիճում: Հունվարի 24-ին նա մեկնում է Մոսկվա:

Վ. Բրյուսովի դասախոսությունները ոչ միայն հայ, այլև ռուս ժողովրդի մշակութային, հասարակական-քաղաքական կյանքում կարևորագույն իրադարձություններ էին և արժանացան ջերմ ընդունելության: Անդրկովկասում նա շփվում է հայ գրական-հասարակական ամենալայն խավերի հետ, ծանոթանում բազմաթիվ գործիչների, մասնավորապես Յովհաննես Յովհաննիսյանի, Յովհաննես Թումանյանի, Գարեգին Յովսեփյանի, Ալեքսանդր Շիրվանզադեի, Սրբուհի Լիսիցյանի, Դերենիկ Դեմիրճյանի, Ստեփան Ջորյանի և այլոց հետ: Դա հնարավորություն է տալիս Վ. Բրյուսովին ճշգրտելու իր գնահատականները հայ գրականության, պատմության այս կամ այն երևույթի մասին:

1916 թ. հուլիսի սկզբին Մոսկվայում Վ. Բրյուսովի խմբագրությամբ լույս է տեսնում «Հայաստանի պեղիան» ժողովածուն, որը վաճառքի է հանվում օգոստոսի 15-ից հետո: Դրա նախաձեռնողը, ինչպես նշվեց, Մոսկվայի Հայկական կոմիտեն էր՝ ի դեմս գրական - մշակութային հայտնի գործիչներ Կ. Միքայելյանի, Պ. Մակինցյանի, Վ. Տերյանի, Կ. Կուսիկյանի և Ա. Ծատուրյանի: Բացի Վ. Բրյուսովից, թարգմանիչներն էին ռուս նշանավոր բանաստեղծներ Ա. Բլոկը, Ի. Բունինը, Վ. Իվանովը, Ֆ. Սոլոգուբը, Կ. Բալմոնտը և ուրիշներ:

Ժողովածուն դարձավ յուրօրինակ *հուշակոթող* Հայոց ցեղասպանության զոհերի հիշատակին:

1917 թ. հունվարին կրկին «Հայ գրասերների ընկերության» խորհրդի հրավերով Վ. Բրյուսովը երկրորդ անգամ է ժամանում Անդրկովկաս՝ Բաքու: Հունվարի 19-ին Թաղիկի թատրոնում նա հանդես է գալիս «Էմիլ Վերհարներ և հերոսական Բելգիան» վերնագրով դասախոսությամբ, հունվարի 24-ին դարձյալ նույն թատրոնում՝ «Ուսուցիչների ուսուցիչները (մարդկության հնագույն մշակույթների մասին)» վերնագրով դասախոսությամբ: Հունվարի 29-ին ռուս բանաստեղծը Հասարակական ժողովարանի դահլիճում դասախոսություն է կարդում Ա. Ս. Պուշկինի հասարակական հայացքների վերաբերյալ՝ նրա մահվան 80-ամյակի առթիվ:

Այդ օրերին Վ. Բրյուսովը լայնորեն շփվում է Բաքվի հայ հասարակայնության տարբեր շերտերի հետ: Նախատեսված ու-

ղևորությունը Թիֆլիս ինչ-ինչ հանգամանքների պատճառով տեղի չի ունենում, և հունվարի վերջին նա վերադառնում է Մոսկվա:

«Հայաստանի պոեզիան» ժողովածուի պատմական առաքելության ու նշանակության մասին հայ մեծ բանաստեղծ Պարույր Սևակը «Շնորհակալիքն ասենք մինչև վերջ» վերնագրով հոդվածում գրել է. «Հայաստանի պոեզիա»-ն, որ լույս տեսավ 1916-ին, մի սոսկական հատոր չէր, մեծադիր ու շքեղակազմ: Դա մեր ազնվության վկայականն էր՝ պարզված աշխարհի արյունաշունչ դեմքին, անձնագիրը մի ժողովրդի, որ ապրելու իրավունքը ձեռք էր բերել ոչ միայն մի դարավոր մաքառումով, այլև իր հոգևոր այն պաշարով, որ ներմուծել էր համաշխարհային քաղաքակրթության և մշակույթի մթերանոցը: Բոլորսովյան «Հայաստանի պոեզիա»-ն համաշխարհային առաջին պատերազմի թոհուրոհի մեջ պայթեց իբրև ռուսների խուրձ: ...

Տարվելով հայոց քերթությամբ և ընդհանրապես հայոց պատմությամբ՝ Բոլորսովը թարգմանչի և խմբագրի իր սովորական դերից վերաճեց այնքան, որ դարձավ մեր դարավոր մշակույթի վերամկրտության կնքահայրը: Մեր բանաստեղծության համար արեց թերևս փոքր-ինչ ավելին, քան Ստրիժկովսկին (Ստրիժկովսկի – Ս. Ջ.)՝ մեր ճարտարապետության, Մառը՝ մեր հնագիտության համար»*:

1918 թ. դարձյալ Մոսկվայի Հայկական կոմիտեի հրատարակությամբ լույս է տեսնում Վ. Բոլորսովի «Հայ ժողովրդի պատմական բախտի տարեգրությունը հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը» գրքույկը՝ որպես լրացում կամ հավելված «Հայաստանի պոեզիա» - ին:

Այսպիսով, Հայաստանի հետ կապված իր ողջ գործունեությամբ Վ. Բոլորսովը զինվորագրվում է հայ ժողովրդի իրավունքների պաշտպանության, հայ գրականության, մասնավորապես, բանաստեղծության, պատմության ու մշակույթի մասսայականացման գործին, որին հավատարմորեն ծառայում է մինչև կյանքի վերջը:

* Սևակ Պ. Երկերի ժողովածու 6 հատորով, հ. 5, Երևան, 1974, էջ 238 – 239:

ARMENIA IN V. BRYUSOV'S LITERARY-SOCIAL ACTIVITIES

ANUSHAVAN ZAKARYAN

Summary

Russian outstanding poet, translator, literary critic and historian Valery Bryusov (1873–1924) in the middle of 1915, at the request of the Moscow Armenian Committee's Commission initiated to form and edit the works of the collection "The Poetry of Armenia". Parallely he had large activities in the field of spreading the Armenian literature, culture, history in the Russian and Armenian society. On that purpose in 1915–1917 he delivered numerous lectures not only in Moscow, Petrograd, but also in Transcaucasia – Baku, Tiflis, Etchmiadzin and Yerevan .

On the invitation of the council of "Society of Armenian Bibliophiles" V. Bryusov arrived in Baku on January 7, 1916. On January 8 he lectured titled "Armenian Poem" at the Mayilyan overcrowded theatre. Then, on January 13 the same lecture was given in the hall of the Tiflis Artistic Society, on January 17 – in Teachers' hall of the Etchmiadzin Gevorgyan Seminary, on January 18 – in the hall of the Yerevan town club. Returning to Tiflis on January 22 the Russian poet delivered a lecture on the theme "Historical Regions of Armenia and the Development of Armenian Poem" in the hall of Artistic Society. On January 24 he left for Moscow.

V. Bryusov's lectures were the most important events not only in the cultural, social-political life of the Armenian, but also of the Russian people and deserved warm acceptance. He communicated with the widest strata of Armenian literary-social society in Transcaucasia, got acquainted with various figures, mainly Hovhannes Hovhannisyan, Hovhannes Tumanyan, Garegin Hovsepyan, Alexander Shirvanzade, Srбуhi Lisitsyan, Derenik Demirchyan, Stepan Zoryan and others. It gave V. Bryusov opportunity to specify his estimations about this or that phenomenon concerning Armenian literature, history.

At the beginning of July 1916, in Moscow, by V. Bryusov's edition the collection "The Poetry of Armenia" was published, which was brought on sale after August 15. Its initiator, as it was mentioned, was the Moscow Armenian Committee, represented by outstanding literary-cultural figures K. Mikayelyan, P. Makintsyanyan, V. Teryan, K. Kusikyan and Al. Tsaturyan. The translators, besides V. Bryusov, were Russian famous poets Al. Blok, I. Bunin, V. Ivanov, F. Sologub, K. Balmont and others.

The collection became an original *obelisk* in memory of the Armenian Genocide victims.

In January 1917, again on the invitation of the council of "Society of Armenian Bibliophiles" V. Bryusov arrived in Transcaucasia – Baku, for the second time. On January 19 he delivered a lecture named "Emil Verharn and Heroic Belgium" at Taghiev theatre. On January 24, again at the same theatre he read a lecture titled "The Teachers of Teachers (on ancient cultures of humanity)". On January 29 the Russian poet gave a lecture in the hall of Social chapel, dedicated to Al. S. Pushkin's social views, on his 80th death anniversary.

On those days V. Bryusov communicated widely with different strata of Armenian society of Baku. The foreseen trip

to Tiflis didn't take place for some reasons, and the poet returned to Moscow at the end of January.

On historical mission and importance of the collection “The Poetry of Armenia” famous Armenian poet Paruyr Sevak, in the article titled “Let be Grateful Till the End” has written: “The Poetry of Armenia”, published in 1916, wasn't only a volume, bulky and magnificent. It was the diploma of our honesty, directed to the bloodthirsty face of the world, the passport of the people, who had achieved the right of living not only by struggle of centuries, but by that spiritual resource, which they had carried into the storage of the world civilization and culture. Bryusov's “The Poetry of Armenia” exploded as a sheaf of bombs in the chaos of the World War I. ...

Fascinated by Armenian poetry and Armenian history, on the whole, Bryusov, having a habitual role of a translator and editor, grew and became the godfather of the resurrection of our centuries-old culture. He has done for our poetry somewhat more than Strzhigovsky for our architecture, Marr – for our archaeology”*.

In 1918, again by the Moscow Armenian Committee V. Bryusov's book “Chronicle of the Armenian Peoples' Historical Fate from Ancient Times to Our Days” was published, as an addition or appendix to the “The Poetry of Armenia”.

Thereby, in all his activities concerning Armenia, V. Bryusov was true to the work of defence of the rights of the Armenian people, Armenian literature, particularly, poetry, the issue of popularization of the history and culture, to which he had devotedly served up to the end of his life.

* *Sevak P.* Collection of works in 6 volumes, v. 5. Yerevan, 1974, p. 238–239.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы архивов

Дом-музей И. Иоаннисиана, Вагаршапат, ф. И. Иоаннисиана, № 127

Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, ф. Ов. Туманяна, № 785, 785а; ф. Т. Иоаннисяна, № 79–81, 264, 266, 269; ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188, 188/1, 188/2, 188/3, 232; ф. К. Микаэляна, № 251

Музей Ов. Туманяна, Ереван, Семейный архив; Книга поступлений, 1072/2740, 2748

Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран), Архивный фонд архимандрита Тирайра, папка 134, док. 32

2. Периодическая печать

а) Газеты

Амбавабер (Вестник), Тифлис, 1916 (на арм. яз.)

Арев (Солнце), Баку, 1916–1917 (на арм. яз.)

Баку, Баку, 1916–1917

Гахапар (Идея), Тифлис, 1917 (на арм. яз.)

Гракан терт (Литературная газета), Ереван, 1939 (на арм. яз.)

Кавказское слово, Тифлис, 1915–1917, 1919

Каспий, Баку, 1917

Литература и жизнь, Москва, 1960

Мшак (Труженик), Тифлис, 1915–1917 (на арм. яз.)
Оризон (Горизонт), Тифлис, 1915–1916 (на арм. яз.)
Пайкар (Борьба), Тифлис, 1916 (на арм. яз.)
Русское слово, Москва, 1913
Слово, Тифлис, 1920

б) Журналы

Армянский вестник, Москва, 1916–1918
Вестник архивов Армении, Ереван, 1986 (на арм. и рус. яз.)
Вестник Европы, Петроград, 1917
Вестник общественных наук НАН РА, Ереван, 1984, 1985, 1986, 2002 (на арм. и рус. яз.)
Горц (Дело), Баку, 1917 (на арм. яз.)
Дружба народов, Москва, 1956
Известия Армянского филиала АН СССР, Ереван, 1941 (на арм. и рус. яз.)
Известия АН АрмССР, общест. науки, 1959, 1964 (на арм. и рус. яз.)
Историко-филологический журнал НАН РА, Ереван, 1963, 1973, 1974, 1983, 1990, 1997, 2004, 2014 (на арм. и рус. яз.)
Летопись, Петроград, 1917
Литературная Армения, Ереван, 1959, 1965, 1980, 1986
Народный вестник, Москва, 1917
Русская мысль, Москва – Петроград, 1915

3. Литература

а) Книги, сборники

Абебян М. Труды. 4. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1970. – 635 с. (на арм. яз.)
А-До. Мои воспоминания/Предисл. и коммент. Р. Гаспаряна и Р. Саакяна. Ереван, 2015. – 507 с. (на арм. яз.)

Айтматов Ч. Собр. соч. В 3-х т., т. 2. М.: Мол. гвардия, 1983. – 495 с.

Акопян Э. А. Арменоведение в России (вопросы филологии). Ереван: изд - во АН АрмССР, 1988. – 319 с.

Алексанян Е. «Армения живет в душе могуче». Армения и армянская литература в мировом художественном контексте. Ереван: Лингва, 2002. – 411 с.

Амирханян М. Д. Армения в русской литературе XX века. Ереван: общ-во «Знание» АрмССР, 1978. – 44 с.

Амирханян М. Д. Русская художественная литература об Армении. Ереван: Научно-методический кабинет Минвуза АрмССР, 1983. – 204 с.

Амирханян М. Д. Русская художественная публицистика об Армении. Ереван: Айастан, 1984. – 192 с.

Амирханян М. Д. Русская художественная литература и Геноцид армян. Науч. ред. Р. Г. Саакян. 2-е изд., расширенное. Ереван: Айастан, 1990. – 255 с.

Армения в поэзии Брюсова. Предисл. проф. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айастан, 1966. – 39 с.

Армянская историческая проза и поэзия (V–XVIII вв.): Антология по проекту Валерия Брюсова. Сост. и ред. Н. Сейранян. Ереван: Антарес, 2009. – 336 с.

Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван: Гл. ред. Арм. энциклопедии, 1991. – 350 с.

Армянские писатели о Валерии Брюсове / Сост. и ред. Г. Овнан. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1975. – 132 с.

Ахумян Т. Литературные очерки и воспоминания. Кн. 2. Ереван: Айастан, 1971. – 542 с.

Багдасарян Р. Геноцид и армянская интеллигенция России. Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2003. – 256 с.

Библиография В. Я. Брюсова. 1884–1973. Сост. Э. С. Даниелян, ред. К. Д. Муратова. Ереван: изд-во ЕГУ, 1976. – 502 с.

Блок А. Собр. соч. В 6-и т., т. 6. Л.: Худож. лит., 1983. – 424 с.

Брюсов В. Как прекратить войну. М.: Свободная Россия, 1917. – 31 с.

Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. (От VI в. до Р. Хр. по наше время). М.: изд. Моск. арм. ком-та, 1918. – 124 с.

Брюсов В. Об Армении и армянской культуре. Стихи. Статьи. Письма / Подготовка текста и коммент. И. Сафразбемян. Ответ. ред. К. Айвазян. Послесл. Г. Н. Овнана. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1963. – 247 с.

Брюсов и Армения. В 2 кн. / Сост., вступ. ст., подгот. текста, летопись и примеч. К. В. Айвазяна и др. Ереван: Советакан грох, 1988; 1989. – 376 с.; 526 с.

Брюсовские чтения 1962 года / Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. Ереван: Армгосиздат, 1963. – 415 с.

Брюсовские чтения 1963 года / Ред.-сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. Ереван: Айастан, 1964. – 570 с.

Брюсовские чтения 1966 года / Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. Ереван: Айастан, 1968. – 631 с.

Брюсовские чтения 1971 года / Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. Ереван: Айастан, 1973. – 639 с.

Брюсовские чтения 2002 года. Ереван: Лингва, 2004. – 413 с.

Ваан Терьян в воспоминаниях современников. Ереван: Айпетрат, 1964. – 583 с. (на арм. яз.).

Венок Брюсову. Стихотворения. Сост.: Э. С. Даниелян, А. В. Геворкян. Ред. и авт. вступ. слова М. Д. Амирханян. Ереван: Высш. школа, 1996. – 72 с.

Верхарн Эмиль. Алые крылья войны. М., 1916.

Веселовский Ю. Трагедия Турецкой Армении. М.: кн-во «Звезда» Н. Н. Орфенова, [1915]. – 47 с.

Веселовский Ю. А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. Вступ. ст., сост., ред. и примеч. А. Давтян. Ереван: Айастан, 1972. – 502 с.

Ганалаян О. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван: Советакан грох, 1988. – 180 с.

Ганалаян О. Т. Подвиг Валерия Брюсова. Ереван: Гителлик, 1991. – 41 с.

Гарибджанян Г. Б. Геноцид армян и мировая общественность. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1989. – 76 с.

Гарибджанян Г. Б. Геноцид армян перед судом истории. Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 1995. – 108 с.

Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / Под ред. и с предисл. акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост., вступ. статья и коммент. И. Р. Сафразбекян. Ереван: Айастан, 1974. – 220 с.

Горький и Армения. Статьи, письма, воспоминания и «хроника». Ереван: Митк, 1968. – 702 с.

Горький М. Собр. соч. В 30-и т., т. 17. М.: госизд. худож. лит., 1952. – 496 с.

Григорьян К. Валерий Брюсов и армянская поэзия. Ереван: Айпетрат, 1959. – 215 с. (на арм. яз.)

Григорьян К. Н. В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М.: изд. вост. лит., 1962. – 134 с.

Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – начало XX вв.). Ереван: изд-во АН АрмССР, 1974. – 367 с.

Гукасян З. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ереван: Айпетрат, 1961. – 251 с. (на арм. яз.)

Гусанские народные песни, айрены и антунни. Собрал, редактировал и снабдил введением, примечаниями и словом засл. деятель науки проф. д-р М. Абегиан. Ереван: Армфан, 1940. – 339 с. (на арм. яз.)

Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван: Айастан, 1970. – 298 с.

Закарян А. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван: Советакан грох, 1984. – 256 с. (на арм. яз.)

Закарян А. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 1994. – 197 с.

Закарян А. Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван: МИГА НАН РА, 2003. – 286 с.

Закарян А. Александр Кулебякин и Армения. Ереван: Авторское изд., 2003. – 238 с.

Закарян А. Тифлисские дни Ильи Эренбурга. Ереван: Авторское изд., 2012. – 52 с. (на арм. и рус. языках)

Закарян А. Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916–1921 гг.). Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2015. – 230 с.

Исаакян А. О России и русской культуре / Вступ. статья и примеч. А. Исаакяна. Ереван: Советакан грох, 1979. – 110 с.

Карапетян С. Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2003. – 128 с. (на арм. яз.).

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. М.: Политиздат, 1964. – 543 с.

Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – 693 с.

Маргарян А. Валерий Брюсов (к 90-летию со дня рождения). Ереван: общ-во «Знание» АрмССР, 1963. – 42 с. (на арм. яз.)

Меликян Ов. Валерий Брюсов об армянской поэзии (очерк). Ереван: Арменгиз, 1939. – 70 с.

Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX вв. (вопросы перевода и литературных связей). Ереван: Айастан, 1968. – 465 с.

Мнацаканян А. Н. Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли. Ереван: Айастан, 1965. – 207 с. (на арм. яз.)

Мнацаканян Ас. Армянские средневековые народные песни. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1956. – 669 с. (на арм. яз.)

Назарян Ш. Песня «Крунк» и ее история. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1977. – 127 с. (на арм. яз.)

Нанумян Р. К армяно-русским литературным связям (краткий очерк). Ереван: изд-во АН АрмССР, 1945. – 54 с. (на арм. яз.)

Овнан Г. Русско-армянские литературные связи в XIX–XX веках. Кн. 1, 2. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1960; 1961. – 519 с.; 491 с. (на арм. яз.)

Овнан Г. Максим Горький и армянская культура. Ереван: Айастан, 1968. – 271 с. (на арм. яз.)

Оганнисян Р. Русская литература в оценке армянской общественной мысли. Ереван: изд-во Госуниверситета, 1949. – 409 с. (на арм. яз.)

Переписка семьи Туманяна / Сост. и комм. И. Сафразбекян. Ереван: Тигран Мец, 2002. – 192 с. (на арм. яз.)

Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. В переводе русских поэтов..., под ред., со вступит. очерком и примеч. В. Брюсова. М.: изд. Моск. арм. ком-та, 1916. – 523 с.; с испр. и доп. Ереван: Айастан, 1973. – 543 с.

Поэзия Армении. В переводах и оценке В. Я. Брюсова / Под ред. и с предисл. д-ра-проф. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айпетрат, 1963. – 413 с.

Саркисян Х. Манук Абемян и история древнеармянской литературы. Ереван: изд. АН АрмССР, 1946. – 88 с. (на арм. яз.)

Сафразбекян И. Ованес Туманян и мировая литература. Ереван: изд. АН АрмССР, 1976. – 267 с.

Сборник армянской литературы / Под ред. М. Горького. Пг.: Парус, 1916. – 316 с.

Сборник В. Брюсова «Поэзия Армении» и древняя и средневековая армянская лирика (сборник статей). Ереван: Лусакн, 2016. – 120 с. (на арм. яз.)

Севак П. Собр. соч. В 6-и т., т. 5. Ереван: Айастан, 1974. – 415 с. (на арм. яз.)

1815–1890. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. Исторический очерк и приложения Г. И. Кананова. М., 1891. – 254 с. + 4 табл.

Северянин И. Стихотворения. Таллин: «Ээсти раамат», 1987. – 128 с.

Сокровищница древней армянской поэзии. Текст подготовил к изданию Погос Хачатрян. Ереван: Айагитак, 2000. – 992 с. (на арм. яз.)

Тертерян А. Валерий Брюсов и армянская культура. Ереван: Айпетрат, 1944. – 174 с. (на арм. яз.)

Терян В. Собр. соч. В 4-х т., т. 4. Под ред. П. Макинцяна. Ереван: Госиздат, 1925. – 423 с. (на арм. яз.)

Терян В. Стихотворения. М.–Л.: Гос. изд. худож. лит., 1960. – 184 с.

Терян В. Собр. соч. В 3-х т., т. 2. Ереван: Айпетрат, 1961. – 507 с. (на арм. яз.)

Терян В. Собр. соч. В 3-х т., т. 3. Ереван: Айпетрат, 1963. – 802 с. (на арм. яз.)

Терян В. Собр. соч. В 4-х т., т. 2. Ереван: Айастан, 1973. – 414 с. (на арм. яз.)

Терян В. Собр. соч. В 4-х т., т. 4. Ереван: Советакан грох, 1979. – 464 с. (на арм. яз.)

Терян В. Сочинения. Ереван: Советакан грох, 1989. – 608 с. (на арм. яз.)

Туманян Н. Ованес Туманян и русская литература. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1956. – 149 с. (на арм. яз.)

Туманян Н. Воспоминания и беседы. – Ереван: Луйс, 1987. – 335 с. (на арм. яз.)

Туманян-критик. – Ереван: ГИЗ АрмССР, 1939. – 470 с. (на арм. яз.)

Чобанян А. Собрание писем. Ереван: Советакан грох, 1980. – 499 с. (на арм. яз.)

Шахкян Г. Архитектурно-строительная деятельность армянского народа в VIII – IX веках. Ереван: Анаит, 2004. – 232 с. (на арм. яз.)

Ширванзаде. Ал. Собр. соч. В 10-и т., т. 10. Ереван: Айпетрат, 1962. – 723 с. (на арм. яз.)

б) Статьи

Айвазян К. В. Работа В. Я. Брюсова над вторым изданием «Поэзии Армении». – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1963, № 4, с. 99 – 114

Акопян Э. А. Связи В. Я. Брюсова с русской школой арменоведения. – В сб.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 291–302

Алексанян Е. А. В. Брюсов и П. Антокольский – переводчики поэмы Ав. Исаакяна «Абул-Ала-Маари». – В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 336–358

Амирханян М. Д. Поэтический цикл «В Армении» В. Я. Брюсова. – В сб.: Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983, с. 198–206

Амирханян М. Д. В. Я. Брюсов и классики советской армянской литературы. – В сб.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 283–290

Анчугова Т. Брюсов и Игорь Северянин (к истории литературных взаимоотношений). – В сб.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1977, с. 51–62

Арзуманян М. В. История армянского народа в освещении В. Я. Брюсова. – В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 53–81

Ахумян Т. Валерий Брюсов – переводчик армянской поэзии. – Дружба народов, 1956, № 5, с. 181–184

Ахумян Т. С. Две встречи с Валерием Брюсовым. – В сб.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 319–328

Ахумян Т. С. Валерий Брюсов и Ваан Терьян (к вопросу об их творческих взаимоотношениях). – В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 116–129

Брюсов В. Я. Эмиль Верхарн об Армении. – В кн.: Брюсов и Армения. Кн. 1. Стихи, статьи, очерки и письма. Ереван, 1988, с. 260–265

Брюсова И. Из воспоминаний. – Литературная Армения, 1959, № 5, с. 99–106

Ганалаян О. Т. Армянская поэзия и Валерий Брюсов. – В кн.: Поэзия Армении. В переводах и оценке В. Я. Брюсова. Ереван, 1963, с. 5–25

Ганалаян О. Армения в поэзии Брюсова. – В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 538–545

Ганалаян О. Т. Поэты Армении и Валерий Брюсов. – В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 107–115

Гаспарян А. М. Раскрытие В. Брюсовым армянской темы в поэзии Э. Верхарна. – В сб.: Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983, с. 207–211

Григорьян К. Переписка В. Я. Брюсова с Ованесом Ованисяном. – Изв. АН АрмССР, обществ. науки, 1964, № 9, с. 53–58 (на арм. яз.)

Давтян С. С. Лекции В. Я. Брюсова в Закавказье. – В сб.: Брюсовские чтения 1986 года. Ереван, 1992, с. 313 – 323

Давтян С. С. Новые материалы о лекциях В. Я. Брюсова в Закавказье. – X. Брюсовские чтения: Тезисы докла-

дов межвузовской научной конференции. Ставрополь, 1994, с. 61

Даниелян Э. С. Несколько архивных материалов о В. Я. Брюсове. — В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 563–567

Даронян С. Проблема литературных связей в работах В. Я. Брюсова по армянской литературе. — В сб.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 82–106

Даронян С. Валерий Брюсов (к 100-летию со дня рождения). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1973, № 4, с. 3–16

Даронян С. К. Валерий Брюсов и Ованес Туманян. — В сб.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 271–282

Дербенева А., Дербенев Г. Брюсов как классик дружбы народов. — В сб.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, с. 86–99

Егикян С. А. Брюсов в «Армянском вестнике». — В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 546–553

Закарян А. А. Валерий Брюсов в Закавказье и армянская литературная жизнь. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1983, № 2–3, с. 74–88 (на арм. яз.)

Закарян А. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 8, с. 25–35 (на арм. яз.)

Закарян А. Из переписки Гарегина Овсепяна и Тирайра Тер-Ованесяна. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 5, с. 79–90 (на арм. яз.)

Закарян А. Письма Иоанны Брюсовой Тиграну Иоаннисяну. — Вестник архивов Армении, 1986, № 1, с. 97–99

Закарян А. Программа лекций В. Брюсова в Закавказье. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1986, № 3, с. 79–82

Закарян А. Валерий Брюсов — пропагандист армянской поэзии. — Литературная Армения, 1986, № 10, с. 93–96

Закарян А. А. Армянская действительность и русские литературные деятели (10 - е годы XX века). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1990, № 2, с. 78–88

Закарян А. А. Статьи: «В. Брюсов», «Ю. Веселовский», «Русская дореволюционная литература», «М. Горький». — Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991; Ереван, 1996 (на арм. яз.)

Закарян А. А. Армения в литературно-общественной деятельности Валерия Брюсова. — Вестник общественных наук НАН РА, 2002, № 2, с. 125–134

Закарян А. Сборник В. Брюсова «Поэзия Армении». Критические заметки. — Историко-филологический журнал, 2004, № 1, с. 81–109 (на арм. яз.)

Закарян А. Новые литературные течения в Закавказье (по материалам прессы 10-х гг. XX века). — Историко-филологический журнал НАН РА, 2004, № 3, с. 21 – 51

Закарян А. В. Д. Плетнев об Армянском вопросе (накануне Первой мировой войны). — Историко-филологический журнал НАН РА, 2014, № 1, с. 22–28

Закарян А. Лекции В. Брюсова об армянской поэзии. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2016, № 2, с. 48–73.

Маргарян А. Валерий Брюсов и литература Армении. — Литература и жизнь, 1960, 30 ноября

Маргарян А. Е. В. Брюсов в оценке армянской критики. — В сб.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 260–290

Нерсисян М. Г. В. Брюсов и его книга «Летопись исторических судеб армянского народа». — В сб.: *Нерсисян М. Г.* Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982, с. 218–226

Ованесян С. Г. Переписка Иоанны Брюсовой с Нвард Туманян. — В сб.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 418–451

Овнан Г. Н. Послесловие. – В кн.: *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1963, с. 229–237.

Овнан Г. В. Брюсов и армянская поэзия. – В кн.: *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1967, с. 263–273 (на арм. яз.)

Овнан Г. Большой друг армянской культуры. – В кн.: Армянские писатели о Валерии Брюсове. Ереван, 1975, с. 5–11 (на арм. яз.)

Сафразбекян И. Новые материалы об истории создания сборника «Поэзия Армении». – Литературная Армения, 1965, № 11, с. 106–110

Сукиасян С. Валерий Брюсов и Ваан Терян. – Известия Армянского филиала АН СССР, 1941, № 3–4, с. 13–22 (на арм. и рус. яз.)

Татосян Г. А. Из архива Валерия Брюсова. – Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 88–93

Татосян Г. А. Большой друг армянской литературы (к 90-летию со дня рождения В. Я. Брюсова). – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1963, № 4, с. 15–24 (на арм. яз.)

Татосян Г. А. В. Брюсов – переводчик армянской поэзии (о некоторых переводческих принципах В. Брюсова). – В сб.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 185–198

Тиханчева Е. П. Две лекции В. Я. Брюсова о Пушкине. – В сб.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 366–400

Туманян Ов. Слово, обращенное к Брюсову. – В кн.: *Туманян О.* Избранные произведения. В 3-х т., т. 3. Ереван, 1969, с. 288–291

Ханзадян В. М. Валерий Брюсов в Баку. – В сб.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 329–331

Шенгели Г. Валерий Брюсов. – Литературная Армения, 1980, № 9, с. 93–101

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Глава I	
В. Брюсов — исследователь и пропагандист армянской поэзии	
1. Бакинские дни	14
2. В. Брюсов в Тифлисе	29
3. Лекции в Эчмиадзине, Ереване и Тифлисе	37
Глава II	
Сборник «Поэзия Армении» (критические заметки)	54
Глава III	
Лекции в Баку (январь 1917 г.)	110
Глава IV	
В. Брюсов и классики армянской литературы (творческие связи и сотрудничество)	127
Послесловие	144
Резюме (на арм. яз.)	147
Summary	150
Список источников и использованной литературы	153

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

АРМЕНИЯ
В ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. БРЮСОВА

Изд. заказ. № 730

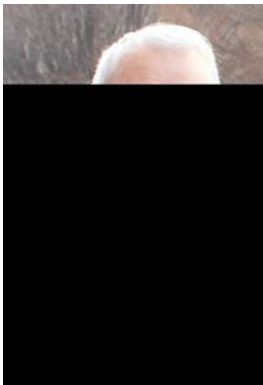
Формат 60x84¹/₁₆ . Печ. л. 10,5.

Бумага офсетная № 1. Тираж 120.

Типография издательства «Гитутюн»

НАН РА, Ереван,

пр. Маршала Баграмяна, 24

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

Доктор филологических наук.

Член Союза журналистов СССР и РА.

Исследователь вопросов армянской действительности начала XX века, армяно-русских историко-литературных связей.

Автор научных монографий и составитель сборников:

— Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920), Е., 1984 (на арм. яз.)

— Русские литераторы и армянская действительность (10 - е гг. XX в.), Е., 1994

— Александр Кулебякин и Армения, Е., 2003

— Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов, Е., 2003

— Борис Лазаревский об Армении и армянских женщинах, Е., 2004 (на арм. яз.)

— Потери армянского народа в годы Первой мировой войны (сборник документов и материалов «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны»), Е., 2005 (на арм. и рус. яз.)

— Арташес Гегамян. Статьи, интервью, выступления (сб.), Е., 2005; 2-е изд. 2006 (на арм. и рус. яз.)

— Из публицистического наследия Ширванзаде (1914 – 1919 гг.), Е., 2006 (на арм. яз.)

— Тигран Иоаннисян. Османское правительство и иттихат перед судом человечества, Е., 2007 (на арм. яз.)

— Поручик Алексей Колмаков. Историческая армянская рота, Е., 2009

— Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье, Е., 2010 (на арм. яз.)

— Тифлисский «Цех поэтов» Сергея Городецкого и сборник «Акме», Е., 2011

— Тифлиссские дни Ильи Эренбурга, Е., 2012 (на арм. и рус. яз.)

— Страницы из историко-публицистического наследия Манука Абе-гяна, Е., 2013 (на арм. яз.)

— Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина, Е., 2014 (на арм. яз.)

— Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916 – 1921 гг.). Е., 2015